

Фрэнк Герберт
ЕРЕТИКИ

ЛЮНЬ

Вселенная Дюны

Фрэнк Герберт
Еретики Дюны

«АСТ»

1984

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-44

Герберт Ф.

Еретики Дюны / Ф. Герберт — «АСТ», 1984 — (Вселенная Дюны)

Спустя полторы тысячи лет после катастрофы и великого исхода из Старой Империи на родину возвращаются потомки переселенцев. Они несут с собой странные пугающие технологии и опасные идеи, способные снова ввергнуть мир в хаос...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-44

© Герберт Ф., 1984
© АСТ, 1984

Фрэнк Герберт

Еретики Дюны

Frank Herbert
HERETICS OF DUNE

Печатается с разрешения Herbert Properties LLC и литературных агентств Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

© Frank Herbert, 1984

© Перевод. А. Анваер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Когда я писал «Дюну»...

...то был совершенно свободен от мыслей об успехе или провале книги. Единственное, что меня занимало, – это сам процесс творчества. Прежде чем сесть за стол, чтобы сплести воедино все нити сюжета, я потратил шесть лет на серьезную исследовательскую работу. Труд над книгой потребовал от меня высочайшей концентрации.

Повествование было призвано исследовать миф о мессии.

Мне хотелось взглянуть на обитаемую планету как на некую энергетическую машину.

Проникнуть в тесную взаимосвязь политики и экономики.

Исследовать ловушки, которые таят в себе абсолютные предсказания.

Книга должна была стать лекарством, помогающим осознать, что может произойти от взаимодействия упомянутых факторов.

В моей книге аналогом нефти является питьевая вода, запасы которой истощаются с каждым годом.

Это был экологический роман, но я не мог замыкать себя в столь тесные рамки, – в романе описаны судьбы людей, их жизнь и человеческие ценности. Мне постоянно приходилось держать в голове все линии сюжетной канвы.

Для прочего просто не оставалось места.

После первой публикации сообщения издателей были скудными, и как выяснилось позже, не вполне точными. Критики были беспощадны. Двенадцать издателей вернули мне рукопись. Не было никакой рекламы. Что-то тем не менее происходило... Но что?

В течение двух лет книжные магазины и отдельные читатели завалили меня письмами с одним-единственным вопросом: «Где можно купить книгу?» Во Всемирном Каталоге появилась хвалебная статья. Мне звонили и спрашивали, не основал ли я новый религиозный культ.

Я отвечал, что ни в коем случае не собирался этого делать.

Постепенно я начал осознавать, что мой роман имеет успех. К тому времени, когда были закончены первые три тома «Дюны», у меня уже не было сомнений в том, что это популярная книга – одна из самых популярных в истории. Мне говорили, что во всем мире было продано больше десяти миллионов экземпляров. Теперь мне чаще всего задают следующий вопрос: «Что означает для вас этот успех?»

Вопрос этот меня удивляет. Честно признаться, я не рассчитывал на неудачу. Передо мной стояла задача, и я выполнял ее. Некоторые части «Мессии Дюны» и «Детей Дюны» были написаны до того, как я закончил «Дюну». Книги постепенно обрастали плотью, но суть оставалась прежней. Я – писатель, и я писал. Успех означал только одно – теперь я мог уделить писательству больше времени.

Оглядываясь назад, я понимаю, что инстинктивно выбрал совершенно правильную тактику. Нельзя писать ради успеха. Это отвлекает от творчества. Если ты занят делом, то надо делать только его, а мое занятие – писать.

Между мною и читателем существует неписаное соглашение. Если человек приходит в книжный магазин и платит за мой роман заработанные тяжким трудом деньги, то я просто обязан доставить ему удовольствие, хотя мой долг перед ним превышает то, что я в состоянии дать.

Таковы были мои искренние намерения.

Фрэнк Герберт

Суть большинства учений скрыта – эти учения предназначены не для того, чтобы освободить, но для того, чтобы ставить пределы. Никогда не спрашивай «Почему?». «Как?» и «Почему?» неизменно приводят к парадоксам. «Как?» загоняет вас в ловушку бесчисленных причин и следствий. И те и другие отрицают бесконечность.
Апокрифы Арракиса

– Разве не говорила тебе Тараза, что мы имели дело с одиннадцатью Дунканами Айдахо? Нынешний – двенадцатый. – Облокотившись на парапет третьего этажа, пожилая Преподобная Мать Швандю произнесла эти слова с задумчивой горечью. Внизу, на небольшой лужайке в одиночестве играл мальчик. Яркое полуденное солнце планеты Гамму, отражаясь от белых стен двора, наполняло воздух сияющим светом; казалось, что на маленького гхола направлен луч солнечного зайчика.

Имели дело! – подумала Преподобная Мать Луцилла. С большим трудом заставив себя коротко кивнуть, она подивилась холодности и небрежности в выборе выражений, столь характерных для Швандю. *Мы использовали все свои ресурсы; пришлите нам еще!*

Мальчику на лужайке можно было дать около двенадцати стандартных лет, но внешность, скорее всего, была обманчивой – у гхола еще не пробудилась исходная память. В этот момент ребенок поднял глаза и взглянул на женщин. Мальчик был коренаст и крепок, взгляд его казался прямым и мужественным. Глаза сверкнули из-под шапки курчавых, словно каракуль, черных волос. Желтое весеннее солнце отбрасывало от фигурки ребенка короткую тень. Кожа мальчика загорела до черноты, но сдвинувшийся от движения край синего комбинезона открыл очень светлую кожу.

– Эти гхола не только очень дороги, они еще и в высшей степени опасны для нас, – продолжала Швандю. Ее голос был лишен какого бы то ни было выражения и эмоций, и это придавало ему еще больше властности. То был голос Преподобной Матери Наставницы, обращающейся к ученице, и Луцилла лишняя раз вспомнила, что Швандю была одной из немногих, кто решался открыто протестовать против проекта гхола.

Тараза предупреждала: «Она постарается переиграть тебя».

– Достаточно с нас одиннадцати неудач, – проговорила Швандю.

Луцилла посмотрела на покрытое морщинами лицо Швандю и внезапно подумала: *Когда-нибудь я тоже стану старой и мудрой. Возможно, что и власть моя в Бене Гессерит будет не меньшей.*

Швандю была маленькой тщедушной женщиной, возраст которой выдавали многочисленные отметины, полученные на трудной службе в Общине Сестер. Во время обучения Луцилла узнала, что обычная черная накидка Швандю скрывает тощее морщинистое тело, которое видели только служанки и предназначенные для нее мужчины. Рот Швандю был излишне широк, нижнюю губу окаймляли морщины, избороздившие выступающий вперед подбородок. Манеры женщины были отрывисты, речь краткой, что многие из новичков расценивали как признак гнева. Глава Убежища Общины на Гамму была более скрытной, чем все остальные Преподобные Матери.

Более чем когда-либо Луцилле захотелось побольше узнать о проекте гхола. Однако Тараза четко очертила границу, дальше которой не следовало ступать: «Не следует доверять Швандю в том, что касается безопасности гхола».

– Мы полагаем, что тлейлаксиянцы сами убили большинство из предыдущих одиннадцати, – продолжала между тем Швандю. – Это само по себе кое-что да значит.

Подражая манере Швандю, Луцилла ждала, не проявляя никаких эмоций. Всем своим видом она желала сказать: «Возможно, я намного моложе тебя, Швандю, но и я тоже являюсь полноправной Преподобной Матерью». Не поворачивая головы, Луцилла чувствовала, как Швандю сверлит ее взглядом.

Швандю видела голографический портрет Луциллы, но женщина во плоти и крови сильно ее смутила. Луцилла прошла, без сомнения, блестящую подготовку. Яркосиние пронизательные глаза очень шли к ее овальному лицу. Капюшон абы был откинут назад, открывая каштановые волосы, скрепленные у висков гребнем и рассыпавшиеся по спине. Даже глухая накидка не могла скрыть выступающей округлой груди. Луцилла происходила из генетической линии, созданной для материнства, и действительно родила уже троих детей для Общины, причем двоих от одного и того же супруга. Да, настоящая колдунья с каштановыми волосами, полной грудью и предрасположенностью к материнству.

– Ты почти ничего не говоришь, – сказала Швандю, – это означает, что Тараза расположила тебя против меня.

– Есть ли у тебя основания полагать, что убийцы попытаются убить двенадцатого гхола? – спросила Луцилла.

– Они уже делали это.

Очень странно, что при мыслях о Швандю в голову приходит слово «ересь», подумала Луцилла. Может ли среди Преподобных Матерей быть еретичка? Религиозному оттенку этого слова, казалось, не было места в контексте Бене Гессерит. Как вообще может возникнуть религиозное еретическое течение среди людей, все устремления которых направлены на манипулирование всеми вещами?

Луцилла вновь обратила свое внимание на гхола, который, улучив момент, прошелся колесом вдоль периметра лужайки и снова вернулся под балкон. Мальчик остановился и посмотрел вверх.

– Как он хорошо крутится, – насмешливо произнесла Швандю. Старушечий голос не смог скрыть затаенную злобу.

Луцилла метнула быстрый взгляд на Швандю. *Ересь.* Здесь неуместно слово «раскол». Понятием *оппозиция* нельзя было выразить все чувства, которые сейчас бушевали в старой женщине. Эти эмоции могли потрясти самые устои Бене Гессерит. Бунт против Таразы, против Верховной Преподобной Матери? Немыслимо! Верховная Мать обладала prerogativami монарха. Выслушав все советы, она принимала решение, которое было обязательным для всех Сестер Общины.

– У нас нет времени на создание новых проблем! – воскликнула Швандю.

Смысл ее слов был совершенно ясен. Люди из Рассеяния продолжали возвращаться, и намерения некоторых из них угрожали Общине Сестер. *Почтенные Матроны!* Как это словосочетание напоминает титул Преподобной Матери.

Луцилла запустила пробный шар:

– Ты думаешь, что нам стоит сосредоточить свое внимание на проблеме этих Почтенных Матрон из Рассеяния?

– Сосредоточить? Ха! У них нет и тени нашей власти. Они не проявляют никакой доброй воли и здравого смысла. Они не обладают меланжей, а это именно то, что они хотят получить от нас, – обладание Пряностью.

– Возможно, – согласно кивнула Луцилла. Аргумент показался ей слабым.

– Верховная Мать Тараза, забыв здравый смысл, носится с этим гхола, – снова заговорила Швандю.

Луцилла промолчала. Проект гхола задел старую, давно умолкнувшую было струну Общины Сестер. Сама возможность, пусть даже отдаленная, возродить Квисатц Хадераха, порождает в рядах Сестер страх и ненависть. Пробудить к жизни останки червеобразного тирана! Это было крайне опасно.

– Этот гхола не должен попасть на Ракис ни при каких обстоятельствах, – злобно пробормотала Швандю. – Пусть Червь спит.

Луцилла снова посмотрела на ребенка-гхола. Мальчик отвернулся от парапета, но что-то в его осанке говорило о том, что он понимает, что Преподобные Матери обсуждают его, и ждал вынесения вердикта.

– Без сомнения, ты понимаешь, что тебя призвали именно потому, что он еще очень юн, – сказала Швандю.

– А я и не слышала, что именно у таких детей сильнее всего выражен импринтинг, – с мягкой иронией произнесла Луцилла, понимая, что ирония эта не ускользнет от внимания Швандю и будет неправильно истолкована. Бене Гессерит давно научился управлять сотворением, воспитал блестящие кадры – это управление стало специальностью Общины Сестер. Швандю сейчас, должно быть, думает о том, что любовью надо пользоваться, но всячески ее избегать. Аналитики Общины знали, в чем кроются корни любви. Этот вопрос был исследован в самом начале их пути, но Сестры не осмелились искоренить это чувство в тех, на кого пытались влиять. Неукоснительное правило гласило: будьте терпимы к любви, но сами берегитесь ее. Знайте, что любовь внедрена в самые глубинные структуры человеческого существа, являясь надежной основой непресекающегося продолжения рода. При необходимости ее надо использовать, внушать людям любовь друг к другу, а потом использовать в интересах Общины Сестер, зная, что эти люди связаны неразрывными узами, практически недоступными стороннему наблюдателю. Но при наличии знаний эти нити можно с успехом использовать, заставляя любящих исполнять нужный танец под неосознанную ими самими музыку.

– Я не предполагала, какую мы совершаем ошибку, подвергая это создание импринтингу, – сказала Швандю, неверно поняв молчание Луциллы.

– Мы делаем то, что нам приказано делать, – значительно произнесла Луцилла. Пусть Швандю думает по этому поводу что ей заблагорассудится.

– Следовательно, ты не возражаешь против отправки этого гхола на Ракис, – сказала Швандю. – Интересно, стала бы ты так упорствовать, если бы знала подноготную всей истории?

Луцилла глубоко вздохнула. Неужели сейчас ей расскажут все, что связано с созданием многочисленных гхола Дункана Айдахо?

– На Ракисе живет маленькая девочка по имени Шиана Браф, – заговорила Швандю. – Она обладает способностью управлять гигантскими червями.

Луцилла попыталась сдержать внезапно проснувшуюся тревогу. *Гигантские черви. Не Шай-Хулуд. Не шайтан. Гигантские черви.* Наконец-то появились наездники, оседлавшие червей, предсказанные Тираном!

– Это не пустая болтовня, – проговорила Швандю, недовольная затянувшимся молчанием Луциллы.

Это действительно не пустая болтовня, подумала Луцилла. Но ты называешь вещи согласно их описательным ярлыкам, а не по их мистическому смыслу. Гигантские черви. На самом-то деле ты думаешь о Тиране, Лето II, чей бесконечный сон продолжается в виде перлов сознания каждого такого червя. Во всяком случае, мы верим в это.

Швандю кивнула головой в сторону ребенка на лужайке.

– Как ты думаешь, этот гхола сможет повлиять на девочку, управляющую червями?

Наконец-то мы сбросили личину, подумала Луцилла, но вслух произнесла другое:

– Не чувствую никакой потребности отвечать на этот вопрос.

– А ты действительно осторожна, – сказала Швандю.

Луцилла выгнула спину и потянулась. *Осторожна? Да, в самом деле!* Тараза говорила ей: «Во всем, что касается Швандю, действуй со всей возможной осторожностью, но быстро. Временной промежуток, в течение которого мы можем достичь успеха, весьма узок».

Но в чем заключается этот успех? – подумала Луцилла. Она искоса взглянула на Швандю.

– Я не понимаю, каким образом тлейлаксианцы смогли убить одиннадцать этих гхола. Как они сумели преодолеть нашу защиту?

– Теперь у нас есть башар, – ответила Швандю. По ее тону чувствовалось, что она сама не верит в то, что говорит.

Напутствуя Луциллу, Верховная Мать Тараза сказала: «Ты – импринтер. Прибыв на Гамму, ты сама кое в чем разберешься. Но для выполнения своей миссии тебе не обязательно знать весь замысел».

– Ты только подумай о цене! – произнесла Швандю, неприязненно глядя на гхола. Мальчик в это время полз по лужайке, хватаясь за пучки травы.

Луцилле было совершенно ясно, что цена здесь ни при чем. Гораздо важнее было открытое признание в неудаче. Община Сестер не имела права расписаться в собственном бессилии. Жизненно важно было другое – импринтер был прислан достаточно рано. Тараза понимала, что импринтер увидит обстановку и частично в ней разберется.

Костлявой рукой Швандю указала на ребенка, который снова вернулся к своим одиноким играм, бегая и кувыркаясь на лужайке.

– Политика, – проговорила старуха.

Нет никакого сомнения, что именно политика Сестер лежит в основе ереси Швандю, подумала Луцилла. Вся интрига внутренних противоречий состояла в том, что именно Швандю стала руководителем Убежища здесь, на Гамму. Те, кто осмеливался противостоять Таразе, предпочитали не отсиживаться в тени.

Швандю обернулась и посмотрела в лицо Луцилле. Сказано было уже достаточно. Того, что они обе сказали и услышали, было довольно для тренированного сознания воспитанниц Бене Гессерит. Капитул тщательно проверил кандидатуру Луциллы, прежде чем прислать ее на Гамму.

Луцилла почувствовала, что старуха внимательно изучает ее, но не позволила ей коснуться того глубинного ощущения цели, на которое каждая Преподобная Мать опирается в минуты потрясения. *Вот так. Пусть она повнимательнее ко мне приглядится.* Луцилла повернулась лицом к Швандю, на губах молодой женщины заиграла приветливая улыбка, в то время как взгляд блуждал по крыше дома напротив.

В этот момент на крыше появился человек в военной форме, вооруженный тяжелым лазерным ружьем. Он внимательно взглянул на женщин, потом перевел взгляд на мальчика.

– Кто это? – спросила Луцилла.

– Патрин, доверенный помощник башара, – ответила Швандю. – Утверждает, что он всего лишь ординарец, но надо быть слепым идиотом, чтобы в это поверить.

Луцилла внимательно пригляделась к мужчине. Итак, это Патрин. Тараза говорила, что он уроженец Гамму. На эту должность его пригласил сам башар. Этот худощавый блондин был слишком стар, чтобы служить простым солдатом, однако башар самолично вызвал его из отставки и приказал нести службу.

Швандю заметила ту неподдельную озабоченность, с которой Луцилла перевела взгляд с Патрина на маленького гхола. Да, если для охраны Убежища призвали башара, значит, жизни гхола угрожала нешуточная опасность.

Луцилла не стала скрывать своего внезапного удивления.

– Почему... именно он...

– Таков приказ Майлса Тега, – ответила Швандю, назвав башара по имени. – Игры мальчика – это тренировка. Его мышцы должны быть подготовлены к тому моменту, когда восстановится его истинное «я».

– Но ведь он не выполняет даже простейших упражнений, – возразила Луцилла. Ее собственные мышцы непроизвольно напряглись, вспомнив давнюю тренировку.

– Мы не делимся с этим гхола тайнами Общины, – сказала Швандю. – Практически все остальное из сокровищницы наших знаний окажется в его распоряжении. – По ее тону было ясно, что Преподобная Мать сама считает эти аргументы весьма спорными.

Луцилла действительно возразила:

– Но ведь никто всерьез не думает, что этот гхола может стать Квисатц Хадерахом.

В ответ Швандю только пожала плечами.

Луцилла принялась молча размышлять. Может ли произойти трансформация этого гхола в мужской вариант Преподобной Матери? Сможет ли этот Дункан Айдахо заглянуть туда, куда не осмеливается взглянуть ни одна Преподобная Мать?

Швандю заговорила. Ее голос был больше похож на звериный рык.

– Замысел этого проекта... был задуман очень опасный план. Они могут совершить ту же самую ошибку... – она осеклась.

Они, подумала Луцилла. Их гхола.

– Я отдала бы все, что угодно, за то, чтобы знать, какую позицию занимают в этом деле иксианцы и Говорящие Рыбы, – сказала Луцилла.

– Говорящие Рыбы! – Швандю тряхнула головой, негодуя от одной только мысли об остатках гвардии, которая когда-то служила только и исключительно Тирану. – Они верят в истину и справедливость.

Горло Луциллы на мгновение сдавила спазма, но она быстро взяла себя в руки. Швандю осталось сделать лишь один шаг, чтобы открыто высказать свою оппозицию. Однако она командует здесь. Правила политики просты: те, кто противится какому-либо проекту, должны отслеживать его, чтобы прервать при первых же тревожных признаках. Но там, внизу на лужайке, находится истинный гхола Дункан Айдахо. Сравнительный клеточный анализ, и Вещающие Истину подтвердили это.

Приказ Таразы был ясен и краток: «Ты должна научить его любви во всех ее формах».

– Он еще так юн, – произнесла Луцилла, не отрывая взгляда от маленького гхола.

– Да, юн, – согласилась Швандю. – Я полагаю, что пока тебе придется пробудить в нем детский ответ на материнскую привязанность. Потом... – Швандю пожала плечами.

На лице Луциллы не дрогнул ни один мускул. Воспитанницы Бене Гессерит обязаны повиноваться приказам. *Я – импринтер. Поэтому...* Приказ Таразы и тренировка импринтера предполагали вполне определенный ход событий.

Вслух Луцилла сказала совсем иное:

– Есть одна женщина, очень похожая на меня и говорящая моим голосом. Я подготовлена по ее образу. Могу я узнать, кто она?

– Нет.

Луцилла промолчала. Она не ожидала откровенности, но многие не раз отмечали удивительное сходство Луциллы со Старшей Матерью Охранительницей Дарви Одраде. Несколько раз Луцилла слышала, как ей вслед говорили: «Вылитая Одраде в молодости». Обе – Луцилла и Одраде – происходили от Атрейдесов, в их генетической линии были возвратные скрещивания с потомками Сионы. Эти гены не были монопольной собственностью Говорящих Рыб! Однако *память других*, заключенная в сознании Преподобной Матери, при всей своей линейной избирательности и ограниченности женскими образами, давала все же важный ключ к

пониманию громадных очертаний проекта гхола. Луцилла, которая в своем опыте опиралась на маску Джессики, заложенную в генетический материал Общины около пяти тысяч лет назад, теперь ощутила страх перед этим источником. Во всем чувствовался знакомый до боли паттерн. Луцилла ощутила такую обреченность, что стала машинально читать Литанию против страха, которой ее научили при первом посвящении в ритуалы Общины Сестер.

«Я не должна бояться. Страх – убийца разума. Страх – это маленькая смерть, несущая с собой полное оцепенение. Я встречу свой страх лицом к лицу. Я позволю ему пройти надо мной и сквозь меня. И когда он пройдет, я обращу свой внутренний взор на его путь. Там, где прошел страх, не остается ничего. Остаюсь только я».

К Луцилле вновь вернулось спокойствие.

Почувствовав это, Швандю позволила себе немного расслабиться. Луцилла не была тупицей, *особой* Преподобной Матерью, с пустым титулом и лишенной способности действовать, не приводя в замешательство Сестер. Луцилла была настоящей, от нее трудно было скрыть реакцию, даже если это реакция другой Преподобной Матери. Что ж, очень хорошо, пусть она знает все о противодействии Швандю этому идиотскому и опасному проекту!

– Я не думаю, что их гхола доживет до поездки на Ракис, – сказала Швандю.

Луцилла сделала вид, что пропустила эти слова мимо ушей.

– Расскажи мне о его друзьях, – попросила она.

– У него нет друзей, только учителя.

– Когда я познакомлюсь с ними? – Она задержала взгляд на Патрине, который стоял с ружьем на изготовку, опершись на низкий столбик парапета противоположной крыши. Внезапно потрясенная Луцилла поняла, что Патрин внимательно наблюдает за ней. Патрин – вестник башара! Швандю несомненно все видела и понимала. *Мы следим за ним!*

– Полагаю, что прежде всего ты хотела бы познакомиться с Майлсом Тегом, – сказала Швандю.

– И не только с ним.

– Может быть, тебе стоит сначала наладить контакт с самим гхола?

– У меня уже есть с ним контакт. – Луцилла кивнула в сторону мальчика, который снова неподвижно стоял посреди замкнутого двора и внимательно смотрел на женщин. – Он умеет думать.

– Я могу полагаться только на доклады других, – сказала Швандю, – но на их основании я подозреваю, что этот является самым мыслящим из всей серии.

Луцилла с трудом подавила дрожь, которая охватила ее от той готовности к насилию, которая просквозила в словах старухи. В них не было даже намек на то, что мальчик внизу принадлежит к роду человеческого.

Пока Луцилла размышляла, на небо, как и обычно в этот час, набежали тучи. Над Убежищем задул холодный ветер, взметая вихри на внутреннем дворе. Мальчик отвернулся и принялся бегать по траве, стараясь движениями сохранить тепло.

– Куда он уходит, чтобы побыть одному? – спросила Луцилла.

– По большей части в свою комнату. Несколько раз он пытался бежать, но мы убедили его в бесплодности попыток.

– Должно быть, он ненавидит нас всей душой.

– Я в этом уверена.

– Я должна немедленно положить этому конец.

– Естественно, импринтер никогда не должен сомневаться в своих способностях преодолеть ненависть.

– Я много думала о Геазе, – Луцилла понимающе посмотрела на Швандю, – и нахожу достойным удивления, что вы позволили ей допустить такую ошибку.

– Я никогда не вмешиваюсь в естественный процесс обучения гхола. Если кто-то из учителей оказывает ему особое внимание, то это не моя проблема.

– Привлекательный ребенок, – сказала Луцилла.

Они еще некоторое время постояли у парапета, наблюдая за тренировочной игрой гхола Дункана Айдахо. Обе Преподобные Матери думали о Геазе, одной из первых учительниц, прибывших сюда для осуществления проекта гхола. Отношение Швандью не отличалось особой сложностью: *Миссия Геазы была обречена на неудачу*. Луцилла же думала иначе: *Швандью и Геаза сильно усложнили мою задачу*. Ни одна из женщин ни единым жестом не выдала этих мыслей, которые подтверждали их верность своим взглядам.

Наблюдая за ребенком, Луцилла по-новому оценила то, чего в действительности сумел достичь Тиран Бог-Император. Лето Второй использовал бесчисленные копии этих гхола на протяжении огромного срока в тридцать пять тысяч лет. В течение этого срока гхола беспрерывно сменяли друг друга. Да и сам Бог-Император Лето Второй не был просто слепой силой природы. Он был величайшим джаггернаутом человеческой истории, изменявшим все на свете: социальные системы, естественную и противоестественную ненависть, формы правления, ритуалы (запретительные и предписывающие), религиозные привычки и религиозные переживания. Сокрушающая длань Тирана коснулась всего, в том числе и Бене Гессерит.

Лето Второй называл это Золотым Путем, и выдающейся фигурой на этом пути всегда была копия Дункана Айдахо. Луцилла изучала донесения Бене Гессерит – возможно, самые лучшие образчики этого жанра во всей обитаемой вселенной. Даже сегодня на большинстве старых имперских планет новобрачные разбрызгивают воду на восток и на запад, произнося на местных языках: «Пусть твое благословение вернется к нам от нашего приношения, о Бог Бесконечной Силы и Бесконечной Милости».

Когда-то этот ритуал был прерогативой Говорящих Рыб и их покорного воле Императора священства – это усиливало послушание и почитание Божества. Но феномен начал жить собственной жизнью и постепенно превратился в навязчивость, охватившую все слои общества. Даже самые сомневающиеся верующие говорили: «Ну что ж, во всяком случае, от этого не будет никакого вреда». То было достижение, перед которым в благоговейном ужасе преклонялись даже изощренные конструкторы религий из Защитной Миссии Бене Гессерит. Тиран сумел превзойти их на этом поприще. Даже теперь, спустя полторы тысячи лет после смерти Тирана, Сестры были бессильны развязать узел этого достижения Лето Второго.

– Кто отвечает за религиозное воспитание ребенка? – спросила Луцилла.

– Никто, – ответила Швандью. – Кому это надо? Если он при пробуждении автоматически усвоит свой исходный образ, то вместе с ним он усвоит и религиозные идеи. Если надо, то мы будем разбираться именно с ними.

Тем временем мальчик закончил свои упражнения. Не удостоив женщин взглядом, он покинул двор через расположенные слева широкие двери. Патрин, тоже не взглянув на Преподобных Матерей, тотчас же покинул свой пост.

– Пусть тебя не вводит в заблуждение простое поведение людей Тега, – сказала Швандью. – У них глаза на затылке. Мать, родившая Тега, была, как тебе известно, одной из нас. Он учит, что с этими гхола лучше не иметь дела!

Взрыв – это сжатие времени. Существует точка зрения, что в какой-то степени все доступные наблюдению изменения во вселенной являются взрывными по своей природе; в противном случае они были бы незаметны. Медленные изменения гладкого континуума, при их достаточно медленном темпе, остаются незамеченными наблюдателем из-за краткости времени, имеющегося в его распоряжении. Поэтому на

основании своего опыта я могу сказать, что видел изменения, которые остались незамеченными.

Лето II

Освещенная утренним солнцем женщина, стоявшая перед столом, за которым сидела Верховная Преподобная Мать Альма Мавис Тараза, была высокой и грациозной. Длинная черная аба, ниспадавшая сверкающим водопадом с плеч до самого пола, не могла скрыть гибкости и изящества движений ее обладательницы.

Подавшись вперед, Тараза просматривала закодированные шифром Бене Гессерит записи, которые проецировались сейчас на поверхность стола и предназначались только для ее глаз.

На поверхности стола появилась надпись «Дарви Одраде», после чего последовала краткая биография, которую Тараза знала уже во всех подробностях. Подобный тайный дисплей служил нескольким целям – он обеспечивал напоминание необходимых для работы деталей, позволял выиграть время в необходимых случаях, когда можно было сделать вид, что разглядываешь записи, кроме того, такой журнал позволял принять окончательное решение в случае, если в ходе беседы всплывали какие-либо негативные факты.

Одраде родила для Бене Гессерит девятнадцать детей, сообщили Таразе проплывающие перед глазами буквы. Все дети были рождены от разных отцов. В этом не было бы ничего необычного, но даже при самом пристальном взгляде нельзя было сказать, что столь частые роды сказались на фигуре Одраде. Черты лица носили отпечаток врожденной надменности, которую подчеркивали длинный нос и острые выдающиеся скулы. Все черты словно спускались вниз, указывая на узкий вытянутый подбородок. Рот, однако, был полным и чувственным, обещающая страсть, которую Одраде умела обуздывать.

Мы всегда можем положиться на гены Атрейдесов, подумала Тараза.

Занавеска затрепетала на ветру, и Одраде, оглянувшись, посмотрела на нее. Женщины находились в малом зале утренних приемов Таразы – элегантно обставленном помещении в зеленых тонах. Контрастом выделялось лишь кресло арктически белого цвета, на котором восседала Тараза. Сводчатое окно выходило на восток, в сад и на лужайку; вдалеке виднелись заснеженные вершины гор Планеты Капитула.

Не отрывая взгляда от стола, Тараза заговорила:

– Я очень рада, что вы обе – ты и Луцилла – приняли назначение. Это сильно облегчает мою задачу.

– Я очень хочу познакомиться с Луциллой, – сказала Одраде, глядя сверху вниз на голову Таразы. Говорила Дарви глубоким и нежным контральто.

Тараза откашлялась.

– В этом нет никакой необходимости. Луцилла – один из наших лучших импринтеров. Естественно, каждая из вас подверглась идентичной процедуре освобождения от условностей, чтобы подготовить вас к вашей миссии.

В небрежном тоне Таразы было что-то оскорбительное, и только привычка к длительному общению с ней удержала Одраде от открытого негодования. Отчасти оно было вызвано словами «освобождение от условностей», догадалась Одраде. Предки Атрейдесов росли бунтарями, готовыми восстать из-за одного слова. Казалось, вся женская память Одраде была освобождена от оков и предоставлена подсознанию, свободному от всяких рациональных понятий.

Только либералы могут по-настоящему мыслить. Только либералы являются интеллектуалами. Только либералы способны понять нужды своих современников.

Сколько порока заключали в себе эти слова! – подумала Одраде. Какое требовательное и капризное «это» прячется за этой словесной завесой.

Одраде напомнила себе, что Тараза, несмотря на свой оскорбительно-небрежный тон, употребила слово «свобода» в его исконном католическом смысле. Обобщающее образование Луциллы было тщательно скопировано с образования, полученного Одраде.

Тараза удобно откинулась на спинку кресла, но по-прежнему не отрывала взгляд от поверхности стола. Свет из восточного окна падал ей прямо на лицо, отбрасывая тень от носа и подбородка. Маленькая женщина немногим старше Одраде, Тараза до сих пор сохранила следы красоты, которая делала ее одной из лучших селекционерок, особенно в случаях с трудными производителями. Лицо было замечательно красивым – удлинённый овал с мягкой округлостью щек. Черные волосы, уложенные в высокую причёску, были гладко зачесаны назад с высокого лба. Говорила она почти не раскрывая рта, демонстрируя потрясающее владение мимикой. Ни один человек не мог избежать притяжения глаз Таразы. Синева радужки соперничала с синевой склер. В целом лицо Верховной Преподобной Матери представляло собой маску учтивости, за которой тщетно было пытаться разглядеть какие-либо эмоции.

Тем не менее Одраде хорошо понимала состояние духа Верховной Преподобной Матери. Вот сейчас она что-то пробормочет. Словно повинаясь этому тайному приказу, Тараза действительно что-то тихо пробурчала.

Верховная Мать напряженно думала, читая на дисплее биографические данные Одраде. Многие пункты этой биографии привлекали ее пристальное внимание.

Это было обнадеживающим признаком. Тараза не верила в такую мифическую вещь, как некая благодетельная сила, охраняющая человечество. Главными, заслоняющими по значимости все остальное, были для Таразы Защитная Миссия и Община Сестер. Все, что служило целям этих организаций, пусть даже махинации давно умершего Тирана, можно было считать благом. Все остальное было злом. Нашествие женщин из Рассеяния – этих чужаков, которые именовали себя Почтенными Матронами, – было воистину злом – пришельцам нельзя было доверять ни на йоту. Единственными надежными людьми для Таразы были члены Бене Гессерит, даже те Преподобные Матери, которые стояли в открытой оппозиции – именно эти люди были ее последним резервом, именно им и только им можно было доверять.

По-прежнему не глядя на Одраде, Тараза заговорила:

– Знаешь, что при сравнении тысячелетий, прошедших до эпохи Тирана, с временем, протекшим после его смерти, поражает резкое уменьшение числа крупных конфликтов. Со времени смерти Тирана количество таких конфликтов составляет менее двух процентов от числа конфликтов в предшествующие эпохи.

– Насколько нам это известно, – поправила Верховную Мать Одраде.

Тараза быстро взглянула на Одраде и снова опустила глаза.

– Что?

– Мы не знаем, сколько войн произошло вне известных нам пределов. Есть ли в твоём распоряжении статистика Рассеяния?

– Конечно нет.

– Смысл твоих слов заключается в том, что Лето удалось усмирить нас, – сказала Одраде.

– Ну, если тебе угодно так считать, – протянула Тараза и уставила маркер в какое-то место на невидимом Одраде дисплее.

– Может быть, в этом есть некоторая заслуга нашего возлюбленного башара Майлса Тега или его талантливых предшественников? – спросила Одраде.

– Мы специально подбирали этих людей.

– Я не вижу смысла в этой военной дискуссии, – заявила Одраде. – Какое отношение она имеет к нашей проблеме?

– Есть люди, которые думают, что мы хотим совершить отвратительный переворот, чтобы вернуть мир к состоянию, в котором он пребывал до Тирана.

– Вот как, – Одраде презрительно сжала губы.

– Некоторые группы Заблудших Созданий продают оружие любому, кто хочет или может его купить.

– А конкретно?

– На Гамму рекой течет самое современное и сложное оружие и нет никаких сомнений в том, что тлейлаксианцы разрабатывают еще более отвратительные его образцы.

Тараза откинулась на спинку кресла, помассировала виски и заговорила тихим, почти задумчивым голосом:

– Мы полагаем, что принимаемые нами великие решения зиждутся на высоких принципах.

С этим Одраде была согласна, она и сама давно это поняла.

– Сомневается ли Верховная Мать в праведности Бене Гессерит?

– Сомневаюсь? О нет. Но я испытываю какую-то фрустрацию и подавленность. Мы всю жизнь не покладая рук работаем ради этих чистых целей, но чего мы достигаем в конце? Мы видим, что многие дела, которым мы посвятили всю свою жизнь, явились результатом мелких решений, родившихся в результате стремления их авторов к личному комфорту, решений, которые не имеют в своей основе ничего общего с теми высокими идеалами, для осуществления которых мы живем и трудимся. В действительности же ставкой являлись светские рабочие соглашения, удовлетворявшие мелкие потребности тех, кто реально мог принимать решения.

– Я слышала, что ты называешь это политической необходимостью, – сказала Одраде.

Тараза взяла себя в руки и заговорила, не отрывая взгляда от дисплея на столе:

– Если мы позволим себе застыть в своих суждениях, то это будет означать угасание Бене Гессерит.

– В моей биографии ты не найдешь мелких корыстных решений, – заявила Одраде.

– Я ищу в ней слабости, темные пятна.

– Их ты тоже не найдешь.

Тараза с трудом удержала улыбку. Она поняла смысл этого эгоцентричного замечания: Одраде хотелось уколоть Верховную Мать. Одраде была хороша тем, что, проявляя, казалось бы, искреннее нетерпение, хранила при этом полное спокойствие и умение ждать практически до бесконечности.

Увидев, что Тараза не реагирует на ее колкости, Одраде последовала ее примеру – погрузилась в безмятежное ожидание – спокойное, размеренное дыхание, ясный и трезвый ум. Давным-давно в школах Бене Гессерит Одраде научили делить прошлое и настоящее на два самостоятельных, одновременно движущихся потока. Наблюдая непосредственное окружение, она умела собирать воедино фрагменты и осколки прошлого и рассматривать их как бы на экране, расположенном на фоне настоящего.

Работа памяти, подумала Одраде. Некоторые необходимые вещи надо изгнать и уложить на дно памяти. Уничтожить барьеры. Когда все остальное становится скучным и пресным, остается ее запутанное детство.

Было время, когда Одраде жила как большинство детей: в доме вместе с мужчиной и женщиной, которые, если и не были ее настоящими родителями, выступали в данном случае *in loco parentis*. Все ее знакомые сверстники жили в таких же условиях. У всех этих детей были *папы* и *мамы*. Иногда работал только папа, но бывали случаи, когда на работу ходила мама. Мама Одраде не ходила на работу и сидела дома с ребенком, что избавило девочку от забот приходящей няни. Позже Одраде узнала, что ее биологическая мать заплатила большую сумму денег для того, чтобы надежно спрятать ребенка женского пола и одновременно иметь возможность не терять ее из виду.

– Она спрятала тебя у нас потому, что очень любила тебя, – объяснила приемная мать, когда Одраде была достаточно взрослой, чтобы понять это. – Поэтому тебе не надо никому рассказывать, что не мы твои настоящие родители.

Еще позже Одраде поняла, что любовь не имела к этому никакого отношения. Преподобные Матери никогда не руководствовались в своих действиях такими приземленными мотивами, а биологическая мать Одраде была Сестрой Бене Гессерит.

Вся эта история была открыта Одраде по заранее разработанному плану. Ее имя Одраде. Дарви ее называли те, кто не пытался внушить ей любовь и не сердился на нее. Сверстники, естественно, сократили это прозвище до Дар.

Не все, однако, шло по исходному плану. Одраде хорошо помнила узкую койку в комнате, оживленной изображениями животных и фантастическими ландшафтами на постельно-голубых стенах. Весной и летом белые занавески лениво шевелились от дуновений утреннего ветерка. Одраде помнила, как она прыгала на кровати – вверх-вниз, вверх-вниз. То была замечательная игра, прыгая, девочка заливалась веселым, счастливым смехом. Вот во время очередного прыжка ее ловят чьи-то сильные руки, мужские руки – вот и лицо мужчины – круглое, с маленькими усиками, которые касаются ее лица. Дарви хихикает от щекотки. Во время прыжков койка билась о стену, и в этих местах оставались выбоины.

Одраде с удовольствием обыгрывала эти воспоминания, неохотно сбрасывая их в поток рационального. Отметина на стене. Следы смеха и радости. Насколько важно было то, что обозначали эти мелкие вещи.

Странными были мысли о папе. Эти мысли, как и последние воспоминания о нем, не были ни радостными, ни счастливыми. Бывали моменты, когда он становился желчным и раздражительным, предупреждая маму, чтобы она не слишком «лезла в это дело». На лице его при этом отражалась угрюмая подавленность. В таком настроении голос его становился резким и лающим. Мама затихала, в глазах ее застывало беспокойство. Одраде чувствовала это беспокойство и страх – ее охватывала неприязнь к мужчине. Но женщина лучше знала, как поступать с ним в подобных случаях – она целовала его в шею и шептала на ухо нежные слова, поглаживая его по щеке.

Аналитику-проктору Бене Гессерит стоило немалого труда вытравить из сознания Одраде эти древние «естественные» эмоции. Но даже теперь остатки их все еще присутствовали в душе Одраде и от них надо было избавиться. Но все равно Дарви отдавала себе отчет в том, что старые чувства не исчезли полностью.

Наблюдая за тем, как Тараза просматривает ее биографические данные, Одраде силилась понять, видит ли Верховная Мать какие-либо темные пятна.

Они наверняка знают, что сейчас я вполне могу справиться с эмоциями, которые так волновали меня в те давние времена.

Как же давно это было. Однако следовало признать, что образы мужчины и женщины, жившие в глубинах памяти, были связаны с существом Одраде столь прочными нитями, что полностью разорвать их было невозможно, особенно память о маме.

Оказавшись в экстремальной ситуации, Преподобная Мать, родившая Одраде, спрятала дочь у этих людей на Гамму по причинам, которые были ей до сих пор не вполне ясны. Одраде не испытывала злобы по отношению к матери, понимая, что им обоим это было необходимо, чтобы выжить. Единственная проблема возникла из-за того факта, что приемная мать одарила Одраде чувством, которому не доверяли Преподобные Матери, – любовью.

Когда за Одраде прибыли Преподобные Матери, приемная мать не стала сопротивляться разлуке со своим ребенком. Две Преподобные приехали в сопровождении многочисленных прокторов – мужчин и женщин. Одраде потребовалось долгое время для того, чтобы понять значение этого трагичного поворотного момента. Женщина в глубине души всегда знала, что час разлуки неизбежно настанет. То был лишь вопрос времени. Только когда дни сложились в шесть стандартных лет, женщина начала надеяться, что девочка останется с ней навсегда.

Но вот явились Преподобные Матери со своими сильными слугами. Они ничего не забыли – Сестры Бене Гессерит выжидали удобного и безопасного момента, чтобы удостовериться, что никакой охотник не преследует запланированного потомка Дома Атрейдес.

Одраде видела, как приемной матери вручили большую сумму денег и как женщина швырнула деньги на пол. Но из ее уст не вырвалось ни одного слова протеста. Взрослые люди понимают, что у кого власть – у того и сила.

Зажатые в самых потаенных уголках души чувства встрепенулись, и Одраде вспомнила, как женщина, не издав ни единого звука, села на стул с высокой прямой спинкой, стоявший у окна, и принялась молча, обхватив себя руками, раскачиваться взад и вперед, словно онемев от горя.

Пользуясь Голосом, изощренными уловками, курением одурманивающих трав и подавляющим авторитетом, Преподобные Матери заманили Одраде в ожидавший на улице экипаж.

– Ты уезжаешь очень ненадолго. Нас послала за тобой твоя настоящая мать.

Одраде чувствовала, что это ложь, но любопытство пересилило. *Моя настоящая мать!*

Одраде так и запомнила навсегда свою единственную настоящую мать: женщина с помертвевшим от горя лицом сидит на стуле с высокой спинкой и, обхватив себя руками, раскачивается взад и вперед, стараясь унять невыносимую душевную боль.

Позже, когда Одраде заговорила о возвращении к той женщине, Преподобные Матери включили ее опыт в курс подготовки Сестер Бене Гессерит.

«Любовь приводит к несчастью. Любовь – очень древняя сила, и в давние времена она сыграла свою роль в сохранении рода человеческого. Но с тех пор утекло много воды, и теперь любовь не нужна для выживания вида. Запомните ошибку этой женщины и ее боль».

Став подростком, Одраде несколько модернизировала свои мечты. Она действительно вернется после того, как станет полноценной Преподобной Матерью. Она вернется и найдет ту любящую женщину, несмотря на то, что не знает никаких ее имен, кроме «мамы» и «Сибии». Одраде помнила, как взрослые, смеясь, называли маму Сибией.

Мама Сибия.

Однако Сестры распознали ее мечты и добрались до их источника, включив и его в свои уроки.

«Мечты и фантазии суть первое пробуждение того, что мы называем параллельным потоком. Это исключительно важный инструмент рационального мышления. С помощью этого инструмента ты сможешь очистить разум и сделать его пригодным для более качественного мышления».

Параллельный поток.

Одраде внимательно вгляделась в лицо Таразы, сидевшей за столом, залитым ярким утренним светом. Детская травма должна быть встроена в реконструированное вместилище памяти. Все это происходило очень давно на Гамму, планете, которую после Великого Голода и Рассеяния восстановили люди с Дана, Дана, который в те дни носил название Каладан. Одраде полностью овладела своей способностью к рациональному мышлению, воспользовавшись памятью других, которая затопила ее сознание во время мучительного испытания Пряностью, – испытания, после которого она стала полноценной Преподобной Матерью.

Параллельный поток... Фильтр сознания... Другие памяти.

Какими мощными орудиями снабдили ее Сестры! Какими опасными орудиями. Все эти чужие жизни, прятавшиеся до поры за занавесом сознания, были инструментом выживания, а отнюдь не средством удовлетворения праздного любопытства.

Тараза заговорила, не отрывая глаз от текста, который проплывал перед ее глазами:

– Ты слишком глубоко зарываешься в памяти других людей. Это лишает тебя энергии, которая должна быть использована более целесообразно.

Верховная Мать вперила в Одраде пристальный взгляд своих синих глаз.

– Временами ты доходишь до пределов переносимости плоти. Это может привести тебя к преждевременной смерти.

– Я очень осторожна в употреблении Пряности, Преподобная.

– И продолжай в том же духе. Меланжи надо принимать ровно столько, насколько ты хочешь проникнуть в прошлое.

– Ты нашла мои пятна?

– Гамму!

Одно это слово стоило длинной речи.

Одраде все поняла. Дело было в той неизбывной травме потерянных лет на Гамму. Это было отвлечение, которое необходимо искоренить и сделать приемлемым для разума.

– Но меня посылают на Ракис, – попыталась возразить Одраде.

– Чтобы посмотреть, насколько хорошо ты помнишь изречения, касающиеся умеренности. Вспомни, кто ты!

Я Одраде, подумала женщина.

В школах Бене Гессерит не употребляли первых имен, во время переключек назывались вторые имена. Подруги и знакомые воспринимали этот обычай и в обиходе обращались друг к другу тоже только по вторым именам. Воспитанницы рано начинали понимать, что употребление первого, тайного, интимного имени есть способ заманить человека в ловушку привязанности.

Тараза, которая была на три класса старше Одраде, получила задание «опекать молоденькую девочку», естественно, под пристальным наблюдением опытных учителей.

«Опека» заключалась в присмотре за младшими, но суть ее была гораздо глубже – в обучении лучших воспитанниц с помощью старших сверстниц, с которыми у опекаемых складывались более тесные, чем с учителями, отношения. Тараза, имевшая доступ к досье своей подшефной, начала называть девушку Дар. Та в ответ стала называть свою опекуницу Тар. Постепенно эти два сокращения стали настолько часто произноситься вместе, что слились практически в одно имя – Дар и Тар. Преподобные Матери, узнав об этом, упрекнули девочек за столь дерзкую игру, но и сами они время от времени, забавляясь, произносили их имена вместе.

Вот и сейчас Одраде взглянула на Таразу и произнесла:

– Дар и Тар.

Улыбка тронула краешки губ Таразы.

– Интересно, что такое может содержаться в моем досье, чего бы ты и так не знала наизусть? – спросила Одраде.

Тараза откинулась на спинку кресла, подождала, когда оно изменит конфигурацию, приспособившись к новому положению тела, и, положив руки на стол, взглянула на более молодую женщину.

В сущности, она не столь уж моложе меня, подумала Верховная Мать.

Однако со времен школы Тараза думала об Одраде только как о девочке, которая учится в младшей группе. Это навсегда проложило между ними пропасть, которую они не смогли преодолеть, несмотря на то, что миновали многие годы.

– Будь осторожна вначале, Дар, – предостерегающе произнесла Тараза.

– Эта программа началась так давно, что о начале не может быть и речи, – ответила Одраде.

– Но ты только начинаешь заниматься этим проектом, – возразила Тараза. – Собственно, мы все сейчас стоим у самых истоков дела, к которому не осмеливались приступить раньше.

– Могу ли я сейчас изучить все материалы, касающиеся проекта гхола?

– Нет.

Вот так. Весь этот высокий диспут и необходимость «понимать свою роль» были перечеркнуты одним-единственным словом. Но Одраде действительно все поняла. Капитул Бене Гессерит заложил основы функционирования ордена много тысячелетий назад, и эти принципы практически не изменились. Подразделения Бене Гессерит были разделены жесткими вертикальными и горизонтальными барьерами, представляя собой изолированные группы, которые подчинялись приказам, исходящим сверху, из единого командного пункта, к которому сходились нити из разделенных ячеек ордена. Обязанности (которые, скорее, следовало бы назвать «предписанными ролями») выполнялись внутри изолированных друг от друга ячеек. Действующие в одной ячейке не знали о других исполнителях, которые работали над той же проблемой в соседних ячейках.

Но я же знаю, что в параллельной ячейке работает Преподобная Мать Луцилла, подумала Одраде. *Это логический ответ.*

Она осознала необходимость. Такая структура была заимствована у древних, глубоко законспирированных революционных организаций. Члены Бене Гессерит всегда смотрели на себя, как на перманентных революционеров. Совершаемая ими революция была на время приостановлена в период правления Тирана Лето II.

Приостановлена, но не повернута вспять и не подавлена, напомнила себе Одраде.

– Скажи, видишь ли ты какую-либо опасность и угрозу для Сестер в том деле, к которому ты приступаешь? – спросила Тараза.

Это было одно из *особых* требований Таразы, отвечать на которые Одраде привыкла, не тратя лишних слов и не подыскивая долгих объяснений, – это могло и подождать. Она быстро ответила:

– Самое худшее случится, если мы не сможем действовать.

– Мы рассудили, что дело может оказаться опасным, – сухим, отчужденным тоном произнесла Тараза. Она не любила будить в Одраде этот талант. Женщина обладала врожденным даром чувствовать ситуации, угрожающие безопасности Общины Сестер. Этот неуправляемый дар она унаследовала от Атрейдесов, которые вообще обладали многими опасными талантами. В папке досье Одраде стояла специальная отметка: «Следует внимательно следить за потомством». И за ними следили – двое из детей Одраде были без лишнего шума преданы смерти.

Мне не следует пробуждать сейчас талант Одраде, подумала Тараза, *даже на единое мгновение.*

Правда, искушение сделать это было нестерпимо.

Тараза выключила дисплей на столе и внимательно посмотрела в глаза Одраде.

– Даже если ты найдешь идеального партнера, ты не должна скрещиваться с ним без нашего разрешения. Ты не смеешь этого делать, находясь вдалеке от нас.

– Это была ошибка моей биологической матери, – сказала Одраде.

– Ее ошибкой было то, что о ее скрещивании узнали!

Одраде и раньше слышала это суждение. У линии Атрейдесов было свойство, требовавшее неусыпного внимания повелительниц скрещивания. То был, конечно, дикий талант. Одраде знала об этом – дикий талант Атрейдесов привел к рождению Квисатц Хадераха и Тирана. Чего же теперь ищут повелительницы скрещивания? Неужели теперь их подход стал чисто негативным? Никаких опасных скрещиваний! Сама Одраде после рождения не видела ни одного из своих детей, что, впрочем, не считалось странным в Общине Сестер. Не видела она и записей в своем генетическом файле. В этих делах Бене Гессерит действовал с надлежащей конспирацией.

Кстати, мне запрещали пользоваться доступом к чужой памяти!

Одраде нашла пустые пространства в своей памяти и открыла их. Вероятно, только Тараза и еще две Преподобные Матери – члены Совета (скорее всего, Беллонда и еще одна престарелая Преподобная Мать) имели доступ к файлам скрещивания.

Неужели Тараза и другие поклялись до самой смерти не раскрывать эту ценнейшую информацию аутсайдерам? Но в конце концов это был точно выверенный ритуал, позволявший сохранить генетическую преемственность в случае, если занимающая ключевое положение Преподобная Мать умрет вдали от своих Сестер, лишенная шансов проследить все заключенные в ней жизни. Этот ритуал часто использовался во времена правления Тирана. Какие же ужасные были эти времена! Как страшно было сознавать, что все революционные ячейки прозрачны для беспощадного взора Тирана! Чудовище! Одраде знала, что Сестры никогда не тешили себя иллюзией того, что Лето воздержался от уничтожения Бене Гессерит лишь из верности своей бабке, госпоже Джессике.

Ты здесь, Джессика?

Одраде почувствовала какое-то внутреннее волнение. То была неудача одной из Преподобных Матерей: «Она позволила себе влюбиться!» Такая малость и такие катастрофические последствия. Тридцать пять столетий тирании!

Золотой Путь. Бесконечность? Что сказать о тех бесчисленных триллионах несчастных, разлетевшихся по вселенной? Какую опасность и угрозу таили в себе те Потерянные, которые теперь возвращались домой?

Словно читая мысли Одраде, Тараза заговорила:

– Вернувшиеся из Рассеяния уже здесь... и ждут своего часа, чтобы нанести удар.

Одраде слышала скрытый аргумент. С одной стороны, это опасно, но с другой... с другой, это потрясающе заманчиво. Так много великих неизвестных в этом грозном уравнении. Община Сестер с ее талантами, подогретыми на протяжении тысячелетий благодатной меланжеей, – чего не может она сделать с таким неисчерпаемым запасом необработанного человеческого материала? Стоит только подумать о неисчерпаемом генофонде пришельцев! Сколько талантов прилетело из бесчисленных галактик в то время, как они могли быть навеки утрачены для целей великого скрещивания!

– Невежество порождает величайшие ужасы, – сказала Одраде.

– И величайшие амбиции, – продолжила Тараза.

– Так я отправляюсь на Ракис?

– Непременно. Я нахожу, что ты пригодна для выполнения задачи.

– Или ты все же не станешь меня назначать?

Это было продолжением их старой пикировки, которая началась еще в школьные годы. Тараза, однако, сразу поняла, что Одраде действует не вполне осознанно. Слишком многое переплелось в памяти этих двух женщин: Дар и Тар. На это стоило посмотреть!

– Помни о своей верности, – проговорила Тараза.

Наличие кораблей-невидимок создает возможность безнаказанного уничтожения этих планет. Можно, например, направить на такую планету астероид или поразить ее население неким сексуальным извращением – в таком случае люди начнут сами уничтожать друг друга. Почтенные Матроны, по всей видимости, предпочитают последнее.

Анализ Бене Гессерит

Со своего места во дворе Дункан Айдахо внимательно следил за наблюдавшими за ним людьми. Первый – Патрин, но его можно было не принимать в расчет. Но напротив Патрина стояли Преподобные Матери, а они действовали Дункану на нервы своим вниманием. Айдахо взглянул на Луциллу. *Новенькая*, подумал он. Эта мысль наполнила его странным волнением, от которого он избавился, выполнив комплекс упражнений.

Дункан исполнил три части тренировки, предписанной Майлсом Тегом, и вскользь подумал о том, что Патрин непременно доложит Майлсу об успехах мальчика. Дункан любил Тега и старину Патрина, чувствуя, что это отношение взаимно. Однако появление в Убежище новой

Преподобной Матери сулило какие-то интересные изменения. Во-первых, она моложе всех других. Во-вторых, эта женщина не прятала от него глаз, как это делали все другие Преподобные Матери, – это был неотъемлемый признак принадлежности к ордену Бене Гессерит. Например, при первом знакомстве с Швандью он встретился со взглядом глаз, спрятанных за контактными линзами, скрывавшими пристрастие к Пряности. Белки глаз были подернуты мелкой сеточкой кровеносных сосудов, что придавало глазам выражение усталости. От одной из служанок Убежища Дункан слышал, что линзы Швандью носила, кроме всего прочего, из-за того, что страдала врожденным наследственным астигматизмом – то была плата за другие достоинства, которые она передала своим потомкам.

В то время эти слова были лишены для Дункана большого смысла, но он навел справки в библиотеке, хотя сведения, которые он нашел, были неполными и отрывочными. Сама Швандью уклонилась от ответов на вопросы мальчика, но по поведению учителей Айдахо понял, что рассердил Преподобную своим любопытством. Это было типично для Швандью – срывать свой гнев на других.

В действительности, как думалось мальчику, Швандью рассердилась на него за прямой вопрос – не является ли она сама его биологической матерью.

Теперь же Дункан уже давно знал, что он – человек в своем роде особенный и отличный от других. В разветвленных коридорах Убежища Бене Гессерит было несколько мест, куда ему не разрешалось входить. Мальчик нашел, однако, способы обойти эти запреты и сквозь толстые стекла дверей и окна сумел разглядеть охрану и большие пространства земли, которые легко простреливались продольным огнем из расположенных здесь же дотов. Майлс Тег сам научил мальчика пользе такого расположения дотов.

Сейчас планета называлась Гамму, но когда-то она называлась Гьеди Один, но человек по имени Гурни Халлек переименовал ее. Все это очень древняя история. Древняя и очень скучная. От грязи этой планеты до сих пор исходил слабый запах горького масла, столь характерного для Гьеди времен, предшествовавших Дану. Все изменилось, как рассказывали учителя, за те тысячи лет, что на планете культивируют специальные растения. Айдахо и сам видел вокруг Убежища густые заросли хвойных деревьев.

Продолжая исподволь наблюдать за Преподобными Матерями, Айдахо несколько раз прошелся колесом, играя напряженными гибкими мышцами, как его учил Майлс Тег.

Тег преподавал способы защиты планеты от вторжения. Вокруг Гамму вращались по орбитам наблюдательные спутники. Семьям членов экипажей запрещалось жить на борту этих спутников, что и служило залогом бдительности наблюдателей. Где-то среди межзвездных кораблей курсировали в космосе корабли-невидимки, экипажи которых целиком состояли из людей башара и Сестер Бене Гессерит.

– Я бы никогда не принял этого назначения, если бы не получил всех необходимых полномочий по организации обороны, – объяснял Тег.

Дункан понял, что именно *он* был этим таинственным назначением. Убежище было создано только для того, чтобы оберегать его, Дункана Айдахо. Спутники-наблюдатели и корабли-невидимки были частью системы, созданной Тегом для эффективной обороны Убежища.

Все это было частью военного образования, элементы которого казались Дункану странно знакомыми. Изучая способы расположения участков обороны планеты, Дункан уже заранее знал, как следует располагать в космическом пространстве средства защиты. Вся система была очень сложна, но ее элементы – просты и легко поддавались усвоению. Это, например, касалось мониторинга состояния атмосферы и состава сыворотки крови обитателей планеты. Везде были врачи, нанятые Бене Гессерит.

– Болезни – это оружие, – сказал Дункану Тег, – и защита от него должна быть тщательно подготовлена.

Тег очень резко отзывался о пассивной обороне. Он называл ее «пережитком осадной ментальности, которая, как известно, веками порождала смертельно опасную слабость».

Когда Тег начинал говорить о военных науках, Дункан весь превращался во внимание. Патрин и книги в библиотеке подтверждали, что ментат башар Майлс Тег на протяжении длительного времени был и оставался большим авторитетом в этой области для Общины Сестер Бене Гессерит. Патрин часто рассказывал мальчику о своей службе с Тегом, и последний неизменно представлял в этих рассказах истинным героем.

– Подвижность – ключ к военному успеху, – учил Тег. – Если ты засел в форте, пусть даже этот форт имеет размеры целой планеты, то в конечном счете ты все равно окажешься уязвимым для противника.

К Гамму Тег относился без особой нежности.

– Я вижу, ты уже знаешь, что это место раньше называлось Гьеди Один. Здесь правили Харконнены, которые научили нас кое-каким полезным вещам. Теперь благодаря им мы знаем, каким жестоким может быть человеческое существо.

Вспомнив эти слова, Айдахо взглянул на Преподобных Матерей у парапета и понял, что в эту минуту они обсуждают его.

Я – назначение этой новой женичины?

Дункан терпеть не мог, когда за ним следят, и от души надеялся, что эта новая Преподобная Мать даст ему время побыть наедине с самим собой, прежде чем приступит к выполнению своего задания. Впрочем, она не выглядела жестокой. Новенькая совсем не похожа на Швандю.

Продолжая выполнять упражнения, Дункан непрестанно повторял про себя свою сокровенную литанию: *Проклятая Швандю! Проклятая Швандю!*

Швандю он ненавидел с девятилетнего возраста – уже целых четыре года, и полагал, что она не догадывается о его ненависти. Наверняка она уже забыла о том инциденте, который воспламенил ненависть Дункана.

Ему едва исполнилось девять, когда он ухитрился проникнуть в туннель, ведущий в один из дотов. В полутемном туннеле пахло плесенью и сыростью. Мальчик успел выглянуть наружу через бойницу дота, прежде чем его обнаружили и препроводили внутрь Убежища.

Это своеволие обернулось для Дункана жесткой лекцией Швандю – фигуры таинственной и страшной, человека, приказы которого должны исполняться неукоснительно и беспрекословно. Он и теперь продолжал так о ней думать, хотя уже давно знал о существовании Голоса, Повелевающего Голоса, с помощью которого Сестры Бене Гессерит могли сломить волю любого неподготовленного слушателя.

Ей надо подчиняться.

– Ты подверг дисциплинарному взысканию целое подразделение, – сказала тогда Швандю. – Эти люди будут жестоко наказаны.

Это было самое страшное из всего того, что она сказала. Дункан любил многих из охранников и частенько играл с ними, и теперь его друзьям повредит его самовольная отлучка в дот.

Айдахо знал, что значит быть наказанным.

Проклятая Швандю! Проклятая Швандю!

После нотации Швандю Дункан опрометью бросился к главному инструктору, Преподобной Матери Тамалейн – похожей на колдунью старухе с холодными, отчужденными манерами, снежно-белой шапкой волос над узким сухим и морщинистым лицом. Он попросил инструктора рассказать, какому именно наказанию подвергнут его друзья. Как ни странно, Тамалейн задумалась на мгновение, а потом заговорила сухим, скрипучим голосом:

– Наказание? Ну, ну...

Они сидели в тесной учительской рядом с большим залом, готовность которого к занятиям Тамалейн лично проверяла каждый вечер. В учительской была масса сложных и разно-

образных приборов для записи и хранения информации, и Дункан предпочел бы учительскую библиотеке, но мальчика не пускали одного в эту святая святых. В комнате, под потолком которой плавали многочисленные светящиеся шары, было очень светло. Когда Дункан вошел, Тамалейн оторвалась от занятий, связанных с подготовкой его завтрашнего урока.

– Каждое наказание принимает форму некоего священного празднества, – заговорила Тамалейн. – Охранники, несомненно, понесут суровое наказание. Очень суровое.

– Празднество? – озадаченно спросил Дункан.

Тамалейн в своем крутящемся кресле повернулась лицом к Дункану и посмотрела ему в глаза. В ярком свете блеснул оскал ее искусственных металлических зубов.

– Для наказанных история всегда принимает дурной оборот, – сказала она.

Дункан отшатнулся при слове «история». Это был сигнал. Тамалейн приготовилась преподать мальчику еще один урок. Страшный и скучный урок.

– Наказание Бене Гессерит должно быть таким, чтобы его невозможно было забыть.

Дункан внимательно смотрел на старческий рот Тамалейн и вдруг понял, что ее слова основаны на собственном болезненном опыте. Ему, кажется, предстоит узнать нечто интересное!

– Наши наказания несут в себе неизбежный урок, – продолжала Тамалейн. – И этот урок страшнее, нежели простая физическая боль.

Дункан сидел на полу возле ее ног, и снизу Сестра Тамалейн казалась огромной, злоеющей, одетой в черное фигурой.

– Мы не наказываем смертельными муками, – говорила между тем Преподобная Мать. – Этот урок припасен для Преподобных Матерей, которые проходят испытание Пряностью.

Дункан кивнул. В библиотечных книгах упоминалось об испытании Пряностью – этом ритуале посвящения в Преподобные Матери.

– Тем не менее большие наказания очень болезненны, – говорила женщина. – Они болезненны и в эмоциональном плане. Та эмоция, которую мы возбуждаем, является главной эмоцией для основной слабости наказываемого, тем самым мы усиливаем воздействие наказания.

Слова Преподобной Матери наполнили Дункана огромным, неопределенным страхом. Что они собираются сделать с его охраной? Он не мог говорить, да в этом и не было нужды, Тамалейн еще не закончила свой монолог.

– Наказание всегда заканчивается десертом, – сказала она и хлопнула себя по коленям.

Десертом? Ах да, она же говорила что-то о празднестве. Это часть торжественного банкета. Но разве банкет может быть наказанием?

– Это не настоящий банкет, это, если можно так выразиться, идея банкета, – сказала Тамалейн. Рука, похожая на птичью лапку, описала в воздухе окружность. – Десерт наступает иногда очень неожиданно. Наказуемый уже думает: *Ах, кажется, я наконец прощен!* Ты понимаешь?

Дункан отрицательно покачал головой. Нет, он ничего не понял.

– Наступает самый сладостный момент, – снова заговорила Тамалейн. – Ты прошел самые болезненные повороты банкета и наконец наступил миг, которым ты можешь насладиться. *Но!* В тот момент, когда ты откусываешь, как тебе кажется, самый лакомый кусок, наступает самое мучительное, то, ради чего и затевался весь банкет. Наступает понимание того, что наслаждения не будет. Действительно не будет. Это и есть конечная боль наказания Бене Гессерит. Суть его заключена в уроках нашей Общины.

– Но что именно она сделает с этими охранниками? – вырвалось у Дункана.

– Я не могу сказать, в чем будут заключаться конкретные элементы наказания того или иного человека. Мне нет нужды это знать. Могу только сказать, что каждый понесет свое наказание.

Больше Тамалейн не произнесла ни слова и снова вернулась к составлению урока на завтра.

– Мы поговорим с тобой завтра, – сказала Тамалейн на прощание. – О постановке ударений в словах разговорного галахского.

Никто, даже Тег и Патрин, не смог ответить на вопрос Дункана о том, в чем будет состоять наказание. Даже охранники, с которыми он встретился, отказались обсуждать с ним то, что их ожидало. Некоторые коротко отреагировали на его откровения, и никто больше не играл с ним. Наказанные не простили его, это было ясно как день.

Проклятая Швандью! Проклятая Швандью!

Да, именно тогда в его душе зародилась глубокая ненависть к ней. Она приняла на себя ненависть ко всем ведьмам и колдуньям мира. Неужели новая Преподобная Мать будет такой же, как старые?

Проклятая Швандью!

Он спрашивал саму Швандью, за что наказаны охранники. Она ответила после недолгого раздумья:

– Твое пребывание на Гамму опасно. Есть люди, которые хотят нанести тебе вред.

Дункан не спросил, за что. Это было еще одно табу – на такие вопросы никто никогда не отвечал. Никто, даже Тег, хотя само его присутствие говорило о том, что опасность действительно существовала.

А ведь Майлс Тег был ментатом, который наверняка знает ответы на множество и более сложных вопросов. Дункан часто видел, как загорались глаза старика, когда он своими мыслями бродил в далеких краях и временах. Но ментат не отвечал на вопросы мальчика.

– Почему мы здесь, на Гамму?

– От кого ты меня защищаешь? Кто хочет нанести мне вред?

– Кто мои родители?

Реакцией на эти вопросы было молчание, лишь иногда Тег говорил:

– Я не могу ответить на эти вопросы.

Искать ответы в библиотеке было бессмысленно. Дункан понял это, когда ему было еще восемь лет и когда главным инструктором была смененная Преподобная Мать Луран Геаза – она была не такая древняя, как Швандью, но и ей, по прикидкам Дункана, было никак не меньше ста лет.

По его требованиям библиотека выдавала сведения только об истории Гамму/Гьеди, о Харконненах – их царствовании и падении и о военных доблестях Тега. Эти битвы были не слишком кровавы – не зря Тега называли «непревзойденным дипломатом». Однако, идя от одной даты к другой, Дункан проследил историю Бога-Императора и укрощения своего народа. Этот период истории овладел умом и душой мальчика на многие недели. Он нашел в архивах библиотеки старую карту и спроецировал ее на стену. Бесстрастный голос комментатора за кадром рассказал, что в этом месте был командный пункт Говорящих Рыб, покинутый во время Рассеяния.

Говорящие Рыбы!

Как страстно желал Дункан жить в то славное время и служить мужчиной-советником в этой женской армии, солдаты которой беззаветно поклонялись великому Богу-Императору.

Жить на Ракисе в те дни!

Тег на удивление охотно говорил о Боге-Императоре, всегда называя его Тираном. Запрет с этой темы был снят, и информация о Тиране рекой полилась на Дункана.

– Я когда-нибудь увижу Ракис? – спросил как-то Дункан у Геазы.

– Тебя и готовят для жизни на Ракисе, – был ответ.

Он поразил Дункана. Все, чему его учили об этой планете, предстало перед мальчиком в новом свете.

– Почему я буду там жить?

– Я не могу ответить на этот вопрос.

С новым рвением Дункан принялся за свои изыскания о таинственной планете с ее несчастным культом Шай-Хулуда и Расщепленным Богом. *Черви!* Бог-Император превратился в червей. Эта идея наполнила душу Дункана небывалым благоговейным ужасом. В этом действительно было нечто, достойное искреннего почитания. Что заставило человека претерпеть такую страшную метаморфозу?

Дункан знал, что думает охрана и другие люди в Убежище по поводу Ракиса и ядра тамошнего священства. Насмешки и издевательские замечания сказали мальчику все лучше, чем самые пространственные лекции.

– Вероятно, мы никогда не узнаем об этом полной правды, но знаешь, парень, поверь мне, это не религия для солдата, – заявил Дункану Тег.

Эту мысль подытожила Швандю:

– Ты должен знать о Тиране, но не обязан разделять его религию. Презирай ее, она ниже твоего достоинства.

Каждую свободную минуту Дункан тратил на то, чтобы узнать что-то новое об интересующем его предмете. Айдахо прочитал Священную Книгу Расщепленного Бога, Охранную Библию, Оранжевую Католическую Библию и даже Апокрифы. Он узнал о давно исчезнувшем Бюро Веры и «Перле, который есть Солнце Понимания».

Сама идея червей буквально околдовала Дункана. Какие они большие! Самый большой экземпляр, растянувшись, сможет достать от одного конца Убежища до другого. До времен Тирана люди ездили верхом на червях, но теперь священники Ракиса запретили делать это.

Дункана захватили отчеты об археологической экспедиции, которая открыла примитивный потайной дворец Тирана на Ракисе. Место, где он находился, называется Дар-эс-Балат. На отчете руководителя экспедиции Хади Бенотто стояла пометка: «Запрещено священством Ракиса». Номер файла, где располагались материалы Бенотто, имел длинный номер, а его содержание заворожило юного Айдахо.

– Значит, в каждой частице нынешних червей таится кусочек сознания Бога-Императора? – допытывался Дункан у Геазы.

– Да, так говорят, – ответила Преподобная Мать. – Но даже если это и правда, то в нынешних червях нет сознания и души Тирана, который сам говорил, что его ожидает вечный сон.

На каждом уроке мальчику читали специальную лекцию, в которых учителя Бене Гессерит объясняли ему суть религиозных учений. В процессе занятий всплыли изречения: «Девять дочерей Сионы» и «Тысяча сыновей Айдахо».

Встретившись с Геазой, мальчик спросил:

– Мое имя тоже Дункан Айдахо. Что это может значить?

Геаза всегда двигалась так, словно ее тяготило сознание своей неудачи – голова ее постоянно клонилась вниз, а водянистые глаза вечно уставлены в пол. Встреча произошла вечером в длинном коридоре, ведущем в зал практических занятий. Услышав вопрос, Преподобная Мать заметила побледнела.

Она ничего не ответила, но Дункан не отставал:

– Я являюсь потомком Дункана Айдахо?

– Ты должен спросить об этом Швандю, – выдавила из себя несчастная Геаза.

Это был до боли знакомый ответ, и мальчик разозлился. Она сказала это только затем, чтобы заткнуть ему рот и прекратить дальнейшие расспросы. Швандю, однако, оказалась более откровенной, чем он рассчитывал.

– В тебе течет та же кровь, что и в Дункане Айдахо.

– Кто мои родители?

– Они давно умерли.

- Как они умерли?
- Я не знаю, мы получили тебя, как сироту.
- Тогда почему есть люди, которые хотят нанести мне вред?
- Они боятся того, что ты можешь сделать.
- В чем же заключается то, что я могу сделать?
- Учи свои уроки. Ты все узнаешь, когда придет время.

Заткнись и учись. Тоже вполне знакомый ответ.

Он подчинился, потому что знал, что дальнейшее упорство ни к чему не приведет. Дверь захлопнулась, Преподобная больше ничего не скажет. Теперь любознательность мальчика имела другую пищу – сообщения времен Великого Голода и Рассеяния, информация о невидимых дворцах и межзвездных кораблях, которые никто не мог выследить, даже люди, обладавшие мощнейшим предзнанием. Из этих источников мальчик и узнал, что потомки Дункана Айдахо и Сионы, этих древних людей, которые служили Богу-Императору, тоже были невидимы пророкам и обладателям предзнания. Даже Гильд-навигаторы, погруженные в глубочайший меланжевый транс, не могли чувствовать присутствия этих людей. В отчетах было сказано, что Сиона происходила из тщательно селекционированного рода Атрейдесов, а Дункан Айдахо был гхола.

Гхола?

Он перерыл всю библиотеку в поисках толкования диковинного слова. Оно оказалось сухим и бесстрастным: *Люди, выращенные из трупных клеток в бродильных чанах в тканях аксолотлей на планете Тлейлаксу.*

Бродильные чаны с аксолотлями?

«Тлейлаксианское приспособление для воспроизведения живых людей из трупных клеток».

Опишите гхола, потребовал Айдахо.

«Невежественная плоть, лишенная исходной памяти. См. «Чан с аксолотлями».

В свои десять лет Дункан научился читать между строк и слышать информацию в многозначительном молчании. Он все понял из того, что решились открыть ему Преподобные Матери. На него словно снизошло откровение. Он знал! Ему было только десять лет, но он знал!

Я – гхола!

Он не помнил чан с аксолотлями, не помнил, как росли его клетки, из которых формировался младенец. Первым воспоминанием был образ Геазы, которая достает его из колыбели. Во взрослых глазах неприкрытое любопытство, сменившееся обычной настороженностью.

Получалось, что информация, которой его так неохотно снабжали обитатели Убежища, и данные библиотеки постепенно сложились в конкретный образ, и этим образом был он сам.

– Расскажи мне о Бене Тлейлаксу, – потребовал он у каталога библиотеки.

– Это народ, который делится на лицеделов и хозяев. Лицеделы – это стерильные, как мулы, люди, которые подчиняются хозяевам.

Зачем они сделали со мной это?

Приборы библиотеки вдруг стали отчужденными, от них явственно пахло опасностью. Айдахо испугался не того, что перед ним снова возникнет глухая стена, он боялся, что на этот раз получит ответ.

Почему я столь важен для Швандю и других?

Он чувствовал, что они водят его за нос – все, даже Тег и Патрин. Чем можно оправдать то, что из клеток мертвого человека делают гхола?

Следующий вопрос он задал после долгих раздумий и колебаний.

– Может ли гхола вспомнить, кто он?

– Это можно сделать.

– Каким образом?

– Существует психологическая идентичность гхола с набором исходных психологических ответов и реакций, которую можно включить, используя травму.

Но это же совсем не ответ!

– Но каким образом это можно сделать?

В этот момент в диалог вмешалась Швандью, которая явилась в библиотеку без предупреждения. Значит, что-то в его вопросах насторожило Преподобную Мать!

– В свое время тебе все станет ясно, – сказала она.

Она снизошла до разговора с ним. В этом чувствовались явные несправедливость и неискренность. Что в его сознании сказала Айдахо, что он несет в себе больше человеческой мудрости, чем те, кто претендует на верховенство. Его ненависть к Швандью разгорелась с новой силой. Она стала персонификацией всех тех, кто мучил его, не давая ответов на естественные вопросы.

Но сейчас его воображение было воспламенено. Он овладеет своей исходной памятью! Он почувствовал, что это правда. Он вспомнит своих родителей, свою семью, друзей... и врагов.

Айдахо тотчас спросил об этом Преподобную Мать:

– Вы изготовили меня из-за моих врагов?

– Ты уже научился молчанию, – ответила женщина. – Положись на это умение.

Очень хорошо! Именно так я и буду бороться с тобой, проклятая Швандью. Я буду молчать и учиться. Я не стану показывать тебе свои истинные чувства.

Она ему покровительствует. Ничего, скоро она перестанет это делать. Он победит их всех своей наблюдательностью и своим молчанием. Дункан выбежал из библиотеки и юркнул в свою комнату.

События последующих месяцев укрепили мальчика в уверенности, что он – гхола. Даже ребенок понимает, когда вокруг него происходит что-то необычное. Дункан иногда видел через забор других детей, которые гуляли по периметру ограды Убежища. Те дети ходили по дороге, смеялись и громко окликали друг друга. К этим детям не подходили взрослые и не заставляли их выполнять суровые обязанности, которые приходилось выполнять Дункану. Никакая Преподобная Мать Швандью не распоряжалась мельчайшими аспектами жизни гуляющих на воле детей.

Результатом этого открытия явилось большое изменение: Луран Геаза была отозвана и больше не вернулась в Убежище.

Она не должна была допустить, чтобы я узнал о гхола.

Истина, как объяснила Швандью, стоя у парапета и наблюдая за Айдахо, Луцилле в первый же день ее прибытия на Гамму, была несколько сложнее.

– Мы знали, что этот момент неизбежно наступит. Он узнает о существовании гхола и задаст свои вопросы.

– Мне кажется, что давно наступило время для того, чтобы образованием мальчика занялась сама Преподобная Мать. Думается, что назначение Геазы было ошибкой.

– Ты спрашиваешь моей оценки? – огрызнулась Швандью.

– Твои суждения настолько совершенны, что не могут быть оспорены? – заданный тихим голосом вопрос Луциллы прозвучал как звонкая пощечина.

Швандью замолчала почти на минуту. Собравшись с мыслями, она заговорила:

– Геаза говорила, что этот гхола сумел внушить ей любовь. Уезжая, она плакала и говорила, что будет очень скучать по мальчику.

– Разве ее не предупреждали об этом?

– Геаза не проходила наших тренировок.

– Итак, в тот момент вы заменили ее на Тамалейн. Я не знаю ее лично, но мне известно, что она довольно стара.

– Да, довольно стара.

– Как он отреагировал на удаление Геазы?

– Он спросил, куда она исчезла, но мы не ответили.

– Чего сумела достичь Тамалейн?

– На третий день ее пребывания здесь он спокойно заявил ей: «Я ненавижу тебя. Это именно то, чего от меня ждали?»

– Так быстро?

– Сейчас он наблюдает за нами и думает: «Я ненавижу Швандю. Буду ли я ненавидеть эту новенькую?» Но при этом он видит, что ты не похожа на остальных старых ведьм. Ты молода. Он поймет, что это очень важно.

Люди живут лучше всего, когда каждый знает свое место, когда каждый знает, какое именно место он занимает в общей схеме вещей и чего он может достичь. Уничтожьте это место и вы уничтожите личность.

Учение Бене Гессерит

Майлс Тег не хотел назначения на Гамму. Мастер-оруженосец, приставленный к ребенку-гхола? Даже к такому ребенку, как этот, с накрученными вокруг него историями. Это было совершенно нежелательное вторжение в отлаженную пенсионную жизнь Тега.

Но... он всю жизнь был военным ментатом на службе у Бене Гессерит и не мог позволить себе рассчитать возможность неповиновения.

Quis custodiet ipsos custodes?

Кто будет охранять самих охраняющих? Кто проследит, чтобы стражи не напали на тех, кого они призваны оберегать?

Этот вопрос Тег на протяжении жизни обдумывал не один и не два раза. Ответом на этот вопрос стали главные принципы верности Тега Общине Бене Гессерит. Ты можешь говорить о Сестрах что угодно, но им никто не сможет отказать в постоянстве при достижении цели. Это качество было достойно восхищения.

Это была моральная, то есть нравственная цель, особо подчеркивал для себя Майлс.

Нравственная цель Бене Гессерит полностью соответствовала принципам самого Тега. То, что это были принципы Бене Гессерит, к которым сам Тег был кондиционирован, не подлежало никакому сомнению. Рациональное мышление, а у ментатов не бывает другого, могло привести только к такому заключению.

Тег переварил догмат и пришел к сути: если человек последует этим принципам, то вселенная станет лучше. Вопрос о справедливости не ставился при этом на повестку дня. Справедливость, правосудие... Правосудие требует обращения к закону, а он подобен ветреной дамочке, подверженной капризам и предрассудкам тех, кто вводит закон в действие. Нет, здесь вопрос заключался в честности, а это гораздо более глубокая материя. Человек, которого судят, должен сознавать, что с ним поступают честно.

Для Тега утверждение «буква закона должна быть соблюдена» таило в себе опасность, угрожающую самим основам его убеждений. Честность требовала соглашения, предсказуемого постоянства, и превыше всего – верности друг другу всех членов иерархии сверху донизу. Руководство, следующее таким принципам, не нуждается во внешнем контроле. Ты выполняешь свой долг, потому что это правильно. И ты не слепо подчиняешься, потому что эта правда предсказуемо верна. Ты делаешь что-то, потому что правота составляет суть настоящего момента действия. Ясновидение и предзнание не имели с этим ничего общего.

Тег знал о репутации Атрейдесов, как людей, способных к надежному предзнанию, но высказывания каких-то гномов и теснящихся в памяти не укладывались в картину его вселен-

ной. Ты принимаешь вселенную такой, какой ты ее видишь, и применяешь свои принципы там, где можешь. Абсолютные приказы в такой иерархии всегда выполняются беспрекословно. Не то чтобы Тараза говорила об абсолютном приказе, но таковы были правила игры.

– Ты идеально подходишь для выполнения этой задачи.

Он прожил долгую жизнь, занимал высокие посты и на пенсию его проводили с большим почетом. Тег знал, что он стар, медлителен, но, даже зная о неминуемо приближавшейся немощи, он ощутил, что зов долга всколыхнул его и придал стремительность его движениям, хотя ему потребовалось усилие, чтобы подавить в себе желание сказать «нет».

Назначение исходило лично от Таразы. Могущественная начальница всего (включая и Защитную Миссию) выделила из всех именно его. Это сделала не просто Преподобная Мать, но Верховная Преподобная Мать.

Тараза лично прибыла в его тихое жилище в Лернеусе. Он был польщен такой честью и не скрывал от себя этого. Она появилась у его ворот без предупреждения, сопровождаемая лишь двумя слугами и небольшой охраной, в которой Тег узнал некоторые лица. Когда-то он обучал их боевому мастерству. Тараза выбрала интересный момент для приезда. Утром, сразу после завтрака. Без сомнения, она знала распорядок его жизни и то, что в лучшей форме он находится именно в это время. Она хотела, чтобы при встрече он проявил все свои способности в полной мере.

Патрин, бывший ординарец Тега, провел высокую гостью в восточное крыло, в небольшое уютное помещение, обставленное добротной, но грубой мебелью. Всем было известно отвращение Тега к мещанскому комфорту. С угрюмым лицом Патрин ввел Таразу, одетую в черную накидку, в комнату. Тег сразу понял, какие настроения обуревают Патрину. Постороннему наблюдателю длинное, бледное лицо ординарца, изборожденное глубокими старческими морщинами, могло показаться неподвижной бесстрастной маской, но Тег безошибочно прочитал все, что было написано в глубоких морщинах вокруг рта и в выражении стариковских глаз. По пути сюда Тараза сказала Патрину нечто, что расстроило и взволновало старого воина.

Сквозь огромный, во всю восточную стену проем открывался великолепный вид на луга, плавно спускавшиеся к деревьям, окаймлявшим берег реки. Тараза на мгновение остановилась, чтобы полюбоваться мирной панорамой.

Не ожидая приказа, Тег нажал кнопку, и проем бесшумно прикрыла тяжелая, во всю стену, раздвижная дверь. Включились плавающие светильники. Тег рассчитал, что разговор будет сугубо конфиденциальным и отдал распоряжение Патрину:

– Будь любезен, проследи, чтобы нас не беспокоили.

– Этот приказ отдан людям на Южной Ферме, сэр, – ответил Патрин.

– Проследи за этим лично. Ты и Фирус прекрасно понимаете, что я хочу сказать.

Входная дверь захлопнулась за Патрином чуть громче, чем следовало, и это тоже не ускользнуло от внимания Тега.

Тараза прошла по комнате и осмотрелась.

– Зеленая известь, – сказала она. – Мой любимый цвет. У твоей матери был отменный вкус.

От этого небрежного замечания на душе у Тега потеплело. Он страстно любил этот дом и эту землю. Их семья жила в этом доме всего три поколения, но успела оставить свой след в доме. Многие комнаты остались такими, какими они были при матери.

– Это очень надежно любить дом и землю, – сказал Тег. – Они не предадут.

– Особенно мне всегда нравились огненно-рыжие ковры в зале и витражи над входной дверью, – продолжала Тараза. – Этот витраж, по-моему, настоящая старина.

– Мне кажется, вы приехали сюда не для того, чтобы обсуждать отделку дома, – произнес Тег.

Тараза усмехнулась.

У нее был высокий, почти визгливый голос, которым она, тренированная Сестра Бене Гессерит, научилась пользоваться с неподражаемым совершенством и потрясающим эффектом. Этому голосу было практически невозможно сопротивляться, даже если Тараза произносила, как сейчас, ничего не значащие фразы. Тегу приходилось видеть ее на Совете Бене Гессерит. Она выглядела могущественной и величественной, умея убедить всех в своей правоте. Всегда было видно, что любую проблему она рассекает своим острым умом, прежде чем принять важное решение. Вот и теперь за потоком, казалось бы, пустых фраз чувствовалось, что Преподобная Мать приняла какое-то очень важное и нелегкое решение.

Тег указал рукой на обтянутое зеленым чехлом кресло у левой стены. Тараза взглянула на кресло, снова осмотрелась и подавила улыбку.

В этом доме не было решительно никаких удобств вроде анатомических кресел. Тег был окружен стариной, да и сам был предметом старинного антиквариата. Она уселась в предложенное кресло, оправила накидку и выжидательно посмотрела на Тега, который усаживался в кресло напротив.

– Мне очень жаль, что приходится отрывать тебя от заслуженного отдыха, башар, – начала Тараза, – но, к несчастью, обстоятельства не оставили мне иного выбора.

Тег, расслабившись и положив свои длинные руки на подлокотники кресла, сидел в ожидании, всем своим видом говоря: «Заполняй мой ум данными». Ментат, готовый к расчетам.

Эта поза повергла Таразу в легкое смятение. Тег все еще выглядел почти царственно – высокий человек с крупной головой, увенчанной гривой седых волос. Тараза знала, что до трехсот стандартных лет ему не хватает всего четырех. Учитывая, что стандартный год был на двадцать часов короче, чем природный, можно было сделать скидку, но служба Бене Гессерит – это не сахар, и Тараза не могла не испытывать уважения к этому человеку. На Теге была надета легкая серая форма, неброские брюки и китель, белая рубашка с распахнутым воротом обнажала морщинистую шею. На поясе золотом блеснул какой-то предмет, это был орден «Солнце с лучами», полученный башаром перед уходом в отставку. Насколько все же этот Тег утилитарен, сделал из ордена пряжку для ремня! Это вселило уверенность в Преподобную Мать. Тег поймет ее проблемы.

– Могу я попросить воды? – спросила Тараза. – Мы проделали долгое и утомительное путешествие, а последний участок преодолели на твоём транспорте, который следовало поменять еще лет пятьсот назад.

Тег поднялся с кресла, подошел к стене, отодвинул в сторону панель, достал из шкафчика бутылку ледяной воды, стакан и поставил их на столик перед Таразой.

– У меня есть меланжа, – сказал он.

– Благодарю, – отказалась Преподобная, – у меня достаточно своей.

Тег сел на свое место, и Тараза только теперь заметила, как скованно он движется. Хотя для своего возраста он был, пожалуй, еще очень ловок и подвижен.

Тараза налила себе полстакана и залпом выпила воду, затем с преувеличенной медлительностью поставила стакан на столик. Как обратиться к нему? Манеры поведения Тега не могли ввести ее в заблуждение. Он не желал снова выходить на службу, аналитики предупреждали об этом Преподобную. Находясь в отставке, Тег проникся нешуточным интересом к сельскому хозяйству. Его сад в Лернеусе стал образцом агрономической науки и экспериментальной площадкой.

Она подняла глаза и принялась, не скрывая этого, изучать Тега. Широкие плечи лишь подчеркивали тонкую талию. Он все еще ведет активную жизнь. Длинное лицо с резко выступающими скулами – типичный Атрейдес. Тег, не таясь, посмотрел в глаза Преподобной Матери, словно требуя внимания, но не отказываясь выслушать то, что будет угодно сказать Таразе. Тонкие губы растянулись в улыбке, обнажив ровные белые зубы.

Он чувствует, что мне очень неловко, подумала она. Проклятие! Он такой же слуга Бене Гессерит, как и я!

Тег не стал прерывать течение ее мыслей вопросами. Его манеры оставались безупречными, он смотрел на Таразу с некоторым любопытством, смешанным с отчужденностью. Преподобная Мать напомнила себе, что это обычное поведение ментата, в котором не надо искать никакого скрытого смысла.

Внезапно Тег поднялся, подошел к столику возле кресла, в котором сидела Тараза, и остановился в ожидании, скрестив руки на груди и глядя на Преподобную сверху вниз.

Таразе пришлось повернуться вместе с креслом, чтобы заглянуть в глаза Майлсу. *Будь он проклят!* Тег не собирался ни на йоту облегчить ее задачу. Все Экзаменующие Преподобные Матери в один голос утверждали, что Тега очень трудно усадить для серьезного разговора. Он предпочитал стоять, показывая свою безупречную военную выправку и глядя на собеседника с высоты своего роста. Никакая Преподобная Мать не могла сравниться с ним в росте – больше двух метров. Эта черта, утверждали аналитики, отражала протест Тега (возможно, неосознанный) против подавляющей власти Общины Сестер. Однако больше этот протест, если он был, никак не отражался на поведении Тега. Майлс оставался самым надежным командиром из всех, которые когда-либо служили Общине.

В мире людей, разделенном на многочисленные общественные слои, часто, несмотря на простые названия этих слоев, возникали большие сложности, и в таких ситуациях надежные военные ценились на вес меланжи и даже дороже. Религии и всеобщая память об имперской тирании всегда незримо присутствовали на любых переговорах, но это были экономические силы, которые делали погоду, но в каждой счетной машине находилась графа для *военных денег*. Этот факт незримо присутствовал на любых деловых переговорах, и так будет всегда, пока нужда не перестанет поддерживать на плаву торговую систему нашего мира. Всегда нужны особенные вещи (Пряность или продукты технологии Икса), нужда в специалистах (в ментах и докторам Сукк), да мало ли других повседневных потребностей может возникнуть; для каждой из них существует рынок: трудовых ресурсов, строителей, конструкторов, землеустроителей, художников, экзотических удовольствий...

Ни одна законодательная система не в состоянии охватить все это сложное множество и объединить его в единое целое. Этот факт делает необходимым присутствие арбитра с мощными кулаками. Сестры навсегда попали в эту паутину экономики, приняв на себя некую роль, и Майлс Тег прекрасно это знал и понимал. Понимал он и то, что его снова извлекли на свет для особой необходимости, как извлекают из кармана разменную монету. Нравится ему эта роль или нет, не интересовало участников торга.

– Мне кажется, что у тебя нет семьи, которая могла бы тебя здесь удерживать, – заговорила Тараза.

Тег ничего не ответил, ожидая продолжения. Да, его жена умерла тридцать шесть лет назад. Дети давно выросли, и все, за исключением одной дочери, давно покинули родительское гнездо. У него много личных связей, но нет никаких обязательств. Это верно.

Тараза напомнила Тегу о его безупречной многолетней службе Общине Сестер и упомянула о некоторых его успехах на этом поприще. Тараза понимала, что эти похвалы не повлияют на его решение, но знала, что они помогут ей создать более доверительную атмосферу для дальнейшего, очень важного разговора.

– Тебе приписывают некое поразительное фамильное сходство, – сказала она.

Тег склонил голову на миллиметр.

– Твое сходство с Первым Лето Атрейдесом, дедом Тирана, поистине замечательно, – продолжала Тараза.

Тег ничем не выразил своего отношения к этим словам. Это были всего лишь данные, которые и без того хранились в его обширной памяти. Он знал о своих генах, унаследованных

от Атрейдесов. Он видел свое сходство с Лето Первым, глядя на портрет герцога в капитуле Общины Сестер. Это было странное ощущение – Тега тогда не покидало впечатление, что он смотрится в зеркало.

– Ты немного повыше, – проговорила Тараза.

Тег продолжал безмолвно взирать на Преподобную Мать с высоты своего роста.

– Черт возьми, башар, – взорвалась Тараза, – неужели ты даже не хочешь попытаться помочь мне?

– Это приказ, Верховная Мать?

– Нет, это не приказ!

Тег медленно обнажил в улыбке зубы. Сам факт, что Тараза позволила себе вспылить в его присутствии, говорил о многом. Она бы не стала делать этого перед людьми, которых не считала достойными доверия. И, без сомнения, она не позволила бы себе такого поведения перед людьми, которых считала просто пешками.

Тараза выпрямилась в кресле и улыбнулась в ответ.

– Все верно, – сказала она. – Ты живешь здесь себе в радость, Патрин сказал, что ты очень расстроишься, если я призову тебя на службу. Могу заверить тебя, что только ты способен помочь нам выполнить наши планы.

– Какие планы, Верховная Мать?

– Мы воспитываем на Гамму гхола Дункана Айдахо. Ему почти шесть лет и он готов к получению военного образования.

Тег слегка округлил глаза.

– Это будет очень тяжелая служба, – сказала Тараза, – но я хочу, чтобы ты как можно скорее приступил к его профессиональной подготовке и защите.

– Все дело в моем сходстве с герцогом Атрейдесом, – произнес Тег. – Вы хотите использовать меня для того, чтобы восстановить его исходную память?

– Да, через восемь или десять лет.

– Так долго? – Тег покачал головой. – Почему на Гамму?

– Согласно нашему заказу, тлейлаксиянцы слегка изменили его наследственную прана-бинду. Его рефлексы будут развиваться со скоростью, характерной для нашего времени. Гамму... исходный Дункан Айдахо родился и воспитывался на этой планете. Из-за изменений в его клеточной наследственности все остальное должно быть как можно ближе к первоначальным обстоятельствам.

– Для чего вы это делаете? – Тег заговорил тоном ментата, обрабатывающего информацию.

– На Ракисе обнаружили девочку, которая способна управлять червями. Там мы и используем нашего гхола.

– Вы хотите их скрестить?

– Сейчас я обращаюсь к тебе не как к ментату. Нам нужны твои военные знания и внешность настоящего Лето. Ты знаешь, как восстановить его исходную память, когда для этого настанет срок.

– Таким образом, вы хотите, чтобы я был при нем Мастером Оружия?

– Ты полагаешь, что это понижение в должности для человека, который столько лет был Верховным Башаром наших Вооруженных сил?

– Верховная Мать, вы приказываете, и я повинуюсь. Но я не приму эту должность, если мне не поручат командовать всей обороной Гамму.

– Приказ об этом уже подготовлен, Майлс.

– Вы всегда понимали, как работает мой ум.

– И я всегда была уверена в твоей верности.

Тег резко отошел в сторону и остановился, размышляя.

– Кто будет обеспечивать связь?

– Беллонда из отдела Записей, та же Беллонда. Лона обеспечит тебя надежным шифром для обмена посланиями с нами.

– Я подготовлю список людей, – сказал Тег. – Мои старые товарищи и их дети. Я хочу, чтобы они находились на Гамму к моменту моего прибытия.

– Ты не думаешь, что некоторые из них откажутся?

Его взгляд ясно сказал: «Не говори глупостей!»

Уловив этот взгляд, Тараза усмехнулась и подумала: *Вот этому мы хорошо научились у первоначальных Атрейдесов. Командовать так, чтобы пробуждать преданность и верность.*

– Набором людей займется Патрин, – продолжал Тег. – Я знаю, что он не примет официальное назначение, но я хочу, чтобы ему платили жалованье полковника и оказывали соответствующие почести.

– Ты, естественно, будешь восстановлен в звании Верховного Башара, – сказала она. – Мы...

– Нет, у вас есть Бурцмали. Мы не станем ослаблять его, поставив над ним его старого начальника.

Она изучающе посмотрела на него.

– Мы еще не утвердили Бурцмали в должности и...

– Это мне хорошо известно. Мои старые товарищи держат меня в курсе относительно политики Общины Сестер. Но и вы, и я, Верховная Мать, прекрасно знаем, что это вопрос времени. Бурцмали – самый лучший кандидат.

Таразе осталось только согласиться с Тегом. Это было чем-то большим, чем назначением военного ментата. Это было назначение Тега. Внезапно Преподобную поразила одна мысль.

– Так, значит, ты знал о нашем споре в Совете! – обвиняюще заговорила она. – И ты допустил, чтобы я...

– Верховная Мать, если бы я думал, что вы произвели на Ракисе очередное чудовище, то сказал бы об этом без обиняков. Вы доверяете моим решениям, а я доверяю вашим.

– Будь ты проклят, Майлс, мы просто слишком долго не виделись, – Тараза встала. – Меня успокоит одно сознание того, что мы снова в одной упряжке.

– Упряжка, – повторил он. – Восстановление меня в звании башара по особым поручениям – вот что нужно. Когда об этом доложат Бурцмали, не возникнет глупых вопросов.

Тараза достала из складок накидки пачку листов ридулианской бумаги и протянула ее Тегу.

– Я уже подписала эти документы. Заполни пропуск имени о назначении и восстановлении в звании. Все остальное там есть – проездной документ, полномочия и все прочее. Ты будешь подчиняться лично мне и никому больше. Ты – мой башар. Это ты понимаешь?

– Разве я не был всегда вашим башаром?

– Теперь это важнее, чем когда бы то ни было. Храни гхола как зеницу ока и как следует учи его. Это твоя единственная и главная ответственность на сегодня. Я защищу тебя в этом вопросе от кого бы то ни было.

– Я слышал, что на Гамму распоряжается Швандю.

– Я же сказала – от кого бы то ни было. Не доверяй Швандю.

– Понимаю. Не пообедаете ли вы с нами? Моя дочь...

– Прости, Майлс, но у меня совершенно нет времени. Сразу же по прибытии я пришлю сюда Беллонду.

Тег проводил высокую гостью до порога, поговорил со своими учениками из ее охраны и проследил за отъездом. Экипаж уже ждал Верховную с включенным двигателем. Машина была совершенно новой, очевидно, они привезли ее с собой. При этой мысли Тег почувствовал себя очень неудобно.

Какая спешка!

Тараза приехала к нему лично, выполняя задачу простой посыльной, зная, что значит для него ее личное присутствие. Ее приезд должен был многое ему открыть. Прекрасно зная всю подноготную деятельности Ордена Бене Гессерит, Тег понимал, что откровение состояло именно в том, что сейчас произошло. Спор на Совете имел гораздо более глубокую подоплеку, чем ту, которую предполагали информаторы Майлса.

Ты – мой башар.

Тег бегло просмотрел кипу полномочий и свидетельств, оставленную Таразой. Все верно – ее личная печать и подпись на месте. Такое доверие только усилило его беспокойство.

Не доверяй Швандью.

Он сунул бумаги в карман и отправился разыскивать Патрина. Его надо успокоить и смягчить. Надо будет обсудить с ним, кого привлечь для выполнения задания. Тег начал перечислять в уме некоторые имена. Предстоит опасное дело. Для его выполнения надо отобрать лучших людей. Проклятье! Все имение придется оставить на Фируса и Димелу. Как много всяких мелочей! Шагая по имению, он чувствовал, как участился его пульс.

Проходя мимо охранника, одного из своих старых солдат, Тег на мгновение остановился.

– Мартин, отмени на сегодня все мои встречи. Найди мою дочь и скажи, чтобы она пришла в мой кабинет.

По дому и имению поползли слухи. Слуги и члены семьи, узнав, что к хозяину приехала та самая Верховная Мать, постарались оградить Тега от повседневных мелочей, поместив между ним и делами некий защитный экран. Старшая дочь Димела оборвала его речь, когда Майлс попытался рассказать ей о подробностях своих агрономических экспериментов.

– Отец, прекрати, я ведь уже давно не ребенок!

Они сидели в маленькой теплице, примыкавшей к кабинету Тега. На углу стола на подогревателе стояли остатки обеда. За подносом к стене был прислонен блокнот Патрина.

Тег бросил на дочь пронизывающий взгляд. Димела во всем, исключая рост, была точной копией своего отца. Слишком угловатой для своего пола, что, однако, не мешало ей удачно выйти замуж. У Димелы и Фируса было трое детей.

– Где Фирус? – спросил Тег.

– Следит за посадками на Южной Ферме.

– Ах да, Патрин говорил об этом.

Тег улыбнулся. Ему очень нравилось, что его дочь отказалась принять клятву Общины Сестер и предпочла выйти замуж за уроженца Лернеуса, оставшись в доме отца.

– Единственное, что я поняла, так это то, что тебя снова призывают на службу, – сказала Димела. – Это опасное назначение?

– Ты разговариваешь со мной в точности как твоя мать, – сказал Тег.

– Значит, это опасно. Черт бы их побрал, ты ведь и так очень много для них сделал!

– Выходит, что еще не все.

Она отвернулась и пошла навстречу Патрину, который в это время вошел в дальнюю дверь теплицы. Тег услышал реплику дочери:

– Чем старше он становится, тем больше в нем самом появляется от Преподобной Матери!

Но чего еще могла она от меня ожидать? – подумал Тег.

Сын Преподобной Матери, рожденный ею от мелкого служащего Объединения Самых Передовых и Честных Торговцев, он вырос в доме, каждое движение в котором совершалось в унисон с биением сердца Бене Гессерит. Это стало ясно Тегу еще в ранней юности, когда положение отца в межпланетной торговой сети пошатнулось, потому что мать не хотела, чтобы он там работал.

Этот дом оставался собственностью матери вплоть до ее смерти, которая последовала через год после смерти отца. Отпечаток ее вкуса до сих пор господствовал в обстановке.

Перед Тегом остановился Патрин.

– Я вернулся за своим блокнотом, – сказал он. – Вы добавили какие-нибудь имена?

– Да, несколько. Просмотри список и подправь его.

– Слушаюсь, сэр! – с залихватски веселым лицом Патрин зашагал по имению, похлопывая по ноге блокнотом.

Он тоже все чувствует, подумал Тег.

Он снова оглянулся. Этот дом до сих пор оставался домом матери. И это после всех тех многих лет, что он прожил здесь, успев воспитать целую семью! О да, это он построил теплицу, но его кабинет был когда-то личными покоями матери.

Джейнет Роксбраф из лернейских Роксбрафов! Мебель, убранство – все выдержано в ее стиле! Тараза все это прекрасно видела. По мелочам Тег и его жена кое-что изменили, но ядро дома осталось неизменным. Во всем была видна железная рука Джейнет Роксбраф. Что тут можно сказать, в ее жилах текла кровь Говорящих Рыб! Как ценна была она для Общины Сестер! Странно только, что она вышла замуж за Лоши Тега и всю жизнь прожила с ним в этой дыре. Этот факт невозможно было понять, если не знать о том, как срабатывали спустя многие поколения селекционные планы Бене Гессерит.

Они снова это сделали, подумал Тег. *Я жил все это время в своем флигеле, не зная, что живу только для того, чтобы дожидаться этого момента.*

*Не религия ли самовольно взяла себе патент на творение всего и
вся на протяжении всех этих тысячелетий?*

Вопрос Тлейлаксу из речей Муад'Диб

Воздух Тлейлаксу был кристально чист, неподвижен и напоен прохладой. Он, этот необыкновенный воздух, был частью холодного утра, частью вызывающего страх ощущения чего-то неотвратимо надвигающегося, словно за стенами Бандалонга притаилась сама жизнь – алчная и предвкушающая. Эта жизнь не двинется, однако, с места, прежде чем не получит разрешающий сигнал. Махай, Тилвит Вафф, Мастер Мастеров наслаждался этим часом дня. Глядя на город через открытое окно, махай отчетливо осознавал свою безграничную власть над ним. Он еще раз мысленно повторил себе это. Источник страха был ясен – никто не мог знать, что образуется из этого таинственного резервуара жизни, притаившейся за стенами Бандалонга: как далеко распространилась цивилизация Тлейлаксу, зародившаяся некогда здесь, в Бандалонге.

Его народ ждал этого часа много тысячелетий. И сейчас Вафф лелеял в душе этот момент, наслаждался им, желая, чтобы он длился вечно. Только ради этого момента народ перенес беды правления Пророка Лето Второго (не Бога-Императора, а только лишь Пророка, посланника Божьего!), прошел сквозь Голод и Рассеяние, терпел унижения от ничтожеств – но пройдя все эти муки и страдания, народ Тлейлаксу терпеливо копил силы и накопил их для этого вожаемого мига.

Мы дождались своего часа, Пророк!

Город, раскинувшийся под высоким окном Ваффа, казался главной опорой всей конструкции Тлейлаксу. Другие планеты, подчиненные Тлейлаксу, города, связанные с Бандалонгом неразрывными переплетающимися узами и уповающие на его Бога, ждали сигнала, и этот сигнал скоро прозвучит. Для мощного космического рывка соединили свои силы лицеделы и машейхи. Близок конец тысячелетиям ожидания.

Теперь Вафф думал об этом ожидании, как о долгом, затянувшемся начале.

Да, так и будет. Глядя на застывший в ожидании город, Вафф кивнул сам себе. С самого начала, с самого момента возникновения столь обширного, разветвленного, сложного и гран-

диозного плана Бене Тлейлаксу прекрасно отдавал себе отчет в том, что временами этому плану будет грозить катастрофа, что придется пройти сквозь горькие потери, унижения и необходимость подчиняться. Все это и многое сверх того действительно было, за несколько тысячелетий притворства Бене Тлейлаксу создал настоящий миф.

«Порочные, злокозненные, отвратительные, грязные тлейлаксианцы! Глупые тлейлаксианцы! Предсказуемые тлейлаксианцы! Высокомерные тлейлаксианцы!»

Даже верные слуги Пророка пали жертвой этого мифа. Одна плененная Говорящая Рыба кричала в этой самой комнате в лицо Великому Мастеру: «Долгое притворство создает настоящую реальность! Вы действительно стали мировым злом!» Они убили ее, и Пророк ничего не смог поделать.

Как мало все эти чужаки понимали самоограничение Тлейлаксу. Высокомерие? Но пусть они примут в расчет, сколько тысячелетий приходилось тлейлаксианцам ждать часа своего восхождения.

Spannungsbogen!

Слово древнего, давно умершего языка само собой скатилось с языка Ваффа. Тетива лука! Как сильно надо натянуть лук, прежде чем отпустить тетиву? Чем сильнее она будет натянута, тем с большей силой стрела поразит цель!

– Машейхи ждали дольше других, – прошептал Вафф. Здесь, в надежной тиши своей башни, он осмелился еще раз произнести это слово: – Машейхи.

Кровли крыш засверкали в лучах восходящего тлейлаксианского солнца. В городе пробуждалась жизнь. Вафф полной грудью вдохнул воздух, наполненный родными сладковато-горькими запахами, и закрыл окно.

Этот момент уединенного наблюдения придал Ваффу чувство обновленности. Отойдя от окна, он облачился в белый почетный халат, которому были обязаны поклоняться все домели. Накидка совершенно скрыла приземистое тело Ваффа, он чувствовал себя так, словно на нем надеты доспехи.

Доспехи Бога!

– Мы – народ Ягиста, – напомнил Мастер своим советникам прошлой ночью. – Все остальные – лишь граница. Только с одной-единственной целью мы питали миф о нашей слабости и злокозненности. Только с одной. И даже Бене Гессерит поверил нашей игре!

Советники, а их было девять, сидевшие в подземном зале – сагре, – понимающе улыбнулись. То было суждение в духе гхуфран, они знали это. Стезя, которую определил для себя Тлейлаксу, всегда была ложем, поддерживавшим праведный цветок гхуфрана.

Правда заключалась даже в том, что Вафф, самый могущественный из всех тлейлаксианцев, не мог покинуть свой мир и снова вернуться в него без унижительной процедуры возвращения в гхуфран, для чего надо было молить о прощении за контакты с чужаками и осквернение их грехами. Выход за пределы мира и пребывание среди повиндах могло растлить даже самых сильных. Хасадары, которые надзирали за порядком на границах и охраняли селамлик женщин, могли заподозрить в грехопадении любого, в том числе и Ваффа. Да, он принадлежал народу и кехлю, но должен был доказывать это каждый раз после того, как покидал пределы родины или посещал селамлик, чтобы оставить там свое семя.

Вафф пересек комнату и остановился возле большого зеркала, рассматривая свою закутанную в накидку фигуру. Для людей повиндах – он хорошо это понимал – Вафф был всего лишь коротышкой ростом не более полутора метров. Волосы, глаза и кожа имели сероватый тусклый оттенок. На овальном лице выделялся крошечный ротик и выступающие острые зубы. Лицеделы могли имитировать его наружность и рассыпаться по приказу машейхов, но ни одного машейха или хасадара нельзя было ввести в заблуждение относительно подлинности Мастера. Одурачить можно было лишь легковых повиндах.

За исключением Бене Гессерит!

При одном воспоминании лицо Ваффа искривилось в злобной гримасе. Ничего, эти ведьмы скоро будут иметь дело еще с одним лицеделом.

Никто еще так хорошо не овладел генетическим языком, как Бене Тлейлаксу, успокоил себя Вафф. Мы имеем полное право называть этот язык «языком Бога», ибо Бог дал нам силу разгадать его.

Вафф шагнул к двери и остановился в ожидании утреннего звонка. У Ваффа не было слов, чтобы описать всю гамму чувств, которые в этот момент обуревали его. Время развертывалось перед ним, как бесконечный свиток. Он не спрашивал себя, почему Послание Пророка было услышано только ими – приверженцами Бене Тлейлаксу. Это дело Бога, и в этом смысле Пророк был лишь Его дланью, заслуживавшей преклонения только потому, что Пророк был Его Вестником.

Ты приготовил их для нас, о Пророк.

А этот гхола на Гамму, нынешний гхола, воистину стоил столь долгого ожидания.

Прозвучал утренний колокол, и Вафф вышел в зал. Ему навстречу поднялись фигуры в таких же белых одеждах. Все направились на балкон приветствовать восходящее солнце. Сейчас Вафф – махай и абдель своего народа – мог олицетворять весь Тлейлаксу.

Мы – воплощение законов Шариата, последние во вселенной.

Только в наглухо закрытых покоях своих братьев маликов мог он высказать вслух свои мысли, но знал, что их разделяют все, кто его окружает. Работа этой мысли воплотилась в делах и поступках машейхов, домелей и лицеделов. Парадокс родственных уз и социальной идентичности, который пропитывал весь кхель – от первого машейха до последнего домеля, вовсе не казался парадоксом Ваффу.

Все мы работаем во имя одного и того же Бога.

Лицедел под маской домеля низко поклонился и распахнул дверь на балкон. Вафф, выйдя на балкон во главе своей многочисленной свиты, едва заметно улыбнулся, узнав лицедела. Всего-навсего домель! Это была родственная шутка, но лицеды не были родными. Они были лишь конструкциями, инструментами, орудиями, как гхола, который сейчас пребывает на Гамму. Все они – орудия, созданные посредством Божьего языка, на котором могут говорить только машейхи.

Вместе со всеми, кто вышел с ним на балкон, Вафф совершил обряд поклонения солнцу. Он испустил клич абделя и услышал, как этот крик отозвался в самых отдаленных уголках города.

– Солнце не есть Бог! – выкрикнул Вафф.

Нет, солнце – это всего лишь символ бесконечной силы и милости Бога – еще один инструмент, еще одно орудие. Вафф чувствовал себя очищенным после ночного погружения в гхуфран и утреннего ритуала – то было подлинное обновление. Теперь можно считать законченным поход к повиндах. Братья по вере шли впереди, пока мастер шествовал по внутреннему коридору к движущемуся переходу, который доставил его в центральный сад, где должны были ждать советники.

Это был очень удачный поход к повиндах, подумал Вафф.

Каждый раз, покидая внутренние покои Бене Тлейлаксу, Вафф чувствовал себя так, словно совершал лашкар, военный поход, целью которого была месть, реванш, который его люди называли Бодалом. Это слово всегда писали с большой буквы и держали в тайне, Бодал утверждался в умах с помощью гхуфрана и кхеля. Так вот, этот последний лашкар был весьма успешным.

Вафф спустился в центральный сад, освещенный солнечными лучами с помощью системы призматических отражателей, установленных на крышах окрестных домов. Посередине сада виднелся выложенный щебнем круг, в середине которого бил, переливаясь на солнце, небольшой фонтан. Фонтан был окружен оградой из белого камня, по одну сторону ее находи-

лась лужайка. Она была расположена на таком расстоянии от фонтана, чтобы на ней было прохладно, но чтобы брызги воды не долетали до присутствующих и не мешали ведущемуся вполголоса серьезному разговору. На подстриженной зеленой траве располагались десять узких скамей из древнего пластика – девять были расставлены полукругом, а впереди него помещалась десятая, точно такая же скамья.

Остановившись на краю лужайки, Вафф с удивлением отметил, что никогда прежде зрелище этого великолепного места не доставляло ему такого наслаждения. Скамьи были темно-синего цвета, цвета, присущего материалу, из которого они были сделаны. Столетия употребления оставили на скамьях следы – полукруглые углубления на подлокотниках и на сиденьях, где бесчисленные седалища тоже оставили свой весомый след. Однако цвет сидений оставался нетронутым – глубокая синева ласкала глаз.

Вафф уселся на предназначенную для него скамью и впился глазами в сидевших напротив советников и принялся обдумывать слова, которые должен был сейчас произнести. Тот документ, который он принес из своего последнего лашкара и ради которого был, собственно говоря, затеян поход, пришелся как нельзя более кстати. Само его название, не говоря уже о содержании, служило истинным посланием для Тлейлаксу.

Из внутреннего кармана Вафф извлек тонкую пластинку ридулианского хрусталя. На лицах девяти советников сразу же отразился повышенный интерес, не уступавший его собственному. Кроме интереса, лица советников выразили ожидание. Все они уже читали в кхеле этот документ: «Манифест Атрейдесов». В их распоряжении была целая ночь для обдумывания этого манифеста. Теперь настало время обсуждения. Вафф положил документ себе на колени.

– Я предлагаю распространить этот документ как можно шире, – произнес Вафф.

– Без изменений? – спросил Мирлат, советник, который больше всех занимался вопросами трансформации гхола. Мирлат, в этом нет сомнения, претендовал на должности махая и абделя. Вафф внимательно посмотрел на тяжелую, широкую нижнюю челюсть советника, отметив хрящевые выросты, свидетельствовавшие о солидном возрасте Мирлата – ему было уже несколько сотен лет.

– В том самом виде, в каком он попал к нам в руки, – отпарировал Вафф.

– Это опасно, – возразил Мирлат.

Вафф повернул голову вправо, и его детский профиль вырисовывался теперь перед глазами советников на фоне белой ограды фонтана. *Рука Господня на моей стороне!* Небо над его головой было словно отполированное, похожее на искусственный свод, воздвигнутый в старые времена над Бандалонгом, самым древним городом Тлейлаксу, для защиты первопроходцев от суровых условий новой планеты. Лицо его оставалось мягким и вкрадчивым, когда Вафф снова повернул его к советникам.

– Для нас это совершенно не опасно, – сказал он.

– Это только ваше мнение, – проговорил Мирлат.

– Тогда давайте слушаем все мнения, – сказал Вафф. – Надо ли нам бояться Икса и Говорящих Рыб? Естественно, нет. Они уже давно наши, хотя и не подозревают об этом.

Вафф помолчал, давая советникам возможность осмыслить его слова. Все они, впрочем, знали, что новые лицеделы заседали в Высших Советах Икса и Говорящих Рыб, и никто до сих пор не обнаружил подмены.

– Гильдия не выступит против нас и не станет вредить нам, потому что мы единственный источник меланжи для нее, – сказал Вафф.

– Тогда зачем многие из Досточтимых Матрон вернулись из Рассеяния? – потребовал ответа Мирлат.

– Мы будем иметь с ними дело, если этого потребуют обстоятельства, – произнес Вафф. – И в этом нам помогут потомки нашего народа, которые добровольно отправились в страны Рассеяния.

– Время действительно кажется наиболее подходящим, – пробормотал один из советников.

Вафф посмотрел в его сторону – Торг Младший. Что ж, один голос в его поддержку уже обеспечен.

– Но Бене Гессерит! – воскликнул Мирлат.

– Я думаю, что Досточтимые Матроны уберут этих ведьм с нашего пути, – сказал Вафф. – Они уже перегрызлись между собой, как звери в цирке.

– Что будет, если найдут автора этого манифеста? – спросил Мирлат. – Что будет тогда?

Несколько голов наклонились в знак согласия, и Вафф подумал, что этих придется переубеждать.

– В наши дни опасно называться Атрейдесом, – проговорил Вафф.

– Везде, за исключением, вероятно, Гамму, – согласился с Ваффом Мирлат. – А документ подписан именем Атрейдеса.

Как странно, подумал Вафф. Представители ОСПЧТ на конференции повиндах, ради которой, собственно говоря, он и покинул внутреннюю планету Тлейлаксу, утверждали то же самое. Но в большинстве своем люди из ОСПЧТ были закоренелыми атеистами и смотрели на религию с подозрением, понимая, что имя Атрейдесов является мощным религиозным оружием. Беспокойство ОСПЧТ было почти ощутимым.

Сейчас Вафф снова представил себе эту реакцию.

– Этот наймит ОСПЧТ, будь проклята его безбожная душа, прав, – настаивал между тем на своем Мирлат. – Документ очень коварен.

С Мирлатом надо будет поработать, подумал Вафф. Он взял в руку документ и вслух прочитал первую строчку:

– В начале было слово, и слово было «Бог».

– Это прямо взято из Оранжевой Католической Библии, – сказал Мирлат. И снова несколько голов встревоженно кивнули в знак согласия.

Вафф обнажил в улыбке свои мелкие зубы.

– Вы хотите предположить, что среди повиндах найдутся люди, которые подозревают о существовании Шариата и машейхов?

Как приятно было говорить эти слова открыто, здесь, в самом сокровенном мире Тлейлаксу, среди единомышленников, где древний язык сохранился в обиходе во всей своей первоизданной чистоте. Неужели Мирлат и другие всерьез полагают, что Атрейдесы способны подорвать основы Шариата?

Вафф повторил этот вопрос вслух и увидел, как его советники озабоченно нахмурились.

– Неужели среди вас найдется хотя бы один, кто верит, что повиндах может знать, как мы пользуемся языком Божьим?

Вот так! Пусть они хорошенько задумаются! Каждый из них провел некоторое время, пробуждаясь от пребывания в плоти гхола. Этот Совет был непрерывным даже в своей телесной оболочке – такого не удавалось достичь ни одному народу. Мирлат, например, видел Пророка собственными глазами. Скиафал говорил с самим Муад’Дибом! Научившись сохранять плоть и восстанавливать память, они создали вечное правительство, сосредоточившее в своих руках небывалую мощь, которая могла быть ограничена только в том случае, если бы потребовалась всюду. Только ведьмы сумели достичь чего-то подобного, создав необъятное хранилище памяти, из которого могли непрерывно черпать нужные сведения. Они продвигались вперед с устрашающей осторожностью, приходя в ужас от того, что могут создать еще одного Квисатц Хадераха!

Вафф сказал все это своим советникам и добавил:

– Время действий настало.

Никто не возразил, и Вафф продолжил:

– Этот манифест написан одним человеком. Это показывает независимая экспертиза. Мирлат?

– Написано одним человеком и этот человек – Атрейдес, в этом нет ни малейшего сомнения, – согласился на этот раз Мирлат.

– Все это подтвердила и конференция повиндах, – произнес Вафф. – Согласился даже Гильд-навигатор третьей ступени.

– Но этот единственный человек – автор манифеста – создал нечто такое, что возбудит сильнейшую реакцию среди многих народов, – снова начал возражать Мирлат.

– Разве мы когда-нибудь подвергали сомнению талант Атрейдесов к разрушению? – спросил Вафф. – Когда повиндах показали мне этот документ, я понял, что Бог посылает нам знак.

– Ведьмы все еще отрицают свое авторство? – подал голос Торг Младший.

С какой готовностью он со всем соглашается, подумалось Ваффу.

– Каждая религия повиндах была озадачена этим манифестом, – сказал Вафф. – Всякая вера, кроме нашей, осталась в подвешенном состоянии.

– Какая тяжкая проблема! – съязвил Мирлат.

– Но об этом знаем только мы, – возразил Вафф. – Кто еще может хотя бы подозревать о существовании Шариата?

– Гильдия, – ответил Мирлат.

– Они никогда никому не говорили об этом и не скажут. Они прекрасно знают, чем мы им ответим.

Вафф взял с колен пачку листов и снова приступил к чтению:

– «Нашу вселенную пронизывают силы, которые мы не в состоянии познать. Мы видим тени этих сил, когда они проецируются на экран нашего сознания и становятся доступными нашему наблюдению, но познать природу их мы все равно не можем. Мы не понимаем их».

– Атрейдес, который это написал, знает о Шариате, – пробормотал Мирлат.

Вафф, сделав вид, что ничего не слышит, продолжал читать:

– «Понимание нуждается в словах для выражения. Некоторые вещи не могут быть сведены к словам. Есть вещи, которые надо испытать бессловесно».

Осторожно, словно реликвию, Вафф опустил листы на колени. Тихо, так тихо, что собеседникам пришлось наклониться вперед или приложить ладонь к уху, чтобы слышать, Вафф произнес:

– Это говорит о том, что наша вселенная волшебна. Это говорит о том, что все производные формы преходящи и подчинены магическим изменениям. Наука привела нас к такой интерпретации, поскольку поставила нас на ту дорогу, с которой мы не можем свернуть.

Вафф дал возможность своим словам отзвучать и в наступившей тишине снова заговорил:

– Ни один Ракисский священник Разделенного Бога и ни один другой повиндахский шарлатан не может этого принять. Только мы знаем это, поскольку наш Бог – магический Бог, и мы говорим на его языке.

– В авторстве обвинят нас, – сказал Мирлат. Говоря это, Мирлат судорожно оглядывался по сторонам. – Нет! Я вижу это и прекрасно понимаю, о чем вы говорите.

Вафф сохранил молчание. Он видел, что советники вспоминают о своем суфийском происхождении, вспоминают Великую Веру и экуменизм Дзенсунни, который и породил Бене Тлейлаксу. Люди этого кхеля знали о Богом данных фактах своего происхождения, но поколения секретности уверили их, что ни один повиндах не разделяет этого знания.

В сознании Ваффа возникли слова: *«Допущения, основанные на понимании, содержат веру в абсолютную почву, на которой, подобно растениям, растущим из семян, произрастает все сущее».*

Понимая, что его собеседники тоже вспомнили этот катехизис Великой Веры, Вафф напомнил им и напутствие Дзенсунни.

– За такими допущениями находится вера в слова, о сути которых никогда не задумываются повиндах. Об этом спрашивает только Шариат и мы.

Члены Совета одновременно кивнули в знак согласия.

Вафф тоже слегка наклонил голову и продолжал:

– Само высказывание о том, что существуют вещи, которые нельзя описать словами, потрясает основы мироздания, в котором слова являются символами Высшей Веры.

– Яд повиндах! – в один голос воскликнули советники.

Теперь победа обеспечена и ее оставалось только закрепить последним ударом. Вафф спросил:

– В чем заключается кредо Суфи-Дзенсунни?

Они не могли произнести ответ вслух, но мысленно вспомнили одно и то же: *Для того чтобы достигнуть с'тори, не требуется никакое понимание. С'тори существует без слов и даже без имени.*

Через мгновение все они подняли головы и обменялись понимающими взглядами. Мирлат взял на себя произнесение тлейлаксиянской клятвы:

– Я могу произнести слово «Бог», но это будет не мой Бог, это будет шум, который не более силен, чем любой другой шум.

– Теперь я вижу, – заговорил Вафф, – что вы все ощутили власть, которая буквально упала нам в руки вместе с этим документом. Среди повиндах уже циркулируют миллионы и миллионы его копий.

– Кто это делает? – спросил Мирлат.

– Какая разница? – отпарировал Вафф. – Пусть повиндах гонятся за этими людьми, ищут их, проклиная в своих проповедях. С каждым таким действием повиндах будут придавать словам манифеста свежую силу.

– Но разве нам не стоит также проповедовать против этого документа? – спросил Мирлат.

– Только если этого потребуют обстоятельства, – сказал в ответ Вафф. – Остерегайтесь! – он хлопнул пачкой листов по коленям. – Повиндах сосредоточили свою осведомленность очень узкой целью, и в этом заключается их главная слабость. Мы должны позаботиться о том, чтобы с этим манифестом ознакомилось как можно больше людей во всей вселенной.

– Чудо нашего Бога – наш единственный мост, – единодушно произнесли советники.

Все они, подумал Вафф, *восстановили в душе веру.* Это было легко сделать. Ни один машейх не разделял глупости повиндах, которые жаловались: «Бесконечна Твоя милость, Господи, но почему я?» В одной такой фразе повиндах утверждает веру в бесконечность, и тут же ее отрицает, даже не понимая всей своей глупости.

– Скитал, – произнес Вафф.

Самый молодой с детским лицом советник, сидевший в дальнем углу слева, с готовностью подался вперед.

– Вооружите правоверных, – приказал Вафф.

– Я не перестаю удивляться тому, что Атрейдесы дали нам в руки столь мощное оружие, – сказал Мирлат. – Как могло случиться, что Атрейдесы всегда хватаются за идеал, за которым готовы последовать миллионы и миллионы людей?

– То не Атрейдесы, то Бог, – ответил Вафф. Он воздел руки и произнес заключительную ритуальную фразу:

– Машейх собрался в келье и восчувствовал Бога.

Вафф закрыл глаза и дождался, пока советники покинут сад. *Машейх!* Как сладостно называть себя в кхеле таким именем, говоря на языке исламизма, на котором не говорят другие тлейлаксиянцы, не присутствующие в Совете; этого языка не знают даже лицеделы. Нигде, ни в Вехте Джандолы, ни в самых далеких пределах Ягистов Тлейлаксу, не было ни одного живого повиндах, который знал бы тайну этого языка.

Ягист, подумал Вафф, поднявшись со скамьи. *Ягист, земля непокорных.*

Ему показалось, что документ вибрирует у него в руках. Этот манифест – то самое, за чем миллионы повиндах пойдут навстречу своей судьбе.

Сегодня меланжа, а завтра горькая грязь.

Ракисский афоризм

Шел третий год пребывания девочки Шианы у жрецов Ракиса. Она лежала, вытянувшись во весь рост, на гребне изогнутой дюны и пристально всматривалась в утреннюю даль, откуда раздавался приглушенный, но мощный шорох. Свет призрачно серебрил горизонт плотной дымкой. Песок хранил ночную прохладу.

Шиана знала, что из своей, окруженной водой башни, километрах в двух за ее спиной, за ней внимательно наблюдают жрецы, но это нисколько не беспокоило девочку. Сотрясение песка, которое она ощущала всем телом, требовало всего ее внимания.

Этот очень велик, подумала она. *Не меньше семидесяти метров. Очень большой и красивый червь.*

Прохладный и скользкий защитный костюм плотно облегал ее тело. Этот костюм не имел ничего общего с тем древним «на тебе, убоже, что мне негоже», который она носила до того, как жрецы взяли ее под свою опеку. Девочка была очень благодарна священникам за этот удобный костюм и за мягкую, толстую пурпурно-белую накидку, надетую поверх костюма. Но больше всего ей нравилось волнение и возбуждение от самого пребывания в Пустыне. Богатое, ни с чем не сравнимое ощущение наполняло ее в такие моменты.

Жрецы не понимали, что происходит здесь, в Пустыне. Шиана знала это. Они были обыкновенные трусы. Она оглянулась через плечо и увидела блики солнца, отражавшиеся от линз подозрных труб.

Девочка выглядела старше своих лет, высокая, стройная, смуглая, с выжженными солнцем волосами. Сейчас она ясно представляла себе, что именно видят жрецы в свои подозрные трубы.

Они видят, что я делаю то, чего они никогда не осмелятся сделать. Они видят меня на пути Шайтана. Я выгляжу очень маленькой, а Шайтан – очень большим. Они уже видят его.

Усилившийся шорох сказал девочке, что скоро она и сама увидит гигантского червя. Шиана не думала о приближающемся чудовище, как о Шаи-Хулуде, Боге песков, как ежедневно пели жрецы, совершая ритуал в честь поклонения жемчужинам Лето II, которые содержались в теле каждого ребристого властелина Пустыни. Шиана думала о червях, как о тех, «кто пощадил меня». Она называла их Шайтанами.

Но теперь они принадлежали ей.

Это отношение с червями началось немногим более трех лет назад, когда ей едва исполнилось восемь стандартных лет, в месяц Игат по старинному календарю. Ее деревня относилась к числу бедных, пионерское поселение, построенное задолго до того, как в Пустыне появились совершенные защитные барьеры, каналы и кольцевые протоки Кина... Шайтан избегал воды, но песчаные форели в скором времени перенесли от деревни всю воду. Драгоценную влагу в водных ловушках приходилось возобновлять каждый день, чтобы восстанавливать барьер.

В то утро, а оно было как две капли воды похоже на сегодняшнее, холод ночи точно так же щекотал ноздри, а горизонт был покрыт такой же плотной серебристой призрачной дымкой. Деревенские ребята с раннего утра вышли в пустыню в поисках меланжи, которую черви

оставляли, проходя поблизости от деревни. Меланжи, которую они нашли в тот раз – несмотря на инфляционное падение цен, – вполне могло хватить на кирпичи для возведения третьего слоя Защитной стены водной ловушки.

Каждый из детей, вышедших на поиски, кроме того, что искал Пряность, стремился обнаружить и следы какой-нибудь древней фрименской крепости. Теперь от этих сиегчей остались только жалкие развалины, но и они представляли собой надежную защиту от Шайтана. Ходили легенды, что в некоторых развалинах сиегчей сохранились тайники с несметными сокровищами меланжи. Каждый деревенский житель мечтал о такой находке.

Шиана, одетая в заплатанный защитный костюм и грязную, засаленную накидку, направилась на северо-восток, по направлению к туманному облаку, клубившемуся над великим городом Кином, с его роскошной богатой влагой, избыток которой поднимался в знойный воздух и разносился ветром.

Искать полоски меланжи в песке было в основном делом обоняния, поэтому приходилось постоянно принюхиваться, оставляя где-то на окраине сознания все посторонние звуки, в том числе и угрожающий шорох, который предупреждал о приближении Шайтана. Мышцы ног сокращались автоматически, поддерживая неровный, случайный «пустынный» шаг, звук которого сливался с прочими звуками песков.

Поначалу Шиана не слышала криков. Этот дикий визг непостижимым образом слился с шелестом песка барханов, которые закрывали от девочки вид на родную деревню. Но постепенно звук достиг ее сознания, и она поняла, что слышит крик, на который невозможно не обратить внимания.

Кричали много голосов одновременно!

Шиана забыла о предосторожности – неровном шаге и пустилась бежать с быстротой, на которую оказались способными ее детские мышцы. Она мигом взлетела вверх по склону бархана и бросилась вперед, туда, откуда раздавались страшные вопли. Она поспела как раз вовремя, чтобы увидеть, почему пресекся последний крик.

Ветер и песчаные форели прогрызли огромную дыру в защитном барьере, который прикрывал деревню. Этот провал отличался от вала по цвету. В это отверстие проник дикий червь. Гигантская, обрамленная языками пламени пасть все теснее сжималась вокруг людей и хиброк.

Шиана видела последних оставшихся в живых, которые еще шевелились в центре этого разрушения, в пространстве, которое было уже полностью очищено от домишек и остатков водной ловушки. Даже в этот момент некоторые люди пытались вырваться из страшного кольца и убежать в пустыню. Среди этих людей был и ее отец. Но не спасся никто. Огромная пасть поглотила всех, прежде чем сровнять с землей последние остатки деревни.

От некогда цветущей деревни остался лишь дымящийся песок – Шайтан показал, что бывает с теми, кто осмеливается отвоевывать полоски земли у червя. Это место было теперь так же пустынно, как и до того, как на него ступила нога первого поселенца.

Шиана судорожно вздохнула, как и подобает доброй дочери Пустыни, носом, чтобы сбегать влагу, и скользнула взглядом вдоль горизонта, стараясь отыскать других детей, но возле дальнего конца деревни были видны извилистые следы червя. Не было видно ни одного человека. Она закричала, ее голос одиноко и высоко прозвучал в сухом знойном воздухе, но никто не отозвался.

Она осталась совершенно одна.

Охваченная трансом, Шиана направилась по гребню бархана туда, где только что находилась ее родная деревня. Внезапно в ноздри девочке ударил резкий запах корицы. Только теперь до нее дошло, что именно случилось. По злой иронии судьбы деревня была построена на скоплении пре-Пряности. Когда это скопление созрело, то случился взрыв меланжи и явился Шайтан. Каждый ребенок знает, что червь не может устоять перед взрывом Пряности.

Шиану охватили ярость и отчаяние. Не думая ни о каких последствиях, она стремглав спустилась с дюны и кинулась к Шайтану, которого догнала в тот момент, когда он повернул в Пустыню подальше от влажной ловушки, возле которой оказался, привлеченный Пряностью. Ничего не соображая, Шиана пробежала вдоль хвоста, вспрыгнула на него и побежала вперед вдоль длинной ребристой спины. Остановившись возле горба, она опустила на колени и принялась молотить кулачками по нечувствительной коже.

Червь остановился.

В этот момент гнев уступил место ужасу. Шиана перестала бить червя. Спустя мгновение, до нее дошло, что она дико кричит. Ее наполнило тоскливое, невыносимое чувство одиночества. Она даже не помнила, как оказалась здесь. Шиана понимала только одно – она находится на спине у червя, и это открытие преисполнило ее страхом.

Между тем червь продолжал неподвижно лежать на песке.

Шиана не знала, что делать. В любой момент червь мог перевернуться на спину и раздавить ее или стремительно зарыться в песок, и тогда Шиану засосало бы в образовавшуюся воронку.

Внезапно по телу червя – от кончика хвоста до того места, где находилась девочка, – прошла волна дрожи. Червь двинулся вперед. Развернувшись широкой дугой, он набрал скорость и понесся на северо-восток.

Шиана всем телом прильнула к червю и судорожно вцепилась в кольцо, выступавшее на спине зверя, боясь, что он в любую секунду может зарыться в песок. Что ей тогда делать? Но червь и не думал никуда зарываться. Прошло несколько минут – червь продолжал нестись по прямой линии через дюны, и Шиана обрела способность соображать. Она знала, что на червях можно ездить верхом, но она знала также и то, что священники Разделенного Бога запрещали такую езду. Но Устное Предание и письменная история гласили, что в древние времена фримены путешествовали верхом на червях. Фримены ездили на червях, стоя во весь рост, удерживаясь на звере с помощью палки с крюком на конце. Священники объявили, что это делалось до того, как Лето II разделил свое сознание с Богом Пустыни. После этого запрещалось все, что могло нанести хоть малейший урон Лето II, расщепленному на множество маленьких кусочков.

С поразившей воображение Шианы скоростью червь продолжал мчаться на северо-восток, к окутанному дымкой Кину. Великий город вырисовывался на пустынном горизонте, словно мираж. Складки поношенной накидки Шианы хлопали на ветру о заплатанный во многих местах защитный костюм. Пальцы, вцепившиеся в ведущее кольцо червя, занемели от напряжения. Порывы ветра доносили до Шианы запах корицы, опаленного камня и озона, который выделялся от усиленной работы червя.

Кин впереди вдруг обрел четкие очертания.

Священники увидят меня и придут в ярость, подумала Шиана.

Девочка узнала передовую линию барьеров, за которыми высились арки акведука. Над последним высились террасы садов и ажурный легкий силуэт гигантской водной ловушки. За этими сооружениями виднелся храмовый комплекс, окруженный собственным водным барьером.

Дневной переход по открытому песку был преодолен меньше чем за один час!

Родители и соседи часто ходили в Кин торговать или веселиться на танцах, но Шиану брали с собой только два раза. Лучше всего она запомнила танцы и следовавшие за ними драки. Размеры города Кина поразили ее воображение. Как много домов! Как много людей! Такому городу не страшен никакой Шайтан.

Однако червь и не думал останавливаться, а продолжал нестись вперед и вперед, казалось, что он сейчас снесет и канал, и акведук. Город стремительно приближался, нависая

сверху всей своей громадой. Страх был подавлен очарованием. Шайтан не собирался останавливаться!

Червь остановился внезапно и резко.

Системы трубок канала находились не более чем в пятидесяти метрах перед разверстой пастью червя. Шиана чувствовала коричневый запах дыхания червя и приглушенный рокот страшной тепловой машины, которая безостановочно работала у него внутри.

До девочки вдруг дошло, что путешествие окончено. Шиана не спеша отпустила кольцо, медленно разжав пальцы. Она встала, в любой момент ожидая, что червь возобновит движение. Однако Шайтан продолжал лежать неподвижно. Девочка очень осторожно отодвинулась от спасительного кольца и соскользнула вниз, на песок. Немного постояла. Сдвинется ли червь с места? Мелькнула смутная мысль, что неплохо было бы перепрыгнуть через канал, но какое-то очарование удерживало девочку возле червя. Скользя ступнями по взрыхленному песку, Шиана двинулась к морде червя, к его страшной пасти. За хрустальными зубами, в глубине чрева бушевало пламя – были хорошо видны его рвущиеся наружу языки. Девочку обдала волна аромата Пряности – сухой, жаркий аромат корицы.

Ею вновь овладел приступ ярости, как тогда, когда она, не помня себя, спустившись с дюны, набросилась на червя с кулаками.

– Будь ты проклят, Шайтан! – закричала Шиана, потрясая кулачками перед пастью зверя. – Что плохого мы тебе сделали?

Шиана помнила, что именно такими словами ругала червя ее охваченная яростью мать, когда червь уничтожил их сад. Шиана никогда не сомневалась в том, как следует обращаться к червю, его имя – Шайтан, это имя вьелось в ее детское подсознание, и ярость матери была объяснимой и понятной. Жители деревни принадлежали к самым бедным слоям нищего основания пирамиды ракиссского общества... Эти люди прежде всего верили в Шайтана, и только потом в Шай-Хулуда. Черви – это просто черви, если не хуже. В открытой пустыне нет справедливости. Там везде подстерегает опасность. Нищета и страх перед священниками заставляли людей выходить в дюны, но ими двигало то же злое упрямство, которое было столь характерно для древних фрименов.

Правда, на этот раз Шайтан победил.

До сознания Шианы дошло, что она встала на смертельно опасную тропу. Смутно она понимала, что ведет себя, как сумасшедшая. Много позже, когда уроки учителей из Общины Сестер несколько отточили ее восприятие, она поняла, что в тот страшный момент ею двигал страх одиночества. Она подсознательно желала, чтобы Шайтан убил и ее, чтобы она присоединилась к своим мертвым.

Под чревом червя раздался громкий скрежет.

Шиана едва не подавилась криком.

Медленно, затем все быстрее и быстрее, червь начал отползать назад, затем повернулся и, набирая скорость, понесся в Пустыню, рядом с проложенным им следом. Скрежет и свист этого страшного движения постепенно затихал. До сознания Шианы донеслись теперь и другие звуки. Она подняла глаза к небу. Девочку накрыла тень орнитоптера священников, который спускался с неба, издавая хлопающий громкий звук. Блестя на солнце металлическими частями, машина устремилась вслед за червем.

Вот теперь Шианой овладел более знакомый страх.

Священники!

Она снова поискала взглядом орнитоптер. Машина развернулась и, вернувшись, приземлилась на площадку ровного песка, укатанного громадным телом червя. В нос ударил запах машинного масла и едкое облако паров горючего. Машина была похожа на насекомое, сидевшее на песке и готовое ужалить.

С резким щелчком откинулась дверца.

Шиана выпрямилась и расправила плечи. Что ж, ее поймали. Она знала, что ее ждет. Никто не мог передвигаться по воздуху, кроме священников. Только они имели право летать на орнитоптерах. Они могли проникать всюду и видеть все.

Из машины вышли два роскошно одетых – в расшитых золотом и отороченных пурпуром белых накидках – священника и побежали к девочке, увязая ногами в песке. Приблизившись настолько, что Шиана ощутила запах пота и мускусный запах меланжи, исходивший от их одежд, они опустились перед девочкой на колени. Священники были молоды, но как и все священники, имели мягкие черты лица, нежные ухоженные руки и совершенно не думающие о потере влаги. Ни у одного из них не было под накидкой защитного костюма.

Тот, который стоял слева, вперил свой взор в глаза Шианы и заговорил:

– Дитя Шай-Хулуда, мы видели, как твой Отец принес тебя из Его страны.

Эти слова не имели для Шианы никакого смысла. Священники – это люди, которых можно только бояться. Ее родители и все взрослые, которых она знала, запечатлели этот страх всеми своими словами и поступками. У священников были орнитоптеры. Священники могли скормить человека Шайтану за малейшее прегрешение или просто по своему капризу. Примеров тому было великое множество.

Шиана отпрянула и лихорадочно оглянулась. Куда бежать?

Тот, который заговорил, умоляюще воздел руку.

– Останься с нами.

– Вы плохие! – голос Шианы стал хриплым от избытка чувств.

Оба священника распростерлись на песке лицом вниз.

Вдалеке, в окнах башни блеснули линзы оптических приборов. Шиана заметила этот блеск. Она знала, что означают эти блики. Священники всегда наблюдают за людьми в своих городах. Как только увидишь такой блик, надо сразу же начинать вести себя прилично, быть «хорошей».

Чтобы унять дрожь, Шиана сцепила перед собой руки. Она посмотрела направо, потом налево, потом на распростершихся на песке священников. Что-то в этой картине было не так.

Уткнувшись лицами в песок, священники дрожали от страха и чего-то ждали. Никто из них не произносил ни слова.

Шиана не имела ни малейшего представления, как реагировать на такое странное поведение. Восемилетняя девочка не могла сразу переварить крах всех своих прежних представлений. Она знала, что ее родителей и всех соседей поглотил Шайтан. Она видела это своими глазами. Однако тот же Шайтан принес ее сюда, не отправив в свою страшную печь. Он пощадил ее.

Это слово она хорошо понимала. *Пощадил*. Это слово ей объяснили, когда она пела танцевальную песню.

Шай-Хулуд, пощади нас!

Избавь нас от Шайтана...

Медленно, не желая рассердить простертых перед ней священников, Шиана начала ритмично двигаться в такт ритуальному танцу. Вспомнив мелодию, она разжала руки и развела их в стороны, не прекращая движений. Стоя на месте, она высоко поднимала ноги. Тело ее начало вращаться – сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Девочку начал охватывать экстаз танца. Длинные каштановые волосы разметались и покрыли ее лицо.

Священники отважились поднять головы. Станный ребенок показывал им Танец! Они хорошо знали эти движения. Танец Умиротворения. Она просила Шай-Хулуда простить свой народ. Она просила Бога простить *их*!

Они посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, снова встали на колени. Они принялись хлопать в ладоши, чтобы незаметно привлечь внимание танцовщицы. Они ритмично хлопали, выводя в такт хлопкам древний напев:

*Наши отцы ели манну в пустыне,
В жарких песках, где свирепствуют бури!*

Священники не обращали внимания ни на что, кроме ребенка. Это было стройное создание с небольшими крепкими длинными мышцами, тонкими руками и ногами. Накидка и защитный костюм изобличали невероятную бедность. Выступающие плоские скулы отбрасывали тень на оливково-смуглое лицо. Глаза карие, в волосах выгоревшие на солнце пряди. В ее чертах проглядывало стремление природы экономить драгоценную воду – узкие нос и подбородок, высокий лоб, большой рот, тонкие губы и длинная шея. Она выглядела точь-в-точь как фримены на портретах, найденных в святой святой – в сокровищах Дар-эс-Балата. Ну конечно же! Так выглядеть может только дитя Шай-Хулуда.

Она, кроме того, отлично танцует. Ни один чужеродный убыстряющийся ритм не мог помешать ее движениям. Ритм был, но он был длинным, и его рисунок не повторялся в течение сотни движений. Девочка продолжала танцевать, а между тем солнце поднималось все выше и выше. Был почти полдень, когда, выбившись из сил, Шиана упала на песок.

Священники поднялись с колен и всмотрелись в Пустыню, куда ушел Шай-Хулуд. Танец не позвал его назад. Они были прощены.

Так началась новая жизнь Шианы.

В своих апартаментах старшие священники на повышенных тонах до хрипоты спорили о девочке. Наконец, не придя ни к какому решению, они направили это дело на рассмотрение Верховному Священнику Хедли Туэку. Встретились они в зале малой конгрегации – Туэк и шесть Высших Советников. Высеченное в скале изображение Лето II – человеческое лицо на теле червя – одобрительно взирало на Совет со стены. Туэк сел на каменную скамью, найденную в одном из древних сиегчей. По преданию, на этой скамье сидел сам Муад'Диб. На одной из ножек до сих пор сохранилось изображение ястреба Атрейдесов.

Советники расселись на меньшие, современные, скамьи лицом к Верховному.

Верховный Священник имел впечатляющую внешность: шелковистые седые волосы, тщательно расчесанные, ниспадали на плечи. Волосы обрамляли широкое, властное лицо с твердо очерченным ртом и массивным подбородком. У Туэка были необычные глаза – естественный цвет белков сочетался с интенсивной синевой зрачков. Кустистые, неподстриженные седые брови оттеняли глаза.

Советники представляли собой довольно пестрое собрание. Отпрыски старинных священнических семейств, они несли в сердцах твердую веру в то, что дела пошли бы гораздо лучше, если бы на месте Туэка восседал *он*.

Тощий, костлявый, лицом напоминающий кувшин, Стирос добровольно взял на себя роль оппозиционера.

– Она всего лишь нищая бабенка из Пустыни, прокатившаяся на Шай-Хулуде. Это запрещено, и девчонку надо примерно наказать.

Стиросу ответили сразу несколько голосов:

– Нет, нет, Стирос! Ты неправильно это понимаешь! Она же не стояла на Шай-Хулуде, как это делали древние фримены! Кроме того, у нее не было палки с крюком или...

Стирос в ответ старался перекричать остальных.

Дело застопорилось намертво. Туэк видел – голоса разделились поровну – три на три, при этом толстый гедонист Умфруд ратовал за «осторожный подход».

– Она никак не могла направлять шествие Шай-Хулуда, – спорил Умфруд. – Мы все видели, как она сошла на песок и безбоязненно говорила с Ним.

Да, они все видели это, либо непосредственно, либо в записи на голофото, которое было заботливо сделано с помощью специальной аппаратуры. Бездомная пустынная нищенка или нет, но она безбоязненно встретила с Шай-Хулудом и говорила с Ним. И Шай-Хулуд не поглотил ее. Действительно нет. По команде ребенка Шай-Хулуд послушно уполз обратно в Пустыню. Бог-Червь покорился маленькой девочке.

– Мы испытаем ее, – сказал Туэк.

На следующий день, ранним утром орнитофер, управляемый двумя священниками, которые первыми встретились с Шианой, доставил девочку в Пустыню, подальше, туда, где ее не могло бы видеть население Кина. Священники привели Шиану на вершину одной из дюн и привели в действие старый фрименский механизм – тампер, – который, ритмично ударяя по песку, служил орудием вызова червя. Священники спешно погрузились в орнитофер и зависли на большой высоте, наблюдая за происходящим. В двадцати метрах от тампера они оставили Шиану, которая только теперь осознала, что сбылись ее худшие предчувствия.

Явились два червя. Это были не самые большие из всех, которых приходилось видеть священникам – всего по тридцать метров в длину. Один из червей наклонился над тампером и заглушил его. После этого черви, как по команде, одновременно развернулись и двинулись вперед, остановившись в шести метрах от Шианы.

Девочка стояла, не пытаясь сопротивляться, прижав руки к бокам. Священники сделали то, что должны были сделать, – они скормили ее Шайтану.

Сидя в орнитофере, священники, как зачарованные, следили за разворачивающимися событиями. Камеры транслировали происходящее в апартаменты Верховного Священника в Кине, где за событием наблюдали не менее зачарованно. Впрочем, такую картину им приходилось видеть не впервые. Это было стандартное наказание, удобный способ удалить еретика из среды горожан или священства или наказать ведьму. Но все они впервые видели в качестве жертвы ребенка, и какого ребенка!

Черви двинулись дальше и остановились на этот раз всего в трех метрах от Шианы.

Покорившись своей судьбе, девочка и не думала спасаться бегством. Скоро, думала Шиана, она окажется вместе со своими родителями и друзьями. Когда черви остановились, на смену ужасу пришел гнев. Эти сволочи священники оставили ее здесь! Она слышала, как над головой рокотал орнитофер. Воздух вокруг был напоен запахом Пряности. Она резко подняла вверх руку, указывая на зависший орнитофер.

– Идите, ешьте меня! Они хотят именно этого!

Священники не могли слышать ее слов, но прекрасно видели жест и то, что девочка что-то говорит бого-червям. Этот жест не мог означать для священников ничего хорошего.

Черви, однако, не двигались.

Шиана опустила руку.

– Вы убили моего отца и мою мать! – обвиняющим тоном крикнула она. Подойдя ближе, она погрозила червям кулаком.

Черви отступили, сохранив прежнюю дистанцию.

– Если я не нужна вам, то можете убираться! – она махнула рукой в сторону Пустыни.

Черви послушно отступили и развернулись.

Ошеломленные священники проследили за тем, как черви бросились в Пустыню и погрузились в песок в километре от дюны. Только тогда они отважились спуститься, охваченные страхом и трепетом. Они взяли с собой дитя Шай-Хулуда, посадили ее в орнитофер и доставили обратно в Кин.

Посольство Бене Гессерит в Кине к вечеру составило подробный отчет о происшедшем и направило его в Капитул на следующее утро.

Наконец это свершилось!

Проблема с некоторыми способами ведения войны (и Тиран превосходно знал это, поскольку использовал в своем уроке) заключается в том, что они уничтожают все моральные ценности у восприимчивых субъектов. При таком способе ведения войны пострадавшие, но выжившие, возвращаются домой, а мирное население не в состоянии даже представить, что могут натворить вернувшиеся с войны солдаты.

Учение Золотого Пути: Архивы Бене Гессерит

Это было одно из самых ранних воспоминаний Майлса Тега: вся семья сидит за обеденным столом. Майлсу было в то время семь лет, но тот эпизод намертво врезался в его память. Рядом с ним сидел его младший брат Сабин. Столовая в лернейском особняке украшена свежесрезанными полевыми цветами, желтоватый свет заходящего солнца рассеивается старинными занавесями. Ярко-синие обеденные приборы с серебряной каймой. Лакеи за спинками стульев, готовые услужить при первом же знаке. Впрочем, матери было некогда заниматься такими мелочами, она практически постоянно бывала в отъезде по поводу разных заданий. Учитель Бене Гессерит не имел права рассеивать свое внимание по пустякам.

Джейнет Роксбраф-Тег, сидя во главе стола, придирчиво следила за тем, чтобы все было на своем месте, не без успеха играя роль великосветской дамы. Лоши Тег, отец Майлса, всегда смотрел на это, как на причуду, с некоторым насмешливым изумлением. Это был худощавый мужчина с высоким лбом, лицом настолько узким, что казалось, будто глаза немного выпячиваются в стороны. Его черные волосы были превосходным контрастом светлым волосам супруги.

На фоне приглушенного позвякивания столовых приборов в атмосфере, наполненной благоуханием обильно приправленного специями супа эду, звучал голос матери, которая инструктировала отца, как вести себя с домогательствами Вольного Торговца. Стоило Джейнет произнести слово «Тлейлаксу», как Майлс насторожился. Его только недавно просветили о том, что на свете существует Бене Тлейлаксу.

Даже Сабин, который много лет спустя пал от руки отравителя на Ромо, слушал с таким вниманием, на какое только способен четырехлетний мальчик. Сабин... Как он поклонялся и боготворил своего старшего брата. Видя, что Майлс слушает мать, Сабин тоже превратился в слух. Оба мальчика сидели, сохраняя полное молчание.

– Этот человек работает на тлейлаксианцев, – сказала леди Джейнет. – Я чувствую это по его голосу.

– Я никогда не сомневался в твоей способности чувствовать такие вещи, – согласился с женой Лоши Тег. – Но что я должен делать? У него подлинные кредитные карты и он хочет купить...

– Заказ на рис в этот момент совершенно не важен. Никогда не допускай даже мысли о том, что лицедел ищет то, о чем говорит.

– Я уверен, что он не лицедел. Он...

– Лоши! Я знаю, что ты прилежно учился этому ремеслу и можешь за километр отличить лицедела от обычного человека. Я согласна с тем, что Вольный Торговец не из них. Лицедел остался в его корабле. Они же знают, что я здесь.

– Они, конечно, знают, что тебя им не одурачить. Да, но...

– Стратегия тлейлаксианцев всегда вплетена в целую сеть стратегий, и каждая из них может оказаться настоящей. Они научились этому у нас.

– Моя дорогая, если мы в данном случае имеем дело с тлейлаксианцами, а я не подвергаю сомнению твое суждение, то немедленно возникает вопрос о меланже.

Леди Джейнет слегка наклонила голову в знак одобрения. Действительно, даже Майлс знает о связи тлейлаксианцев с Пряностью. Да, именно это обстоятельство придавало Тлей-

лаксу непреодолимое очарование в глазах Майлса. На каждый миллиграмм меланжи с Ракиса в чанах Тлейлаксу производили тонны Пряности. Спрос на меланжу породил невиданное предложение, и даже Космическая Гильдия была готова встать на колени перед такой мощью.

– Да, но рис... – начал было Лоши Тег.

– Мой дорогой супруг, Бене Тлейлаксу не слишком-то нуждаются в рисе понги, да еще в нашем секторе. Они требуют его для перепродажи. Нам надо выяснить, кому в действительности нужен этот рис.

– Другими словами, ты хочешь сказать, что я должен тянуть время, – сказал Лоши.

– Именно так. Ты превосходно сделаешь то, что требуется. Не давай Вольному Торговцу говорить ни «да» ни «нет». Некоторые люди, воспитанные в традициях лицеделов, оценят такую тонкость.

– Мы выманит лицеделя из корабля, а ты в это время наведешь справки в других местах. Супруги обменялись понимающими взглядами.

– Он не сможет обратиться к другому поставщику в этом секторе, – вставил Лоши Тег.

– Он будет изо всех сил противиться прямой конфронтации, – заговорила леди Джейнет, стуча ладонью по столу. – Тяни, тяни и еще раз тяни. Ты должен выманить лицеделов из корабля.

– Но они, конечно, все поймут.

– Да, мой дорогой, и это очень опасно. Ты должен встретиться с ним только на нашей территории и при наличии надлежащей охраны.

Майлс припомнил, что в тот раз отцу действительно удалось выманить лицеделов с корабля. Мать водила его тогда к видеофону, и мальчик видел сцену допроса. В этой комнате, стены которой были обиты медными листами, отец заключил сделку, которая принесла ОСПЧТ громадные комиссионные, а отцу приличный бонус.

Тогда Майлс впервые в жизни увидел лицеделов: два маленьких тщедушных человечка, похожие, словно близнецы. Круглые лица, практически лишенные подбородков, приплюснутые носы, крошечные рты, черные, похожие на пуговицы, глаза и белые коротко подстриженные волосы, торчащие, как щетина щетки. Одеты они были как Вольные Торговцы – в черные туники и брюки.

– Это иллюзион, Майлс, – сказала мать. – Иллюзион – это их путь. Представление иллюзий для достижения вполне реальных целей – так работают тлейлаксианцы.

– Как фокусники в Зимнем шоу? – спросил Майлс, не отрывая взгляда от фигурок на экране видеофона.

– Это очень похоже, – согласилась с сыном мать. Она тоже следила за происходящим на экране, одной рукой обняв Майлса за плечи, словно стремясь защитить его.

– Сейчас ты видишь зло, Майлс. Изучи его хорошенько. Лица, которые ты видишь, могут измениться в мгновение ока. Эти люди могут стать выше и массивнее. Они могут стать похожими на твоего отца настолько, что только я смогу заметить подмену.

Майлс безмолвно округлил губы. Он внимательно уставился на экран и прислушался. Отец в это время с жаром объяснял, что цены, установленные ОСПЧТ на рис понги, снова взлетели вверх.

– Но вот что самое ужасное, – продолжала между тем мать. – Есть новые лицеделы, которые, коснувшись плоти своей жертвы, могут взять у нее часть памяти.

– Кусок их настоящего сознания? – спросил Майлс.

– Не совсем так. Нам кажется, что они забирают некий отпечаток памяти, этот процесс похож на голографию. Они до сих пор не догадываются, что мы знаем об этом.

Майлс все понял. Он не должен был ни с кем об этом говорить, даже с отцом и матерью. Она научила его, как в Бене Гессерит хранят тайны. Майлс внимательно следил за фигурками на экране.

Слова отца не производили видимого впечатления на лицеделов, но было видно, как их глаза блестят все ярче и ярче.

– Как они стали злом? – спросил Майлс.

– Они коммунальные существа, их породили без определенной формы. Сейчас они приняли такую форму только из-за меня. Они знают, что я наблюдаю за ними, и приняли свою нейтральную, коммунальную форму. Следи за ними внимательно.

Майлс с напряжением склонил голову набок и внимательно всмотрелся в экран, изучая лицеделов. Они выглядели совершенно бесцветными и беспомощными.

– У них нет чувства своего «я», – снова заговорила мать. – У них есть только инстинкт самосохранения, и то он действует только до тех пор, пока их хозяева не прикажут им умереть.

– А они это делают?

– Они проделывали это множество раз.

– Кто их хозяева?

– Мужчины, которые редко покидают планеты Бене Тлейлаксу.

– У них есть дети?

– У лицеделов не бывает детей, они мулы, стерильны. Но их хозяева могут скрещиваться и давать потомство. Мы взяли несколько экземпляров, но их отпрыски очень странные создания. Родилось несколько женщин, но мы не смогли добраться до их предковой памяти.

Майлс нахмурился. Он знал, что его мать принадлежит Бене Гессерит. Знал он и то, что Преподобные Матери несут в своем сознании огромную предковую память, охватывающую тысячелетия существования Общины Сестер. Знал он и кое-что о селекционном замысле Общины. Преподобные Матери подбирали определенных мужчин, от которых надо было получить потомство.

– Как выглядят женщины Тлейлаксу? – спросил Майлс.

Это был умный вопрос, и мать почувствовала гордость за сына. Да, вполне возможно, что леди Джейнет родила ментата. Женщины, участвовавшие в селекционной программе, были правы относительно генетического потенциала Лоши Тега.

– Никто никогда не видел женщин Тлейлаксу вне их родных планет, – ответила леди Джейнет.

– Они существуют или их заменяют чаны?

– Они существуют.

– Среди лицеделов есть женщины?

– По их собственному выбору они могут быть либо мужчинами, либо женщинами. Внимательно присмотришься к ним. Они знают, что делает твой отец, и очень злятся.

– Они не причинят ему вреда?

– Нет, не осмелятся. Мы приняли меры предосторожности. Смотри, у того, который слева, сжались челюсти. Это признак их гнева.

– Ты сказала, что они ком... коммунальные существа.

– Да, они подобны в этом отношении пчелам или муравьям. У них нет представления о своем образе. Поскольку они лишены самооценки, то к ним не применимы никакие моральные нормы. Ничему из того, что они говорят или делают, нельзя доверять.

Майлс содрогнулся.

– Нам так и не удалось найти у них хотя бы что-то похожее на какой бы то ни было моральный кодекс, – продолжала леди Джейнет. – Они – это плоть, превращенная в автомат. Они ничего не оценивают и никогда не сомневаются. Они порождены только для того, чтобы подчиняться своим хозяевам.

– Им приказали явиться сюда и купить рис?

– Точно так. Им приказали купить рис и они могут купить его только в этом секторе.

– Они должны купить его только у отца?

– Он их единственный источник. Вот сейчас, сынок, они расплачиваются с ним меланжей, ты видишь?

Майлс увидел, как один из лицеделов достал из стоявшего на полу кейса связку длинных палочек оранжево-коричневой Пряности и передал ее отцу.

– Цена оказалась гораздо выше той, на которую они рассчитывали, – прокомментировала расчет леди Джейнет. – Теперь будет очень просто проследить цепочку.

– Как?

– Обанкротится тот, кто нанимал этот корабль. Нам кажется, мы знаем, кто является покупателем. Но, кто бы он ни был, мы скоро точно это узнаем, а потом будет очень несложно узнать, что в действительности было здесь предметом торга.

После этого леди Джейнет принялась перечислять признаки, по которым можно на вид и на слух отличить лицедела от настоящего человека. Это были трудноуловимые признаки, но Майлс тотчас вник в суть дела. Мать даже сказала, что, пожалуй, он сможет стать ментатом... или не простым ментатом.

Незадолго до своего тринадцатого дня рождения Майлс Тег был направлен в специальную школу, расположенную в крепости Бене Гессерит на Лампадас, где подтвердили оценку матери. Ей было послано сообщение:

«Вы прислали нам воина ментата, на которого мы так рассчитывали».

Тег увидел эту записку только после смерти матери, когда разбирал ее вещи. Вид этих слов, написанных на ридулианском хрустале с оттиснутой внизу печатью Капитула, произвел на Тега странное впечатление смещения времени. Память перенесла Тега в Лампадас, где за годы учения любовь и благоговение перед матерью трансформировались в преклонение перед Общиной Сестер, что и задумывалось с самого начала. Он сам пришел к пониманию этого только во время прохождения курса подготовки ментатов, но понимание мало что изменило. Как бы то ни было, но оно еще крепче привязало его к Бене Гессерит. Понимание подтвердило, что уповать он может только на Бене Гессерит. К тому времени он понял, что Община Сестер – Бене Гессерит – самая могущественная организация, равная по мощи Космической Гильдии, превосходящая Совет Говорящих Рыб – наследниц великой империи Атрейдесов, и ОСПЧТ. Сила Бене Гессерит уравнивала притязания Фабрикаторов с Икса и организации Бене Тлейлаксу. Представление о могуществе Бене Гессерит давало то, что Община сохранила свою власть, хотя тлейлаксианцы научились выращивать меланжу в своих чанах, сведя на нет монополию Ракиса на Пряность, а мастера Икса начали делать машины, которые уничтожили монополию Космической Гильдии. К тому времени Майлс Тег уже превосходно знал историю. Гильд-навигаторы были уже не единственными, кто мог прокладывать трассы сквозь складки пространства – за одно мгновение в нашей галактике и еще за несколько секунд – в удаленных.

Учителя школы Сестер мало что утаили от Майлса. Например, ему открыли, что он является потомком Атрейдесов. Это откровение было необходимо, поскольку Майлс должен был пройти несколько испытаний. Сестры, это было совершенно очевидно, испытывали его на обладание предзнанием. Мог ли он, подобно Гильд-навигаторам, знать о наличии смертельных ловушек? Майлс не прошел этот тест. Его испытывали на обнаружение помещений и кораблей-невидимок. Нет, Тег был слеп, как и все простые смертные. Правда, на этот раз ему давали огромные дозы Пряности, и он почувствовал пробуждение своего истинного «я».

– Это зарождение твоего сознания, – так назвала Сестра-учительница это ощущение, когда Тег попросил объяснений по поводу этого странного чувства.

Какое-то время вселенная в свете нового осознания казалась Майлсу магической. Осознание было сначала окружностью, потом превратилось во всеохватывающий шар. Произвольные формы оказались преходящими. Майлс впадал в состояние транса без предвестников и совершенно неожиданно для себя до тех пор, пока Сестры не научили его контролировать это

явление. Учителя придали ему способности святого и мистика, он приобрел навык очерчивать руками круги, следуя очертаниям своего сознания.

В конце курса обучения его осознание пришло в гармонию с расхожими ярлыками обыденного мира, но ощущение чуда, посетившее Майлса в самом начале пути, осталось. Эта память стала для него источником силы в самые трудные моменты жизни.

После того как Тег принял должность Мастера Оружия при гхола, его чудесная память помогала ему все чаще и чаще. Особенно полезной она оказалась во время первой беседы с Швандю в Убежище Гамму. Их первая беседа состоялась в кабинете Преподобной Матери. В помещении с металлическими блестящими стенами было множество хитроумных приборов с клеймом Икса. Даже кресло, в котором сидела Швандю, – сидела на фоне окна, чтобы собеседник не мог видеть ее мимики, – даже это кресло с изменяемой формой было изготовлено на Иксе. Тег был вынужден сесть на кресло-собаку, хотя Швандю было хорошо известно отвращение Тега к унижению любой формы жизни.

– Тебя выбрали для этой цели только потому, что ты очень похож на классического дедушку, – заговорила Швандю. Яркий солнечный свет образовывал венец вокруг ее головы, покрытой капюшоном. *Это было сделано обдуманно!* – Твоя мудрость заслужит тебе любовь и уважение ребенка.

– Естественно, я не могу быть фигурой отца.

– Тараза считает, что ты идеально подходишь на роль деда. Мне известно о твоих почетных шрамах, полученных на службе, и это для нас очень большая ценность.

Эти слова лишь подтвердили вывод, сделанный ранее ментатом Майлсом Тегом: *Они запланировали это очень давно. Они вывели специальную породу для этого. И меня они получили тоже в результате селекции. Я – часть их далекоидущих планов.*

В ответ Майлс сказал только одно:

– Тараза ожидает, что это дитя станет великим воином, когда постигнет свою сущность.

Швандю молча посмотрела на Майлса, потом заговорила:

– Ты не должен отвечать на его вопросы о том, что такое гхола, если вдруг он столкнется с этим словом. Ты сам даже не произноси этого слова в его присутствии до того, как получишь на это мое разрешение. Мы снабдим тебя всеми необходимыми данными о гхола, чтобы ты мог достойно исполнять свои обязанности.

Подчеркнутой холодностью Майлс постарался придать особое значение своему ответу:

– Возможно, Преподобной Матери неизвестно, что я специально занимался гхола, которых изготавливают на Тлейлаксу. Кроме того, я встречался с ними в битвах.

– И ты полагаешь, что достаточно осведомлен о серии Айдахо?

– Айдахо имеют репутацию блистательных военных стратегов, – ответил на это Тег.

– Тогда, вероятно, Верховный Башар не осведомлен о других свойствах нашего гхола.

В ее голосе явственно прозвучало плохо скрытое издевательство. И кое-что еще, ревность и плохо скрытый гнев. Мать Тега учила своего сына читать ее истинные мысли сквозь маски. Это было запретное знание, и Тег тщательно его скрывал. Он притворно съехался и пожал плечами.

Было, однако, ясно, что Швандю прекрасно знает, что Тег – Верховный Башар Таразы. Все точки над «i» были расставлены.

– По требованию Бене Гессерит, – продолжала между тем Швандю, – тлейлаксиянцы внесли некоторые изменения в эту серию гхола Айдахо. Они модернизировали его нервно-мышечную систему.

– Без изменения исходной личности? – вопрос был задан наудачу. Тегу просто хотелось выяснить, насколько далеко зайдет Швандю в своей откровенности.

– Он гхола, а не продукт клонирования!

– Я понимаю.

– В самом деле? Тогда ты понимаешь, что на всех ступенях воспитания он должен получать полный тренинг прана-бинду.

– Приказ Таразы звучит недвусмысленно, и мы обязаны беспрекословно его исполнить. Швандю, не пытаясь больше скрывать гнев, подалась вперед.

– Тебя попросили обучать гхола, чья роль в некоторых планах может представлять для нас большую опасность. Мне кажется, что ты не имеешь даже отдаленного представления о том, что собираешься воспитывать.

Что собираешься воспитывать, подумал Тег. Не кого. Этот гхола никогда не будет кем для Швандю и всех других, кто выступает против Таразы. Возможно, что он не будет кем ни для кого до тех пор, пока не обретет истинную сущность исходного Дункана Айдахо.

Теперь Тег ясно видел, что Швандю утаивает нечто гораздо большее, нежели какие-то сведения о гхола. Она находится в активной оппозиции, как и предупреждала его Тараза. Швандю – враг, и приказ Таразы звучал совершенно недвусмысленно:

– Ты будешь оберегать ребенка от любой возможной угрозы.

Прошло десять тысяч лет с тех пор, как Лето II начал свой метаморфоз, превратившись из человека в песчаного червя Ракиса, а историки до сих пор спорят о его мотивах. Было ли это стремление к долгой жизни? Он прожил десять жизней, если считать среднюю продолжительность жизни равной тремстам стандартным годам, но примите во внимание цену, которую он за это заплатил. Было ли это соблазном власти? Его называют Тираном не без основания, но что принесла ему эта власть, если рассматривать ее с точки зрения человеческого могущества? Хотел ли он спасти человечество от него самого? На этот вопрос дают ответы его собственные слова, найденные при раскопках в Дар-эс-Балате, но я не могу принять эти объяснения. Было ли какое-то воздаяние, о котором нам мог бы поведать только его личный опыт? Этот вопрос, поскольку мы не имеем точных свидетельств, остается спорным. Нам остается только признать сам факт и сказать: «Он сделал это!» Нельзя отрицать только сам физический факт.

Метаморфоз Лето II Десяти тысячная годовщина Речь Гауса Андауда

Вафф еще раз почувствовал, что совершает лашкар. На этот раз ставки были высоки, как никогда. Досточтимая Матрона из Рассеяния потребовала его присутствия. Повиндах из повиндах! Потомки Тлейлаксу из Рассеяния рассказали ему все, что смогли узнать об этих ужасных женщинах.

– Гораздо более ужасные, чем Преподобные Матери из Бене Гессерит, – говорили тлейлаксианцы.

И гораздо более многочисленные, напомнил себе Вафф.

Тем не менее он не слишком доверял вернувшимся из Рассеяния потомкам Тлейлаксу. Их акцент был странным, еще более странны их манеры, и кроме того, Вафф сомневался, что они соблюдают ритуалы. Как можно было принять этих людей в Великий Кхель? Сколько гхуфрана потребуется, чтобы очистить их после стольких столетий отступничества? Очень сомнительно, чтобы они хранили тайнства Тлейлаксу на протяжении жизни нескольких поколений.

Они больше не были братьями маликами, но, к сожалению, именно они были единственным источником информации о возвращающихся Заблудших. А какие они приносили с собой откровения! Взять хотя бы откровения, касающиеся гхола Дункана Айдахо. Эти сведения стоили риска оскверниться злом повиндах.

Встреча с Досточтимыми Матронами была назначена на предположительно нейтральной территории – на иксианском корабле-невидимке, вращавшемся на малой орбите вокруг гигантской газовой планеты в одной из истощенных солнечных систем старой Империи. Сам Пророк выкачал последние ресурсы из этой системы. Среди экипажа иксианского корабля-невидимки было множество новых лицеделов, но Вафф потел от страха, вступая на борт космолета. Если эти Досточтимые Матроны действительно более ужасны, чем Сестры Бене Гессерит, то, может быть, они смогут обнаружить присутствие лицеделов?

Выбор места встречи вызвал большое напряжение на Тлейлаксу. Безопасно ли это место? Вафф успокаивал себя тем, что при нем находится два скрытно провезенных ружья, которые никто никогда не видел за пределами срединных планет Бене Тлейлаксу. Оружие представляло собой шедевр оружейного искусства – в рукавах Ваффа были спрятаны два миниатюрных арбалета, стрелявших дротиками. В течение многих лет Вафф тренировался в стрельбе, и теперь выстрел отравленной стрелой не требовал никакого участия сознания – все действия были доведены до отточенного автоматизма.

Стены помещения были покрыты панелями из меди, что говорило о защите от шпионских приспособлений иксианцев. Но какие еще устройства могли разработать люди Рассеяния вне пределов иксианской технической цивилизации?

Неуверенной походкой Вафф вошел в помещение. Досточтимая Матрона была уже на месте, сидя в кожаном кресле.

– Вы будете называть меня так же, как меня называют другие: Досточтимая Матрона, – приветствовала Ваффа женщина.

Его предупреждали об этом, поэтому Вафф поклонился и произнес:

– Досточтимая Матрона.

В ее голосе не было никаких намеков на скрытую силу. Низкое контральто с обертонами говорило о привычке к самоограничению. Женщина выглядела как атлет или акробат, который давно уже не выступает и выглядит заторможенным и медлительным, хотя на деле сохранил навыки и мышечный тонус. Натянутая кожа лица, выступающие скулы. Тонкие губы придавали ей высокомерный вид и, когда женщина произносила слова, казалось, что они обращены сверху вниз к мелким ничтожествам.

– Ну, проходите и садитесь, – проговорила она, указав рукой на кожаное кресло напротив.

Вафф уловил рядом с собой какой-то тонкий шипящий свист. Они остались наедине! На ней надето следящее устройство. Вафф разглядел даже конец провода, вставленный в левое ухо женщины. Его метательные орудия были защищены и отмыты против подобных локаторов, арбалеты специально выдерживали в ванне при температуре – 340 градусов по Кельвину в течение пяти стандартных лет, но достаточно ли этого?

Вафф медленно опустился в указанное кресло.

Глаза Досточтимой Матроны были прикрыты оранжевыми контактными линзами, что придавало им звериное выражение. Что ж, она действительно выглядела устрашающе. А ее одежда! Красные леопарды под темно-синей накидкой. Поверхность накидки была украшена каким-то подобием жемчуга, что придавало ей сходство с арабеской и драконом одновременно. Женщина сидела в кресле, как на троне, положив на подлокотники свои похожие на лапы животного руки.

Вафф оглядел помещение. Его люди осматривали ее вместе с иксианскими рабочими и представителями Досточтимых Матрон.

Мы все сделали наилучшим образом, подумал он и постарался расслабиться.

Досточтимая Матрона рассмеялась.

Вафф посмотрел на нее со всем спокойствием, на какое был в этот момент способен.

– Сейчас вы меня проверяете, – обвиняющим тоном заговорил Вафф. – Вы говорите себе, что располагаете огромными ресурсами, которые можете использовать против меня, некие тонкие и мощные инструменты, которые подкрепят ваши приказания.

– Не стоит говорить со мной в таком тоне, – слова были произнесены совершенно бесстрастно, но в них было столько яда, что Вафф едва не съежился.

Он взглянул на мускулистую ногу женщины и на темно-красную ткань леопарда, которая, казалось, стала ее второй кожей.

Время встречи было согласовано так, чтобы оба чувствовали себя в наилучшей форме, для этого пришлось подрегулировать их суточные ритмы. Тем не менее Вафф чувствовал себя не в своей тарелке, казалось, что его позиция ущербна. Что, если все истории его информаторов соответствуют действительности и у этой женщины есть оружие?

Она улыбнулась холодной и жестокой улыбкой.

– Вы пытаетесь меня запугать, – сказал Вафф.

– И добились в этом успеха.

Ваффа охватил гнев, однако он сумел сдержаться и заговорил совершенно спокойно:

– Я прибыл сюда по вашему приглашению.

– Надеюсь, вы сделали это не для того, чтобы вступить со мной в конфликт, который вы, без всякого сомнения, проиграете.

– Я прибыл сюда, чтобы выковать узы, которые нас свяжут, – ответил он. *Что им от нас надо? Нет сомнения, что им что-то надо.*

– Какие узы могут быть между нами? – спросила она. – Разве можно строить здание на зыбком фундаменте? Ха! Соглашения очень легко можно нарушить, что все и делают довольно часто.

– На какой предмет мы будем торговаться? – спросил Вафф.

– Торговаться? Я не торгуюсь. Меня интересует гхола, которого вы сделали для ведьм.

В ее тоне не было ничего особенного, но сердце Ваффа забилося чаще.

В один из периодов, когда он сам был гхола, Вафф обучался у ментата-перебежчика. Способности ментата были недоступны Ваффу, и кроме того, объяснения требовали слов. Им пришлось убить этого повиндаха-ментата, но в том опыте было нечто ценное. Вспомнив тот эпизод, Вафф едва не поморщился от отвращения, но вспомнил и нечто полезное.

Нападай и используй те данные, которые порождает нападение!

– Вы не предлагаете мне ничего взамен! – громко произнес он.

– Компенсация зависит от моего расположения, – проговорила женщина.

Вафф скорчил презрительную гримасу.

– Вы что, вздумали играть со мной?

Матрона оскалила в ухмылке белые звериные зубы.

– Вы не переживете моей игры, да этого и не требуется.

– То есть я должен зависеть от вашей доброй воли?

– Зависимость! – произнося это слово, она скривилась от отвращения. – Зачем вы продаете ведьмам этих гхола, а потом убиваете их?

Вафф сжал губы и промолчал.

– Вы каким-то образом изменили структуру гхола, хотя и сохранили способность восстанавливать первоначальную память, – заговорила женщина, не дождавшись ответа.

– Как много вы знаете! – это была отнюдь не издевательская насмешка, и Вафф испугался, что непроизвольно выдал себя. *Шпионы! У нее шпионы среди ведьм! Нет ли таких шпионов и на Тлейлаксу?*

– На Ракисе есть девочка, которая фигурирует в планах ведьм, – сказала Досточтимая Матрона.

– Откуда это вам известно?

– Нам известен каждый шаг ведьм, они ничего не могут от нас скрыть! Вы думаете о шпионах, но не понимаете, насколько длинны наши руки!

Вафф пришел в смятение. Она что, может читать его мысли? Это новое достижение Рассеяния? Дикий талант, вырвавшийся из-под контроля человеческой цивилизации?

– Как вы изменили гхола? – спросила женщина.

Голос!

Вафф, даже вооруженный против этой хитрости своим учителем ментатом, едва не выпалил ответ. Эта Досточтимая Матрона обладала силой ведьм! Как это неожиданно. Этого ждешь от Преподобной Матери и соответствующим образом готовишься. Ваффу потребовалось мгновение, чтобы восстановить душевное равновесие и прийти в себя. Он сцепил руки и прижал их к подбородку.

– У вас очень интересные источники, – сказала она.

На лице Ваффа появилось простодушное выражение. Он хорошо знал, каким обезоруживающе невинным созданием может выглядеть.

Нападай!

– Мы знаем, как многому вы научились у Бене Гессерит, – сказал он.

Лицо женщины на мгновение исказилось от ярости.

– Они ничему нас не научили!

Вафф понизил голос, сообщив ему некую игривость и юмор.

– Нет, речь, конечно же, не идет о сделке.

– Разве? – она, кажется, действительно удивилась.

Вафф опустил руки.

– Ну же, Досточтимая Матрона. Вы интересуетесь этим гхола. Вы говорите об обстановке на Ракисе. Для чего вам нужны мы?

– Нам надо от вас очень мало, и с каждой минутой ваша ценность становится все меньше и меньше.

Вафф почувствовал в ее ответе космический холод логической машины. От нее не пахло ментатом, но от общения с этой женщиной мороз идет по коже. *Она способна убить меня прямо сейчас!*

Где она прячет оружие? Да и нужно ли оно ей? Ему очень не нравился вид ее мускулистых ног, мозолистых рук и охотничий блеск звериных оранжевых глаз. Догадывается ли она (а может быть, знает) о том, что у него в руках?

– Мы столкнулись с проблемой, которая не может быть разрешена логическим путем, – сказала она.

Потрясенный Вафф уставился на собеседницу. Такое мог сказать только мастер Дзен-сунни! Он и сам говорил себе это не один раз.

– Вы, вероятно, не рассматривали такую возможность, – снова заговорила она. Было такое впечатление, что ее слова постепенно снимают маску с ее лица. За всеми этими уловками Вафф вдруг увидел счетную машину. Неужели она принимает его за косолапого недоумка, годного только на то, чтобы собирать всякий мусор?

Прикинувшись озадаченным и сбитым с толку, он спросил:

– Как же можно решить эту проблему?

– Естественный ход вещей все расставит по своим местам, – ответила она.

Вафф продолжал смотреть на женщину в притворном смятении. В ее словах не было никакой откровенности. Но кое-какие намеки все же были!

– Ваши слова совершенно запутали меня.

– Человечество стало бесконечным, – ответила она. – Это истинный дар Рассеяния.

Вафф попытался скрыть волнение, которое вызвали эти слова.

– Бесконечная вселенная, бесконечное время – все может случиться, – произнес он.

– Ах вы, умненький маленький манекен, – сказала она. – Каким образом одно относится к другому? Это не логично.

Сейчас она выглядела как какой-нибудь древний вождь Джихада Слуг, которые стремились избавить человечество от искусственного интеллекта. Эта Досточтимая Матрона – весьма странный анахронизм.

– Наши предки для решения логических задач прибегали к помощи компьютеров, – вставил он. *Пусть теперь она проглотит это!*

– Вы же и без меня знаете, что компьютеры лишены бесконечной памяти.

Ее слова снова смутили его. Неужели она и правда умеет читать мысли? Было ли это формой мозгового импринтинга? То, что тлейлаксианцы смогли сделать с лицевыми и гхола, другие могут делать с неменьшим успехом. Он сосредоточился на иксианцах и их машинах зла. Машинах повиндах!

Досточтимая Матрона обвела взглядом помещение.

– Вы не думаете, что мы зря доверяем иксианцам? – спросила она.

Вафф затаил дыхание.

– Мне кажется, что вы не вполне им доверяете, – сказала она. – Ну, ну, малыш. Я предлагаю тебе свою добрую волю.

С некоторым опозданием Вафф начал подозревать, что она пытается вести себя по-дружески и честно. Она действительно оставила свою гневную угрожающую позу злобного превосходства. Информаторы Ваффа из числа Заблудших говорили, что Досточтимые Матроны принимают сексуальные решения вполне в духе Бене Гессерит. Почему она пытается выглядеть соблазнительной? Но ведь она только что *поняла* и продемонстрировала слабость логики.

Все это так сбивает с толку!

– Наш разговор идет по кругу, – сказал он.

– Совсем наоборот. Круги замыкают. Круги ограничивают. Человечество больше не ограничено никаким замкнутым пространством и может расти беспрестанно.

Вот куда она опять клонит! Он заговорил, с трудом ворочая пересохшим языком:

– Говорят, что надо смириться с тем, чего не можешь изменить.

Она подалась вперед, уставившись в его лицо своими оранжевыми глазами.

– Вы смирились с неизбежностью окончательной катастрофы Бене Тлейлаксу?

– В таком случае я бы не приехал сюда.

– Когда отказывает логика, в ход идут другие инструменты.

Вафф усмехнулся.

– Не смейте меня дразнить!

Вафф поднял руки в умиротворяющем жесте.

– Какой инструмент предложит Досточтимая Матрона?

– Энергию!

Ее ответ удивил его.

– Энергию? В какой форме и как много?

– Вы требуете логического ответа, – сказала она.

Вафф с грустью подумал, что ошибся – она не мастер Дзенсунни. Досточтимая Матрона только играла словами на бахром алогичного, прикрывая этой словесной игрой свою безупречную логику.

– Гнилая сердцевина уничтожает весь плод, – с горечью произнес он.

Казалось, она пропустила мимо ушей этот пробный шар.

– В глубинах любого человека вполне достаточно энергии, которую надо осмелиться освободить, – сказала она и поднесла свой костлявый палец к кончику носа.

Вафф откинулся на спинку кресла, переждав, пока она опустит руку.

– Разве не то же самое говорили в Бене Гессерит, прежде чем произвести на свет Квисатц Хадераха? – спросил он.

– Они утратили контроль и над собой, и над ним, – насмешливо произнесла Матрона.

Она опять использует логику, оперируя с алогичным, подумал Вафф. Как много сказала она ему этими своими оговорками. Можно даже набросать эскиз истории этих Досточтимых Матрон. Дело было так: одна из *природных* фрименских Преподобных Матерей с Ракиса отправилась в Рассеяние. Самые разные люди спасались в то время Великого Голода и сразу после него на кораблях-невидимках. Такой корабль оставил где-то в дальнем далеке семя, посеянное ведьмой. И вот теперь это семя вернулось в виде этой охотницы с оранжевыми глазами.

Она еще раз решила опробовать на нем Голос и спросила:

– Что вы вложили в этого гхола?

На этот раз Вафф был готов к вопросу и попросту отмахнулся от него. Эту Досточтимую Матрону необходимо утихомирить или убить, если представится такая возможность. Он очень многое узнал от нее, но нельзя сказать, какие сведения она выудила у него и что ей удалось понять. Кто знает, какие таланты сокрыты в этом костлявом теле.

Это сексуальные чудовища, говорили информаторы. *Они покоряют мужчин силой своего пола.*

– Какое малое представление ты имеешь о том, какую радость я могу тебе доставить, – сказала она. Ее голос сжимал его, словно кольца свистящего кнута. Какое искушение! Как соблазнительно!

Надо было защищаться, Вафф заговорил:

– Скажи мне, зачем...

– Мне не нужно ничего тебе говорить!

– Но тогда не состоится сделка, – в его голосе звучала неподдельная грусть. Эти корабли-невидимки засадили вселенную всякой гнилью. Вафф ощутил на своих плечах тяжкий груз необходимости. Что, если он не сможет убить ее?

– Как ты смеешь предлагать сделку Досточтимой Матроне? – возмутилась она. – Знаешь ли ты, что это мы устанавливаем цену?

– Я же не знаю, как вы работаете, Досточтимая Матрона, – сказал Вафф. – Но по вашему тону я понимаю, что оскорбил вас.

– Извинение принято.

Не предполагалось никаких извинений! Он смотрел на женщину вкрадчивым ласковым взглядом. Как много можно вывести из устроенного ею представления, основываясь на его тысячелетнем опыте. Вафф проанализировал все, что ему удалось выяснить. Эта женщина из Рассеяния явилась к нему только для того, чтобы добыть необходимую ей информацию. Следовательно, у нее нет других источников. В ее действиях начинало проступать отчаяние. Оно хорошо замаскировано, но оно есть. Ей нужно либо опровержение, либо подтверждение обоснованности своих страхов.

Как она сейчас похожа на хищную птицу, вцепившуюся костлявыми лапами в ручки кресла! Плод гниет с сердцевины. Он сказал это, но она не услышала. Ясно, что расколотое на атомы человечество продолжает взрываться в Рассеянии Рассеяния. Люди, которых представляет эта Досточтимая Матрона, не изобрели способов обнаружения кораблей-невидимок. Да, это обстоит именно так. Она охотится за кораблями-невидимками точно так же, как ведьмы из Бене Гессерит.

– Вы ищете способ свести к нулю преимущества кораблей-невидимок, – сказал он.

Это высказывание явно потрясло ее, она не ожидала услышать ничего подобного из уст похожего на эльфа человечка, сидевшего перед ней. Он увидел, как по ее лицу, сменяя друг друга, прошли волны страха, гнева и решимости, прежде чем оно снова оделось в маску хищника. Но она знала. Она знала, что он все видел.

– Именно это вы вложили в своего гхола, – сказала она.

– Это то, что хотят видеть в нем ведьмы из Бене Гессерит, – солгал Вафф.

– Я вас недооценила, – сказала она. – У вас со мной получилось то же самое?

– Я так не думаю, Досточтимая Матрона. Селекционная схема, которая вас породила, воистину ужасна. Думаю, что вы можете взмахнуть ногой и убить меня прежде, чем я успею моргнуть глазом. Ведьмы не играют в одной с вами лиге.

Ее черты смягчились в довольной улыбке.

– Будет ли Бене Тлейлаксу служить нам по доброй воле или по принуждению?

Он даже не пытался скрыть ярость.

– Ты предлагаешь нам рабство?

– Это один из выборов, который вы сможете сделать сами.

Вот сейчас он сделает с ней все, что захочет. Высокомерие – это ее слабость. Напустив на себя покорность, он спросил:

– Что прикажете мне делать?

– Ты возьмешь с собой в качестве гостей двух молодых Досточтимых Матрон. Они будут скрещены с тобой и научат тебя... экстазу.

Вафф два раза глубоко и медленно вздохнул.

– Ты стерилен? – спросила она.

– Только наши лицеделы – мулы, – она и так давно это знает. Это знают все.

– Ты называешь себя мастером, но до сих пор не научился владеть собой, не говоря уже о других.

Я умею делать это гораздо лучше тебя, сука! Я, кроме того, называюсь машиейхом, а это уничтожит тебя.

– Две Досточтимые Матроны, которых я посылаю, разведывают все, что им надо в Тлейлаксу, и вернутся ко мне с подробным рапортом, – сказала она.

Он вздохнул в притворном негодовании.

– Эти молодые женщины хорошенькие?

– Досточтимые Матроны! – поправила она его.

– Это единственное имя, которым они пользуются?

– Если они и захотят поделиться с тобой своими именами, то сделают это только по своему желанию, но не по твоему.

Она наклонилась в сторону и ударила костяшками пальцев по металлическому полу. *В ее руках плавится металл, подумал Вафф. Она может пробить железную стену.*

Дверь отворилась, и в помещение вошли две женщины, одетые точно так же, как и его Досточтимая Матрона. Темные накидки были скромнее, и сами женщины были гораздо моложе. Вафф внимательно всмотрелся в их лица. Обе ли они... Он постарался скрыть свою радость, но не смог. Ничего страшного. Старшая подумает, что он восторгается красотой младших. По признакам, известным только ему одному, он увидел, что одна из новоприбывших – лицедел. Удалось совершить удачную подмену и эти растяпы из Рассеяния не смогли ничего заметить! Тлейлаксианец благополучно прошел испытание. Будут ли ведьмы Бене Гессерит так же слепы, когда получат своего гхола?

– Я вижу, что ты согласен со своей ролью и ты будешь за это вознагражден, – сказала старшая Досточтимая Матрона.

– Признаю вашу силу, Досточтимая Матрона, – сказал он, и это была правда. Он склонил голову, чтобы скрыть решимость, блеснувшую в его глазах.

Старшая женщина сделала знак двоим молодым приблизиться.

– Эти двое будут везде тебя сопровождать. Их самый легкий каприз – строгий приказ для тебя. Обращаться с ними надо со всем уважением и почестями.

– Конечно, конечно, Досточтимая Матрона, – все еще держа голову склоненной, Вафф поднял вверх обе руки, словно приветствуя прибывших женщин и изображая полную покорность. Из каждого рукава со свистом вылетели дротики. Выпустив их, Вафф дернулся в сторону, но недостаточно быстро. Старшая Досточтимая Матрона выбросила вперед правую ногу и ударила Ваффа в левое бедро. Удар опрокинул Ваффа в кресло.

Это было последнее действие в жизни Матроны. Дротик, вылетевший из левого рукава, поразил ее в шею, влетев в широко открытый от удивления рот. Наркотический яд пресек любую попытку вскрикнуть. Другой дротик – из правого рукава – попал в правый глаз настоящей молодой Досточтимой Матроне. Сообщник Ваффа – лицедел добил молодую ударом ножа в горло.

Через мгновение на полу лежало два бездыханных тела.

Вафф, с трудом преодолевая боль, встал с кресла и выпрямился. Бедро болело нестерпимо. Окажись он на миллиметр ближе, она сломала бы ему ногу. Он понял, что ее реакция не была опосредована центральной нервной системой – это был чисто мышечный рефлекс, как у насекомых. Над постановкой такого рефлекса стоит подумать!

Лицеделка, прислушиваясь, встала у входа в помещение. Она отступила в сторону и дала дорогу еще одному лицеделу под личиной иксианского гвардейца.

Пока Вафф массировал ушибленное бедро, лицеделы раздевали мертвых женщин. Иксианский гвардеец приложился лбом ко лбу старой Досточтимой Матроны. После этого все произошло в мгновение ока. Не было никакого иксианца – в помещении находились только две Досточтимые Матроны – старая и молодая. Вошел еще один псевдоиксианец и скопировал молодую Матрону. Вскоре от мертвых тел остался только пепел, который сложили в мешок, и один из лицеделов спрятал его под накидкой.

Вафф внимательно осмотрел помещение. Сделанное им открытие потрясло его до глубины души. Такое высокомерие было возможным только потому, что за спиной Досточтимой Матроны стояла сила настолько мощная, что об этом страшно было даже думать. Эту силу надо прозондировать. Он поманил к себе лицедела, который скопировал старуху.

– Ты скопировал ее?

– Да, Мастер. Ее бодрствующая память была еще жива, когда я копировал.

– Передай ей, – он показал рукой на того, кто был иксианским гвардейцем. Лицеделы коснулись друг друга лбами на несколько мгновений и разошлись. Этого было достаточно.

– Все сделано, – доложила старшая.

– Сколько еще копий этих Досточтимых Матрон мы сделали?

– Четыре, Мастер.

– Никто из них не обнаружен?

– Никто, Мастер.

– Эти четверо должны вернуться на родину убитых Досточтимых и разузнать о них все, что возможно. Один из них должен вернуться и рассказать все, что ему удастся узнать.

– Это невозможно, Мастер.

– Невозможно?

– Они отрезали себя от своих источников. Так они работают, Мастер. Это новая ячейка, они обосновались на Гамму.

– Но мы, конечно же, можем...

– Простите нас, Мастер. Координаты их родины в Рассеянии хранились на борту корабля-невидимки и были стерты.

– Выходит, что их следы полностью утрачены? – в голосе Ваффа прозвучало недовольство.

– Полностью, Мастер.

Катастрофа! Это было похуже перестрелки.

- Никто не должен знать о том, что мы здесь сделали, – пробормотал он.
- От нас об этом никто не узнает, Мастер.
- Какие у них таланты? В чем их сила? Быстро!
- В них есть все, чего можно ожидать от Преподобных Матерей Бене Гессерит, кроме их меланжевой памяти.
- Вы уверены?
- Нет никакого намека на нее. Как вы знаете, Мастер, мы...
- Да, да, я знаю, – он жестом приказал лицеделу помолчать. – Но старая была настолько надменной, настолько...
- Простите нас, Мастер, но время поджигает. Эти Досточтимые Матроны усовершенствовали искусство секса настолько, что опередили в этом деле всех других.
- Значит, то, что говорили нам наши информаторы, – правда?
- Они вернулись к старинному тантрическому искусству и развили свои способы сексуальной стимуляции, Мастер. С помощью этого оружия они завоевывали поклонение своих последователей.
- Поклонение, – выдохнул Вафф. – Превосходят ли они селекционных женщин Общины Сестер?
- Досточтимые Матроны уверены в этом, Мастер. Мы можем пока...
- Нет! – Маска эльфа была сброшена, и перед лицеделами снова возник их господин, их Мастер. Лицеделы покорно склонили головы. Внезапно в глазах Ваффа вспыхнули веселые искорки. Вернувшиеся из Рассеяния тлейлаксиянцы говорили правду! Он доказал это обыкновенным импринтингом, дав при этом своему народу новое непобедимое оружие!
- Какие будут приказания, Мастер?
- Вафф снова надел маску эльфа.
- Мы вплотную займемся этими проблемами, когда вернемся на Тлейлаксу, в Бандалонг. Но до этого времени даже Мастер не может отдавать приказы Досточтимым Матронам. Вы мои хозяева до тех пор, пока на нас смотрят чужие глаза.
- Конечно, Мастер. Мне следует довести ваш приказ до остальных?
- Да, а приказы мои таковы: этот корабль-невидимка никогда не должен вернуться на Гамму. Он должен исчезнуть без следа, и никто из экипажа не должен остаться в живых.
- Это будет сделано, Мастер.

Технология, наряду с другими областями человеческой деятельности, отличается склонностью инвесторов избегать какого бы то ни было риска. При малейшей возможности исключается всякая неопределенность. Инвестиции капитала следуют этому правилу, поскольку люди вообще предпочитают предсказуемость. Лишь немногие понимают, насколько разрушительной она может стать, ограничивая вариабельность и делая население исключительно уязвимым по отношению к капризам вселенной, которая очень часто неудачно бросает кости.

Оценка планеты Икс, Архив Бене Гессерит

На следующее утро после первого испытания в Пустыне Шиана, проснувшись, увидела вокруг своей постели множество фигур в белых одеждах.

Жрецы и жрицы.

– Она проснулась, – сказала одна из жриц.

Шиану охватил страх. Она натянула одеяло до подбородка и уставилась на жадно рассматривающих ее людей. Неужели они опять хотят оставить ее в Пустыне? Эту ночь она провела в мягкой постели на чистейших простынях, каких она ни разу не видела за все восемь лет

своей короткой жизни. Но при этом Шиана понимала одно: что бы ни делали священники – они всегда поступают двусмысленно. Этим людям ни в коем случае нельзя доверять.

– Ты хорошо спала? – спросила жрица, заговорившая первой. Это была седовласая пожилая женщина с лицом, обрамленным белым капором с пурпурной оторочкой. Старческие глаза были водянистыми, но очень живыми, отличаясь голубым цветом весеннего неба. Маленький вздернутый нос над узким ртом и выступающим подбородком.

– Ты хочешь поговорить с нами? – не унималась женщина. – Меня зовут Кания. Я – твоя ночная сиделка. Помнишь? Это я помогала тебе лечь в постель.

Голос женщины был по крайней мере ободряющим. Шиана села на постели и подобревшими глазами взглянула на обступивших ее людей. Они явно чего-то боялись. Обоняние дочери Пустыни хорошо улавливало феромоны пота. Шиана просто чувствовала: *Этот запах означает страх.*

– Вы думали, что сможете причинить мне вред, – сказала девочка. – Зачем вы это сделали?

Люди вокруг переглянулись, оцепенев от ужаса.

Зато Шиана мгновенно избавилась от страха. Она почувствовала, что порядок вещей изменился и что причиной этого стало вчерашнее испытание в Пустыне. Она вспомнила, как услужлива была эта пожилая женщина... Кания? Вчера вечером она буквально пресмыкалась перед ней. Со временем Шиане предстояло узнать, что любой человек, который хотя бы один раз пережил твердое решение умереть, приобретает новое эмоциональное равновесие. Страх стал преходящим явлением. Ощущение было необыкновенно интересным.

Голос Кании дрожал, когда она отважилась заговорить:

– Честное слово, дитя мое, мы не хотели причинить тебе вред.

Шиана одернула и поправила одеяло на коленях.

– Меня зовут Шиана, – это была вежливость Пустыни, ведь Кания назвала свое имя. – Кто эти люди?

– Их отошлют прочь, если ты не хочешь их видеть... Шиана.

Кания указала рукой на женщину с цветущим лицом, одетую в точности как Кания.

– Всех, кроме, разумеется, Альгозы – она твоя дневная служанка, – добавила Кания. При этих словах Альгоза присела в глубоком реверансе.

Шиана взглянула на пухлое водянисто-полное лицо в нимбе светлых кудрявых волос. Потеряв интерес к Альгозе, Шиана резко перевела взгляд на мужчин. Они следили за ней с напряженным вниманием, полуприкрыв веки, некоторые дрожали от скрытого подозрения. Запах страха в этой группе был особенно силен.

Священники!

– Прогоните их прочь, – Шиана махнула рукой в сторону священников. – Они харам!

Это было уличное ругательство для обозначения самого злого и низкого, что есть в мире.

Потрясенные священники отпрянули.

– Убирайтесь! – приказала Кания. На ее лице против воли отразилось злое и одновременно озорное выражение. Кания не имела никакого отношения к этим тварям – воплощениям зла. Но все эти священники, которые торчали тут и глазели на Шиану, явно заслуживали прозвища «харам». Должно быть, они сделали что-то очень противное Богу, коли он послал им в наказание эту маленькую жрицу! В это Кания верила очень охотно; священники редко обходились с ней так, как она этого заслуживала.

Словно побитые собаки, священники, пятясь и подобострастно кланяясь, покинули покои Шианы. Среди тех, кто вышел в холл, был историк и стилист Дорминд, смуглый человек, вечно над чем-то размышляющий. Если его посещала какая-то идея, то он вгрызался в нее, словно стервятник в падаль. Когда дверь за ними закрылась, Дорминд сказал своим компаньонам, что имя Шиана – это современная форма древнего имени Сиона.

– Всем вам известно место Сионы в истории, – сказал он. – Это она служила Шай-Хулуду в его превращении из человека в Разделенного Бога.

Стирос, морщинистый старый священник с тонкими темными губами и светлыми водянистыми глазами, заинтересованно взглянул на Дорминда.

– Это в высшей степени любопытно, – сказал он. – Устное Предание утверждает, что Сиона была орудием превращения Одного в Многое. Шиана. Ты думаешь...

– Не будем забывать, что в переводах собственных слов Бога, выполненных Хади Бенотто, Шай-Хулуд часто упоминает имя Сионы, – вмешался в разговор другой священник.

– И не всегда одобрительно, – напомнил им Стирос. – Вспомните ее полное имя: Сиона ибн-Фуад аль-Сейефа Атрейдес.

– Атрейдес, – прошептал один из священников.

– Надо очень внимательно к ней присмотреться, – подвел итог Дорминд.

В холл стремительно вошел молодой вестник, который, обнаружив в толпе Стироса, подошел к нему.

– Стирос, – сказал он, – вы должны немедленно очистить холл.

– Почему? – В голосах оскорбленных священников звучало неподдельное негодование.

– Ее приказано переселить в апартаменты Верховного Священника, – ответил вестник.

– По чьему приказу? – потребовал ответа Стирос.

– Так приказал самолично Верховный Священник Туэк, – ответил посланник. – Там были слушания, – молодой человек махнул рукой в ту сторону, откуда явился.

Все сразу поняли, о чем идет речь. Помещения можно переделать так, чтобы звуки оттуда направлялись в определенные места, где сидели подслушивающие.

– Что они слышали? – требовательно спросил Стирос. Его старческий голос дрожал от волнения.

– Она спросила, отвели ли ей лучшие апартаменты. Сейчас все готово к ее переезду, и она больше не должна видеть никого из вас.

– Но что должны делать мы? – поинтересовался Стирос.

– Изучать ее, – ответил Дорминд.

Холл был очищен в течение нескольких минут, и все священники тотчас принялись изучать Шиану. То, чем они начали заниматься, отложилось в их сознании на долгие годы. Новый распорядок, который сложился вокруг Шианы, произвел изменения, которые ощутили в самых отдаленных уголках влияния Разделенного Бога. Два слова произвели это изменение: «Изучайте ее».

Как она наивна, думали священники. Курьезно наивна. Однако она умела читать и проявила недюжинный интерес к священным книгам, которые имелись в апартаментах Туэка, точнее сказать, теперь в ее апартаментах.

Наступившее изменение умиротворило и примирило всех – от высших до низших. Туэк переехал в квартиру своего первого помощника, и процесс пошел дальше. Лучшие производители одежды ожидали появления Шианы, чтобы снять с нее мерку. Для нее сшили самый красивый и лучший защитный костюм.

Люди начали избегать историка-стилиста Дорминда. Он подстерегал священников, хватал их за пуговицы и принимался рассказывать историю прежней Сионы, словно это могло пролить какой-то свет на нынешнюю носительницу древнего имени.

– Сиона была подругой Святого Дункана Айдахо, – напоминал Дорминд всем, кто желал его слушать. – Их потомки живут теперь повсеместно.

– В самом деле? Простите, что я не могу больше слушать вас, но у меня неотложное дело.

Поначалу Туэк проявлял по отношению к Дорминду большую терпимость. История была интересна, а ее уроки поучительны.

– Бог послал нам еще одну Сиону, – говорил Туэк. – Скоро все должно проясниться.

Дорминд уходил, но вскоре снова возвращался с новыми подробностями прошлого.

– Отчеты из Дар-эс-Балата представляются теперь в совершенно ином свете, – говорил Дорминд Верховному Священнику. – Не стоит ли нам подвергнуть дитя новым испытаниям и сравнениям?

Дорминд обычно накидывался на Верховного сразу после завтрака. Остатки еды еще стояли неубранными на балконном столике. Через открытое окно доносился шум из апартаментов Шианы.

Туэк предостерегающе прикладывал палец к губам и говорил приглушенным голосом:

– Священное Дитя по своей воле собирается в Пустыню.

Поднявшись на балкон, он, указывая рукой в юго-западном направлении от Кина, говорил:

– Очевидно, что-то интересует ее в тех краях или, я бы сказал, призывает ее.

– Мне говорили, что она часто пользуется словарями, – сказал Дорминд. – Это, конечно, не может быть...

– Не обманывайся на этот счет, – отмахнулся Туэк. – Она просто проверяет нас.

– Но, лорд Туэк, она задает Альгозе и Кании совершенно детские вопросы.

– Ты хочешь испытать мое суждение по этому поводу, Дорминд?

С некоторым опозданием историк понял, что переступил рамки дозволенного. Он замолчал, но выражение его лица было красноречивее любых слов, которые застыли у него на устах.

– Бог послал ее к нам, чтобы искоренить зло, которое проникло в ряды непосвященных, – произнес Туэк. – Иди! Молись и спроси себя, не проникло ли это зло в тебя самого.

Как только Дорминд удалился, Туэк вызвал помощника.

– Где Священное Дитя?

– Она ушла в Пустыню, лорд, чтобы общаться со своим Отцом.

– На юго-запад?

– Да, лорд.

– Увезите Дорминда подальше на восток и воткните в песок несколько тамперов, чтобы он никогда больше не вернулся.

– Дорминда, лорд?

– Дорминда.

Даже после того как Дорминд попал в пасть Бога, священники продолжали выполнять его напутствие: изучали Шиану.

Шиана тоже не оставалась в долгу и, в свою очередь, изучала их.

Постепенно, настолько постепенно, что она и сама не заметила, когда именно это произошло, но Шиана в один прекрасный момент вдруг осознала свою огромную власть над окружающими. Сначала это была просто игра, как это бывает в День Детей, когда взрослые прыгают на задних лапках, не зная, как угодить ребенку, выполняя его самые нелепые капризы. Но вскоре выяснилось, что удовлетворяется любой, именно любой каприз.

Она потребовала на обед редкий фрукт?

Ей подносили этот фрукт на золотой тарелке.

Она заметила в дальнем конце улицы какого-то ребенка и потребовала, чтобы этот ребенок составил ей компанию в игре?

Ребенка тотчас привозили в храмовые апартаменты Шианы. Когда страх и потрясение проходили, ребенок обычно начинал играть, и за этой игрой пристально следили священники и жрицы. Невинные забавы, беготня по саду на крыше и дикие вопли – все было предметом наблюдения и тщательного анализа. Восхищение случайного товарища по играм было в тягость Шиане, и она редко просила привести ей одного и того же ребенка для этой цели. Она предпочитала узнавать все новые и новые сведения от других товарищей по играм.

Священники не смогли достичь согласия в оценке безвредности таких встреч. Новых друзей старались подвергать тщательной проверке до тех пор, пока Шиана, увидев это, не рассердилась на своих стражей.

Слух о Шиане с неумолимой неизбежностью распространился по Ракису и за пределами планеты. В Общине Сестер накапливались рапорты и сообщения. Годы проходили в автократической рутине – священники продолжали убажывать любопытство Шианы, а любопытству этому, казалось, не будет пределов. Никто из слуг не расценивал это как обучение: Шиана учила священников Ракиса, а они учили ее... Сестры Бене Гессерит сразу отметили эту особенность и начали наблюдать за девочкой с удвоенным вниманием.

– Она находится в хороших руках. Пусть она остается там до тех пор, пока не созреет для нас, – приказала Тараза, – будьте готовы защитить девочку и постоянно держите меня в курсе дела.

Шиана так и не открыла священникам тайну своего истинного происхождения, как и не сказала им, что Шайтан сделал с ее семьей и соседями. Это было частное дело их двоих – ее и Шайтана. Девочка думала, что ее молчание – плата за безопасность.

Привлекательность некоторых вещей, однако, потускнела в ее глазах. Она стала реже наведываться в Пустыню. Любопытство все еще оставалось, Шиане становилось ясно, что ответ на мучивший ее вопрос: почему Шайтан щадит ее, надо искать не в открытых песках. И хотя она знала, что на Ракисе расположены посольства многих держав, шпионы Бене Гессерит в окружении Шианы доносили, что она не проявляет ни малейшего интереса к Общине Сестер. Для того чтобы еще больше уменьшить этот интерес, были разработаны специальные успокаивающие ответы на детские вопросы Шианы.

Послание Таразы наблюдателям на Ракис было прямым и недвусмысленным: «Поколения приготовления стали годами очищения. Мы выступим только в подходящий момент. Теперь больше нет никаких сомнений в том, что это тот самый ребенок».

Насколько я могу судить, за всю историю человечества реформаторы принесли людям гораздо больше несчастий, чем все остальные силы, вместе взятые. Покажите мне человека, который говорит: «Надо сделать то-то и то-то!», а я покажу вам голову, полную порочных намерений, которые не имеют другого выхода. Вот что мы всегда должны делать: искать естественный поток и сливаться с ним!
Преподобная Мать Тараза, Запись частного разговора, BG File GSXXMAT9

Жаркое солнце Гамму, поднимаясь все выше и выше над горизонтом, очищало затянутое тучами небо, вбирая в себя ароматы травы и леса и слизывая с листьев утреннюю росу.

Дункан Айдахо стоял у раскрытого Запретного Окна, вдыхая пряные ароматы. Этим утром Патрин сказал ему: «Тебе уже пятнадцать лет и ты можешь считать себя мужчиной. Ты больше не ребенок».

– Сегодня мой день рождения?

Разговор происходил в спальне Дункана, куда разбудивший его Патрин принес стакан апельсинового сока.

– Я не знаю, когда твой день рождения.

– У гхола бывают дни рождения?

Патрин промолчал в ответ, соблюдая строгий запрет говорить с гхола о гхола.

– Швандью говорит, что ты не имеешь права отвечать на такие вопросы.

Патрин заговорил с явным смущением в голосе:

– Башар желает, чтобы твои утренние занятия были перенесены на послеобеденное время. Он хочет, чтобы ты пока поупражнял ноги и колени.

– Но я уже делал эти упражнения вчера!

– Я просто выполняю приказ башара. – Патрин взял пустой стакан и оставил Дункана одного в комнате.

Айдахо быстро оделся. Его уже ждут к завтраку в столовой. *Будь они все прокляты!* Очень ему нужен их завтрак! Чем занимается башар? Почему он не смог вовремя начать занятия? *Упражнения для ног и коленей!* Это просто отговорка, башар выполняет какое-то другое поручение, вот и вся разгадка. Дункан был вне себя от гнева. Подойдя к Запретному Окну, он подумал: *Пусть накажут этих проклятых охранников!*

Запахи, которые он ощутил, показались знакомыми, но он не мог определить их точное местоположение на окраинах сознания. Он знал, что это его память. В ней было что-то пугающее, но одновременно и магнетическое – словно прогулка по краю отвесной скалы или открытое неповиновение Швандю. Правда, он никогда не ходил по краю пропасти и не выказывал открытого неповиновения Преподобной Матери, но мог легко себе это представить. Один взгляд на голофото тропинки над пропастью заставлял его сердце трепетать от страха. Что касается Швандю, то он легко мог представить себе ее гнев и опять испытывал непреодолимый страх.

В моем сознании обитает кто-то еще, подумал Дункан.

Даже не в сознании, скорее, в теле. Он чувствовал в себе чужой опыт так, словно только что проснулся с твердой уверенностью, что видел сон, но никак не может припомнить его содержание. Этот сон взывал к знанию, которым Дункан не мог обладать.

Однако он обладал им.

Например, он знал названия растений, запахи которых сейчас вдыхал, хотя этих названий не было в записях библиотеки.

Запретное Окно было таковым потому, что из него открывался вид на равнину за пределами Убежища, и кроме того, это окно можно было распахнуть. Впрочем, оно бывало открытым часто – для вентиляции. До окна Дункан добирался через перила балкона, соскользнув вниз по печной трубе склада. При этом мальчик научился делать это так осторожно, что не производил ни малейшего шума ни на балконе, ни на складе, ни на трубе. В очень раннем возрасте Дункан понял, что люди, прошедшие школу Бене Гессерит, могут угадывать то или иное событие по едва заметным признакам. Он и сам научился кое-чему от Майлса Тега и Луциллы.

Стоя в тени верхнего коридора, Дункан внимательно рассматривал лес, покрывавший горные склоны. Вид леса был неотразим. Вершины позади него казались волшебными. Легко можно было представить себе, что по этим скалам никогда не ступала нога человека. Как хорошо было бы заблудиться в этом лесу, быть только наедине с собой и не терпеть присутствия чужих людей, живущих рядом. Быть одиноким странником.

Тяжко вздохнув, Дункан отвернулся от великолепного вида и прежним потайным путем вернулся в свою комнату. Только оказавшись в надежных стенах своей комнаты, Дункан признался себе, что сделал это еще раз, и никто не будет наказан за это приключение. Наказания и боль, с ними связанная, висели вокруг запретных мест, словно мистическая аура, но они лишь заставляли Дункана соблюдать осторожность, когда он нарушал правила.

Он не любил думать о боли, которую причинит ему Швандю, если обнаружит его возле Запретного Окна. Но никакая боль не заставит его заплакать, сказал он себе. Он никогда не плакал – даже тогда, когда с ним проделывали самые отвратительные трюки. Он просто смотрел на Швандю ненавидящим взглядом, одновременно усваивая новый урок. Для него, впрочем, уроки Швандю сводились к одному: довести до безукоризненного совершенства способность передвигаться незамеченным, невидимым, неслышимым, не оставляя предательских следов.

Вернувшись в свою комнату, Дункан сел на край кушетки и принялся внимательно рассматривать голую стену перед собой. Однажды, когда он долго смотрел на эту стену, на ней явилось видение молодой женщины с янтарными волосами и округлыми сладостными чертами лица. Она смотрела на него со стены и ласково улыбалась. Губы ее двигались бесшумно. Дун-

кан уже давно научился читать по губам и понимал смысл сказанного: «Дункан, милый мой Дункан».

Была ли это его мать, думал он. Его настоящая мать?

Ведь даже у гхола когда-то была настоящая мать. Когда-то в незапамятные времена, до бродильных чанов, была в мире живая женщина, которая родила... и любила его. Да, любила его, потому что он был ее дитя. Если эта женщина на стене была и правда его матерью, то как она сумела найти дорогу сюда? Он не узнавал лица, но страстно хотел, чтобы это была его мать.

Опыт напугал его, но не мог развеять желания снова увидеть сладостный образ. Кто бы ни была эта молодая женщина, ее облик причинял Дункану сладкую муку. Незнакомец в его теле узнавал женщину. Он точно знал это. Иногда ему хотелось хотя бы на секунду стать этим незнакомцем – этого хватит, чтобы восстановить память, – но он сам пугался этого желания. Он потеряет свою сущность, как только незнакомец вступит в пределы его сознания.

Будет ли это похоже на смерть? – думал он.

Дункан впервые увидел смерть, когда ему не было и шести лет. Его охранники отражали нападение каких-то пришельцев, и в схватке один из стражников был убит. Погибли также четверо из нападавших. Дункан видел, как в Убежище внесли пять тел – вялые мышцы, безвольно повисшие руки. Из них вышло что-то исключительно важное. Ничто больше не могло воскресить их память – ни свою, ни чужую.

Пятерых убитых унесли куда-то в глубь Убежища. Позже Дункан слышал, как один из охранников говорил, что все четверо были нагружены широм. Так Дункан впервые столкнулся с Иксианским Зондом.

– Иксианским Зондом можно прощупать сознание даже мертвого человека, – объяснила Геаза. – Шир – это лекарство, которое защищает от проникновения Зонда в головной мозг. Клетки мозга успеют погибнуть прежде, чем прекратится действие этого лекарства.

Умение слушать и слышать помогло Дункану понять, что четверых покойников зондировали и другими способами. Ему не объяснили, что это за способы, но он подозревал, что это секретные способы Сестер Бене Гессерит. Он думал о них, как о еще одном дьявольском трюке Преподобных Матерей. Должно быть, они умеют воскрешать мертвую плоть и извлекать из нее нужную информацию. Дункан явственно представил себе, как по произволу дьявольского экспериментатора начинают двигаться мертвые вялые мышцы.

Этим экспериментатором всегда была Швандю.

Эти образы наполняли воображение Дункана, несмотря на все усилия учителей изгнать из его сознания «глупости, порожденные невежеством». Его учителя утверждали, что эти дикие рассказы годились только на то, чтобы сеять страх перед Бене Гессерит среди непосвященных. Дункан отказывался верить, что он является одним из посвященных. Глядя на Преподобную Мать, он думал: «Я – не из них!»

В последнее время самой настойчивой из всех стала Луцилла.

– Религия – это источник энергии, – говорила она. – Ты должен распознать эту энергию, и тогда сможешь направить ее по своему усмотрению.

По вашему усмотрению, а не по моему, мысленно отвечал ей Дункан.

В воображении мальчика рисовались картины его триумфа над Общиной Сестер, особенно над Швандю. Он чувствовал, что эти воображаемые проекции суть не что иное, как подсознательная реальность того незнакомца, который обитал на периферии его сознания. Однако он научился, не возражая, кивать, создавая видимость того, что и он находит такое религиозное легкоеверие очень забавным.

Однако Луцилла разгадала его двойственность, сказав Швандю:

– Он думает, что мистических сил следует бояться и по возможности избегать. До тех пор пока он будет упорствовать, мы не сможем использовать в его обучении наше самое сокровенное знание.

Они встретились для того, чтобы, как выражалась Швандю, определиться в оценках. Прошло совсем немного времени после легкого ужина. Они сидели вдвоем в кабинете Швандю. Звуки вокруг Убежища говорили о постоянном движении – началось ночное патрулирование. Свободный от дежурств личный состав шумно праздновал короткий отдых. Кабинет был не полностью изолирован от внешнего мира, но сделано это было преднамеренно. Из множества доносившихся сюда звуков Швандю могла извлечь массу полезной информации.

На каждой последующей встрече Швандю чувствовала, что победа ускользает от нее. Луцилле не удалось переманить на сторону оппозиционеров Таразы. Луцилла оказалась также устойчивой по отношению к манипулятивным уловкам Швандю. Самое ужасное заключалось в том, что и Луцилла, и Тег сообщали Дункану какие-то неуловимые знания. Это было в высшей степени опасно. В дополнение ко всем неприятностям Швандю чувствовала, что начинает против воли уважать Луциллу и считаться с ней.

– Он думает, что мы прибегаем к оккультным силам, чтобы практиковать наше искусство, – сказала Луцилла. – Как он пришел к такой странной идее?

Швандю почувствовала, что теряет господствующую позицию. Луцилла, несомненно, понимает, что это было сделано для того, чтобы ослабить гхола. Смысл слов Луциллы заключался в следующем: *«Непослушание – это преступление против Общины Сестер!»*

– Если он и захочет получить наши знания, то он, вне всякого сомнения, получит их от тебя. – Не важно, насколько это опасно, но Швандю понимала, что это правда.

– Его тяга к знаниям – мой лучший рычаг воздействия на него, – сказала Луцилла, – но мы обе знаем, что одного этого недостаточно.

В тоне Луциллы не было упрека, но Швандю тем не менее его почувствовала.

Проклятье, она пытается меня переиграть! – подумала Швандю.

На ум Швандю пришло сразу несколько вариантов ответа. *«Я не нарушила ни одного приказа»*. Ха! Отвратительное извинение! *«Гхола воспитывался согласно стандартам обучения в Бене Гессерит»*. Неуклюже и лживо. Этот гхола отнюдь не был стандартным объектом обучения. В нем была такая глубина, справиться с которой могла только потенциальная Преподобная Мать. А это была большая проблема!

– Я совершала ошибки, – признала Швандю.

Вот! Это настоящий обоюдоострый ответ, который должна одобрить любая Преподобная Мать.

– Но ты не делала ошибок, разрушая его, – возразила Луцилла.

– Но я же не могла предвидеть, что другая Преподобная Мать отыщет в нем изъяны, недоступные моему видению, – ответила Швандю.

– Он хочет обладать нашей силой, чтобы убежать от нас, – заговорила Луцилла. – Он думает: *«Однажды я буду знать столько же, сколько они, и тогда я сбегу»*.

Швандю не ответила, и Луцилла продолжила:

– Это было умно. Если он сбежит, то нам придется самим поймать и уничтожить его.

Швандю улыбнулась.

– Я не повторю твоих ошибок, – сказала Луцилла. – Я открыто скажу тебе то, что ты и без этого увидишь. Теперь я понимаю, почему Тараза послала импринтера к такому юному гхола.

Улыбка мгновенно испарилась с лица Швандю.

– Что ты собираешься делать?

– Я привяжу его к себе так, как мы привязываем наших послушниц к их учителям. Я буду обращаться с ним с той искренностью и верностью, с какими мы относимся к своим.

– Но он же мужчина!

– Что ж, ему будет отказано в испытании Пряностью, но это единственное ограничение. Я думаю, он ответит на такое обращение.

– Что будет, когда подойдет время заключительной стадии импринтинга? – спросила Швандю.

– Да, это будет весьма деликатная проблема. Ты думала, что это убьет его, и в этом заключался твой план.

– Луцилла, Община Сестер отнюдь не единодушно поддерживает планы Таразы относительно нашего гхола. Ты, без сомнения, знаешь об этом.

То был самый мощный аргумент Швандю, и она не зря приберегла его напоследок. Опасения породить нового Квисатц Хадераха глубоко укоренились в Общине Сестер и вызвали среди них сравнительно резкий раскол.

– Он происходит от первичного, примитивного генетического материала и не может породить Квисатц Хадераха, – возразила Луцилла.

– Но Тлейлаксу изменили его наследственный генетический аппарат!

– Да, по нашему заказу. Они ускорили проведение импульса по нервам и усилили мышечные рефлексy.

– И это все, что они сделали? – язвительно поинтересовалась Швандю.

– Ты же видела результаты клеточного анализа, – напомнила собеседнице Луцилла.

– Если бы мы могли делать то же самое, что и тлейлаксианцы, то нам не нужны были бы их услуги, – с жаром проговорила Швандю. – Тогда у нас самих были бы чаны с аксолотлями.

– Ты думаешь, что они от нас что-то скрывают, – констатировала Луцилла.

– Они прятали его от нашего наблюдения в течение девяти месяцев.

– Я слышала все эти аргументы, – устало произнесла Луцилла.

Швандю в знак капитуляции подняла руки.

– Ну что ж, отныне он твой, *Преподобная Мать*, и все последствия падут на твою голову. Но ты не станешь удалять меня с моего поста независимо от содержания рапорта, который ты отошлешь в Капитул.

– Удалять тебя? Об этом не может быть и речи. Мне не хочется, чтобы твоя клика при-слала сюда кого-то незнакомого.

– Есть предел оскорблениям, которые я готова выслушать от тебя.

– Но есть и предел предательства, которое готова простить Тараза, – отпарировала Луцилла.

– Если мы получим в результате нового Пауля Атрейдеса или, не приведи Господи, нового Тирана, то это будет целиком и полностью на совести Таразы, – сказала Швандю. – Можешь передать ей эти слова.

Луцилла поднялась.

– Ты можешь также узнать, что Тараза оставила на мое усмотрение количество меланжи, которое я буду давать нашему гхола. Я уже увеличила дозу.

Швандю с силой ударила по столу обоими кулаками.

– Будьте вы все прокляты! Вы в конце концов погубите нас!

Должно быть, секрет тлейлаксианцев заключается в их сперме. Наши анализы подтвердили, что их сперма не несет прямо распространяющейся генетической информации. Случаются провалы. Каждый тлейлаксианец, которого мы исследовали, прятал от нас свою истинную сущность. В них присутствует естественный иммунитет к Иксианским Зондам на самом глубоком уровне – это их последняя защита и последнее оружие.

Анализ Бене Гессерит, Архивный код: BTXX441 WOR

В тот день, когда исполнилось четыре года пребывания Шианы в Убежище священников на Ракисе, их шпионы донесли, что наблюдатели Бене Гессерит проявляют особый интерес к девочке.

– Так ты говоришь, что она была на крыше? – спросила Мать-Комендант ракиского Убежища.

Тамалейн, комендант, раньше служила на Гамму и знала, чего хочет получить Община здесь, на Ракисе. Прибытие шпионов прервало завтрак Тамалейн, состоявший из фруктов и конфитюра, приправленного Пряностью. Посланница стояла возле стола, пока Тамалейн, продолжая есть, перечитывала рапорт.

– Да, на крыше, Преподобная Мать, – подтвердила посланница.

Тамалейн взглянула на посланницу. Кипуна, местная уроженка, послушница, отличившаяся на службе. С полным ртом конфитюра Тамалейн спросила:

– *«Верните их назад!»* Это были ее доподлинные слова?

В ответ Кипуна коротко кивнула. Она поняла вопрос. Выражалась ли Шиана предсуществующими командами?

Тамалейн снова начала читать рапорт, выискивая в нем что-либо существенное. Как хорошо, что она послала на это задание именно Кипуну. Тамалейн уважала способности женщин Ракиса. У Кипуны было круглое лицо и растрепанные волосы, однако под волосами были отнюдь не растрепанные мозги.

– Шиана была недовольна, – заговорила Кипуна. – Низко над крышей пролетел орнитоптер, в котором она увидела двух заключенных, закованных в кандалы. Она поняла, что этих несчастных везут на смерть в Пустыню.

Тамалейн отложила в сторону рапорт и улыбнулась.

– Значит, она распорядилась вернуть ей заключенных. Я нахожу, что она очаровательно подобрала для этого нужные слова.

– *Верните их назад?* – спросила Кипуна. – Мне кажется, что это просто приказ. Что в нем очаровательного?

Тамалейн восхитила прямота, с которой послушница выразила свой интерес. Кипуна не упустит шанс узнать, как работает разум Преподобной Матери.

– Меня заинтересовала не сама эта часть ее поведения, – ответила Тамалейн. Она склонилась над рапортом и прочла вслух: – «Вы слуги Шайтана, а не слуги слуг», – Тамалейн подняла глаза и снова взглянула в глаза Кипуны. – Ты сама видела и слышала все это?

– Да, Преподобная Мать. Я сочла необходимым сама доставить вам рапорт, чтобы в случае необходимости самой ответить на ваши вопросы.

– Она все еще называет его Шайтаном, – сказала Тамалейн. – Как это, должно быть, их раздражает! Конечно, сам Тиран сказал, что его будут называть Шайтаном.

– Я читала донесения с места раскопок в Дар-эс-Балате, – вставила слово Кипуна.

– И с доставкой обратно двух заключенных, как я полагаю, не было ни малейшей задержки?

– Это было сделано, как только ее сообщение было получено на орнитоптере, Преподобная Мать. Они вернулись через считанные минуты.

– Итак, они все время наблюдают за ней и слушают, что она говорит. Хорошо. Показала ли Шиана каким-либо способом, что знает этих двух узников?

– Я уверена, что они были ей незнакомы, Преподобная Мать. Это были два обычных человека из низших классов, очень грязные и бедно одетые. От них несло немытыми телами обитателей лачуг периметра.

– Шиана приказала снять с них кандалы и заговорила с этими замарашками. Каковы были ее подлинные слова, что она сказала?

– Вы – мой народ.

– Мило, мило, – сказала Тамалейн. – Потом Шиана приказала, чтобы их увели, искупали, выдали новую одежду и отпустили. Расскажи мне своими словами, что произошло дальше.

– Она вызвала Туэка, который явился с тремя или четырьмя советниками, и между ними состоялась едва ли не ссора.

– Войди, пожалуйста, в транс памяти, – попросила Тамалейн. – Повтори мне их... обмен мнениями.

Кипуна закрыла глаза, глубоко вдохнула и впала в транс. Потом: «Шиана говорит: Мне не нравится, когда вы скармливаете мой народ Шайтану. Говорит советник Стирос: Они предназначались в жертву Шай-Хулуду! Шиана говорит: Шайтану! От гнева Шиана топает ногами. Туэк говорит: Довольно, Стирос. Я больше не хочу терпеть этот раздор. Шиана говорит: Когда вы научитесь? Стирос начинает говорить, но Туэк останавливает его одним взглядом и говорит: Мы всему научились, Священное Дитя. Шиана говорит: Я хочу...»

– Довольно, – остановила Кипуну Тамалейн.

Послушница открыла глаза и застыла в ожидании дальнейших приказаний.

Помолчав, Тамалейн заговорила:

– Возвращайся на свой пост, Кипуна. Ты очень хорошо поработала.

– Благодарю вас, Преподобная Мать.

– Между священниками начнется разлад, – сказала Тамалейн.

– Слово Шианы – закон для них, потому что в нее верит Туэк. Они перестанут использовать червей как орудие наказания.

– Для двух заключенных, – сказала Кипуна.

– Да, это ты хорошо подметила. Двое заключенных расскажут, что с ними произошло. История будет искажена слухами и преувеличениями. Люди скажут, что Шиана защищает их от священников.

– Но разве она и действительно не делает этого, Преподобная Мать?

– Да, но подумай, какой выбор остается у священников. Они станут более широко применять альтернативные виды наказаний – порку и различные виды депривации. Страх перед Шайтаном уменьшится, зато возрастет страх перед священниками.

В течение последующих двух месяцев донесения Тамалейн в Капитул полностью подтверждали ее правоту.

«Самой распространенной мерой наказания стало ограничение пищевого рациона, особенно воды», – доносила Тамалейн. Дикие слухи распространяются по Ракису и уже достигли самых отдаленных его уголков. Скоро они появятся на других планетах.

Тамалейн очень умело рассчитала воздействие своего рапорта на Сестер. Эти донесения увидят многие, в том числе и те, кто не слишком доволен Таразой. Каждая Преподобная Мать сможет представить себе, что может теперь произойти на Ракисе. Многие видели, как Шиана появлялась из глубин Пустыни верхом на черве. Стремление священников к секретности потерпело фиаско с самого начала. Неудовлетворенное любопытство породило свои ответы. Догадки в большинстве случаев опаснее фактов.

В предыдущих рапортах речь шла о детях, которых доставляли Шиане для игр. Многочисленные истории об этих случаях обрастали невероятными слухами и сплетнями, которые Тамалейн аккуратно посылала в Капитул. Двое заключенных, вернувшихся на свою улицу в новых добротных одеждах, подлили масла в огонь творимой на глазах мифологии. Сестры Общины – большие мастера этого жанра – мифотворчества – постепенно получали в свои руки рычаги воздействия на умы и сердца.

«Мы дали населению пищу в виде сбывающихся надежд», – доносила Тамалейн в Капитул. Она размышляла над порожденными Бене Гессерит фразами, перечитывая последний рапорт.

– Шиана – это та, которую мы давно ждем.

Это было достаточно простое высказывание, которое могло распространиться без существенных искажений.

– Дитя Шай-Хулуда явилось, чтобы примерно наказать священников.

Эти слова имели далекоидущие последствия. В темных аллеях в результате озлобления народа погибли несколько священников. Такой поворот событий повлек за собой усиление корпуса священников и новые несправедливости в отношении населения.

Тамалейн обдумывала визит делегации священников к Шиане. Необходимость этого визита была обусловлена разногласиями между Туэком и его советниками. Семь священников во главе со Стиросом были возмущены тем, что Шиана постоянно обедает в компании уличного ребенка. Зная, что это рано или поздно произойдет, Тамалейн распорядилась записать беседу советников с Шианой полностью – звук и картинку, чтобы потом проанализировать слова и мимику, по которой можно было бы судить об истинных намерениях говоривших. Для наметанного глаза Преподобной Матери это была не слишком сложная задача.

– Мы собирались принести жертву Шай-Хулуду! – протестовал Стирос.

– Туэк приказал вам не смей спорить со мной, – сказала Шиана.

Как улыбались жрицы, видя замешательство Стироса и других священников!

– Но Шай-Хулуд... – начал было Стирос.

– Шайтан! – поправила его Шиана. На ее лице ясно читалось: *Неужели эти тупые священники действительно ничего не понимают?*

– Но мы всегда думали...

– Вы ошибались! – Шиана нетерпеливо топнула ногой.

Стирос притворился, что ему нужна четкая инструкция.

– Следует ли нам верить, что Шай-Хулуд, Разделенный Бог, есть одновременно и Шайтан?

Господи, какой же он непроходимый глупец, подумала Тамалейн. *Даже такая молоденькая девочка, как Шиана, может поставить его в тупик.*

– Любой уличный ребенок понимает это, как только начинает ходить, – напыщенно произнесла Шиана.

– Откуда ты знаешь, что понимают уличные дети? – лукаво спросил Стирос.

– Ты – воплощение зла, если смеешь сомневаться в моих словах! – обвиняющим тоном заявила Шиана. Она давно научилась пользоваться таким приемом, зная, что ее слова обязательно дойдут до Туэка и у любого спорщика возникнут проблемы.

Стирос тоже слишком хорошо это знал. Он опустил глаза и слушал, как Шиана терпеливо, словно рассказывая в сотый раз одну и ту же сказку маленькому ребенку, объясняла, что либо Бог, либо дьявол, либо и тот и другой одновременно могут вселиться в червя, и не дело человека вмешиваться в Божий промысел. Смертный может лишь принять это как данность и смириться. Человек не смеет решать таких вещей.

За такую ересь Стирос в свое время отправил в Пустыню на съедение червям не одного человека. Выражение его лица, а оно по просьбе Тамалейн было записано очень тщательно, ясно говорило, что раньше подобные мысли зарождались на самом дне ракийского общества среди его отбросов. Но что происходит теперь! По милости Туэка он, Стирос, стоит, словно мальчишка, перед этой соплячкой и воспринимает ересь, как благовест Божественной истины.

Просматривая запись, Тамалейн решила, что блюдо, пожалуй, скоро будет готово – по крайней мере вода в горшке уже кипит вовсю. Именно так она и написала в своем донесении Капитулу Общины. Стироса обуревают сомнения, сомнения во всем, кроме того, что население начало боготворить Шиану. Шпионы из окружения Туэка доносили, что он усомнился в мудрости своего решения об устранении историка и стилиста Дорминда.

– Имел ли Дорминд право сомневаться в ней? – то и дело спрашивал Туэк у своего окружения.

– Ни в коем случае! – в один голос кричали льстецы из свиты.

Да и что еще могли они сказать? Верховный Жрец не мог допустить ошибку в столь важном вопросе. Бог не попустит этому. Однако совершенно очевидно, что это Шиана сбила его с толку. Решения многих предыдущих Верховных Жрецов были преданы полному забвению, требовался пересмотр и новое толкование догм.

Стирос не отставал от Туэка:

– Что мы в действительности о ней знаем?

В распоряжении Тамалейн был полный отчет обо всех таких столкновениях. Вот съемки совсем недавнего спора. Апартаменты Туэка. Собеседники вдвоем (точнее, они так думают) разговаривают, удобно расположившись в креслах-собаках при неярком свете единственного плавающего светильника, подвешенного невысоко над их головами.

– Возможно, мы провели негодный тест, когда в первый раз оставили ее в Пустыне с тампером, – заговорил Стирос.

Это было очень хитрое высказывание. Туэк не обладал изощренным умом.

– Негодный тест? Что, собственно говоря, ты имеешь в виду?

– Бог может пожелать, чтобы мы провели и другие испытания.

– Ты же видел ее своими глазами! Она множество раз общалась в Пустыне с Богом.

– В этом-то все и дело, – Стирос ухватился за новую возможность. Туэк дал именно такой ответ, на который рассчитывал старик. – Если она способна разговаривать с Богом, оставаясь при этом целой и невредимой, то, возможно, она может научить этому и других.

– Ты же знаешь, как она сердится, когда мы предлагаем ей сделать это.

– Может быть, мы подходим к проблеме не с тех позиций?

– Стирос, но что, если девочка права? Мы служим Разделенному Богу. Я много и серьезно размышлял над этим. Почему Бог разделился? Это последнее испытание Бога?

По выражению лица Стироса стало ясно, что именно такой гимнастики ума его клика боится больше всего. Он попытался увести Верховного с опасной дороги, но Туэк твердо решил увязнуть в дебрях метафизики.

– Последнее испытание, – настаивал на своем Туэк, – заключается в том, чтобы увидеть зло в добре и добро в зле.

На лице Стироса отразился неопиcуемый ужас. Туэк был Верховным Помазанником Божьим. Ни один священник не имел права сомневаться в сказанном им. Если Туэк вздумает публично выступить с подобными идеями, то будут потрясены самые основы веры и власть священства! Ясно, что Стирос спрашивает себя, не настало ли время *удалить* Верховного Священника.

– Я же никогда не смел даже предполагать, что мне придется обсуждать столь глубокие идеи с моим Верховным Священником, – сказал Стирос. – Но, вероятно, я могу сделать кое-какие предложения, с помощью которых станет возможным разрешить многие сомнения.

– Делай свое предложение, – ответил Туэк.

– В одежду девочки можношить маленькое подслушивающее устройство и узнать, о чем она...

– Ты полагаешь, что Бог не узнает, что мы это сделали?

– Такое никогда не приходило мне в голову!

– Я не прикажу отправить ее в Пустыню, – отрезал Туэк.

– Но если это будет ее собственное желание? – Стирос придал своему лицу самое располагающее выражение, на какое был способен. – Она много раз так поступала.

– В последнее время она не ходит в Пустыню. Кажется, ей больше не о чем советоваться с Богом.

– Но разве мы не имеем права просто сделать ей предложение? – спросил Стирос.

– Какое, например?

– «Шиана, когда ты снова будешь говорить со своим Отцом? Не хочешь ли ты снова предстать перед Его лицом?»

– Это не предложение, а подталкивание.

– Я лишь высказываю предположение.

– Я бы не сказал, что дитя Бога такая простушка! Она говорит с самим Богом, Стирос. Бог может сурово наказать нас за такие вольности.

– Но разве не Бог дал нам ее для изучения? – невинно поинтересовался Стирос.

Для Туэка такие речи были тем же, что и ересь Дорминда. Верховный злобно посмотрел на Стироса.

– Я хочу только сказать, что Бог хочет, чтобы мы чему-то научились у нее, – продолжал плести свою паутину Стирос.

Впрочем, Туэк и сам много раз повторял эти слова, не подозревая, что они звучат любопытным эхом слов Дорминда.

– Ее нельзя подталкивать к испытанию, – заявил Туэк.

– Да не допустят этого небеса! – возопил Стирос. – Я приму все меры предосторожности, я душу отдам за это. Все, что я узнаю от Священного Дитяти, я тотчас доложу вам, Верховный.

Туэк, не говоря ни слова, кивнул. У него были свои способы удостовериться в том, что Стирос не лжет.

Подробный рапорт о готовящемся испытании был направлен в Капитул Преподобной Матерью Тамалейн и ее подчиненными.

«У Шианы очень задумчивый вид», – докладывала Тамалейн.

Для Преподобных Матерей на Ракисе и в Капитуле этот задумчивый вид допускал только одно толкование. Родители Шианы давно покинули этот мир, но вмешательство Стироса заставило девочку снова пережить тоску по дому. Она хранила мудрое молчание, но по ней было заметно, что в последнее время она часто вспоминает о деревне первопроходцев, где прошло ее детство. Несмотря на все страхи и опасности, это было, очевидно, самым счастливым временем в ее жизни. Она вспоминает смех, игры в песке, охоту на скорпионов, прячущихся в трещинах стен, аромат Пряности в дюнах Пустыни. Видя, что Шиана каждый раз посещает одно и то же место, Сестры сделали правильный вывод о том, что именно там находилась деревня, и поняли, что с ней случилось. Шиана часто рассматривала карту, висевшую на стене в кабинете Туэка.

Как и ожидала Тамалейн, в один прекрасный день Шиана стукнула пальцем по тому месту на карте, куда она неоднократно ездила.

– Отвезите меня туда, – приказала она служанке.

Тотчас был вызван орнитоптер.

Пока священники жадно слушали, что же происходит в орнитоптере, парящем над их головами, Шиана еще раз встретила в песках со своей Немезидой. Тамалейн и ее советники, подключившись к аппаратуре священников, слушали так же жадно, как они.

На том месте, где Шиана приказала посадить себя, не было ничего, кроме песка и закрученных дюн. Тем временем Шиана привела в действие тампер. Это тоже была хитрость Стироса – именно он снабдил Шиану подробной инструкцией по пользованию тампером.

Червь не заставил себя ждать.

Тамалейн следила за происходящим по экрану своего релейного проектора, отметив, что чудовище было средних размеров – его длина не превышала пятидесяти метров. Шиана стояла в трех метрах перед разверстой огнедышащей пастью. Наблюдателям было хорошо слышно гудение пламени в чреве червя.

– Ты скажешь мне, зачем ты это сделал? – спросила Шиана.

Она стояла, не отклоняясь от жаркого дыхания зверя. Был явственно слышен скрип песка под червем, но ответа не было.

– Отвечай мне, – потребовала Шиана.

Ответа не было, но Шиана стояла, словно прислушиваясь, склонив набок голову.

– Тогда убирайся, откуда пришел, – рассердилась девочка, и червь послушно отполз назад и нырнул в песок. В течение нескольких дней Сестры с нескрываемым удовольствием наблюдали за священниками, которые оживленно обсуждали скудные результаты этой встречи Шианы с червем. Шиану нельзя было ни о чем спросить, так как в этом случае надо было признаться, что ее прослушивали. Как и раньше, она отказалась обсуждать со священниками любой предмет, касающийся ее отношений с червями.

Стирос продолжал свою политику провокаций. Результат оказался именно таким, какого и ожидали Сестры. Часто без всякого предупреждения Шиана, просыпаясь по утрам, говорила: «Сегодня я хочу отправиться в Пустыню».

Иногда для вызова червей она использовала тампер, иногда просто исполняла призывный танец. Далеко в песках, там, откуда не был виден Кин и где вообще не жили люди, черви приходили на зов Шианы. Шиана, стоя в гордом одиночестве перед червем, говорила с ним на глазах у многочисленных непрошенных слушателей.

Тамалейн, которая просматривала все записи перед тем, как отправить их в Капитул, находила эти беседы очаровательными.

– Я должна ненавидеть тебя!

Какой переполох вызывали эти слова среди священников! Туэк настаивал на открытом обсуждении: «Должны ли и мы, любя Его, одновременно ненавидеть?»

Стирос с большим трудом сумел отклонить это предложение, сославшись на то, что воля Божества не была высказана явно.

Шиана спросила своего гигантского собеседника:

– Ты позволишь мне снова прокатиться на тебе?

Когда она приблизилась, червь отступил и не позволил девочке взобраться на себя.

В другой раз она спросила:

– Должна ли я оставаться у священников?

Этот конкретный червь чаще других оказывался объектом самых разнообразных вопросов. Среди прочих были и такие:

– Куда деваются люди, которых ты ешь?

– Почему люди неискренни со мной?

– Должна ли я наказывать плохих священников?

Над этим последним вопросом Тамалейн долго смеялась, представляя себе, какую панику он посеял среди жрецов. Шпионы Общины точно доложили Тамалейн о недовольстве людей Туэка.

– Как Он ответил ей? – вопрошал Туэк. – Кто-нибудь слышал ответ Бога?

– Вероятно, Он общается непосредственно с ее душой, – предположил один из советников.

– В том-то и дело. – Туэк с радостью ухватился за эту соломинку. – Мы должны спросить, что велит ей делать Бог.

Однако Шиана не дала втянуть себя в эту полемику.

– Она прекрасно представляет себе свою силу, – докладывала Тамалейн Капитулу. – Сейчас она практически не выходит в Пустыню, несмотря на провокации Стироса. Как можно предположить, эти походы потеряли для девочки свою притягательность. Страх и восторг будут тянуть ее в Пустыню, пока не иссякнут. Однако девочка, кроме всего прочего, научилась пользоваться очень эффективной командой: «Убирайся!»

Сестры оценили это как значительный шаг в ее развитии. Если на эту команду реагирует даже Разделенный Бог, то ни один священник не посмеет оспаривать власть и могущество Шианы, которая может так дерзко и безнаказанно разговаривать с самим Богом.

«Священники начали строить в Пустыне башни, – доносила Тамалейн. – Они хотят обустроить несколько безопасных пунктов, откуда им будет удобно в непосредственной близости наблюдать общение Шианы с червем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.